

Г.А. Пыльнева

В Лавре преподобного Сергия

(Из дневника 1946–1996)

© Москва. 2005

Содержание

От автора

Часть I. Первые впечатления

Первое знакомство с образом Преподобного Сергия

Проси Преподобного!

Об открытии Лавры

О мощах преподобного Сергия

О звоне

Монах

Лунной ночью

О некоторых монахах Лавры первых лет ее становления

Связь времен

Вечерний акафист

Сибирские напевы

Зеленый огонек

Пасхальный благовест

Звоночек

На источник!

Урок

Было и так

«Праздник» 8 марта

Рождественским утром

Архангельский глас

Несостоявшееся прощание

На исповеди

Еще об исповеди

Часть II. Праздники в Лавре

На Рождество

Рождество Христово

Богоявленский сочельник

На Крещение

Праздник трех святителей

Вечер Прощеного воскресенья

Великим постом

Чин Торжества Православия

На Пасхе в Лавре. Особый случай

В субботу 3-й недели Великого поста

Пасха

Раздумья на Пасху

Мгновения-символы

На Светлой седмице

Пасхальное слово Владыки ректора

Пасха
На колокольне
Пасхальный канон в пятницу
По дороге
На Троицу
Троица
Розы на Владимирскую
Отпевание
Постриг в Троицком соборе
В один из будних дней
Праздник преподобного Сергия в Лавре
Летний праздник Преподобного
Осенью на Преподобного
Еще об одном осеннем празднике Преподобного
Сергиев день
Праздник Преподобного
О паремиях в день памяти преподобного Сергия Радонежского
В праздник Апостола любви
Праздник Преображения
К празднику Преображения
Преображение
Перед праздником Успения Божией Матери
На празднике Успения Божией Матери
На празднике Успения Божией Матери
В праздник Воздвижения Креста Господня
Филаретов день
Заключение
Приложение. Некоторые случаи помощи преподобного Сергия в более близкое
нам время
Встреча
Благословение Преподобного
Причащение
Ласка Преподобного
Посещение Преподобного
Явление Преподобного
Призвание
«Надо молиться!»
«Ты здоров!»
Деньги
«И меня пристрой!»
У Шмелёва
Скорее в Лавру
Исцеление инока, имевшего сухую руку
На венчании
При разделе
Перелом
Ответ на мольбу
Рассказ ямщика
На приёме у митрополита Филарета
У врача
«Кайся!»
В горе

«Не делайся слугой дьявола!»
Наказание за насмешку
За нерадение
Схимник
Вразумление свыше
Сокращения:
Примечания издателей

От автора

Спустя полвека со времени возвращения жизни в затихшие соборы и храмы Троице-Сергиевой Лавры хотелось собрать все свои записи, относящиеся к посещениям любимой с детства обители преподобного Сергия, и некоторые из них, во избежание повторений, включить в этот сборник. Он составлен почти полностью из личных заметок, за исключением воспоминаний одного из первых послушников Лавры, теперь архиепископа¹¹, отца Сергия Боскина и Н. М. Любимова. Они дополняют скудные знания составителя о самом первом периоде жизни Лавры.

При всей ограниченности этих дневниковых записей хотелось все-таки собрать их вместе с единственной целью — попытаться хоть как-то выразить невыразимое: огромную сердечную **благодарность** Господу, Промыслителю спасения каждого, и преподобному авве Сергию за то, что **есть на свете Лавра Троицкая** и есть возможность каждому желающему прикоснуться к чуду. Чудо это заключается в том, что в Лавре самое удивительное и драгоценное — это **участие**, хотя и незримое, в жизни каждого, кто тянется душой к Преподобному, — **самого Преподобного**.

Все остальное, неизбежно сопровождающее всех нас, грехом ослабленных, не так важно. Главное — не проглядеть, не пропустить без внимания живой образ преподобного нашего аввы Сергия Великого.

Если трепетно и благоговейно молиться в Лавре со всем усердием, на которое кто способен, то нельзя не согласиться, что нет на свете уголка лучше обители Сергиевой. Ощутить это легче тому, кто не отягчен житейскими привязанностями, кто может не расплывать внимание на все второстепенное, постороннее, кто ищет не своего, а Божиего, кому место свято уже потому, что молитвами Святого строилось и посещением Богоматери благословлено было.

Богу нашему слава и Угоднику Его достойное величание!

Часть I. Первые впечатления

Первое знакомство с образом Преподобного Сергия

В далекие детские годы, еще до начала Отечественной войны (значит, до моих пяти лет), как-то бабушка взялась перебирать свое «добро» в большом сундуке. Может, он был и не таким уж большим, но мне казался огромным. Бабушка запирала его на замок, чтобы ребятишки не забрались из любопытства и не потревожили ее ценности. Бабушка время от времени просушивала вещи, хранившиеся в сундуке. Убедившись в том, что ничего интересного там нет и пахнет нафталином, мы потеряли к нему всякий интерес. Возможно, и о сундуке я бы не вспомнила, если бы не одна находка. Разбирать бабушкино «богатство» помогала ее дочка—моя тетушка. Они среди всего хозяйства нашли образок преподобного Сергия, обгоревший и поцарапанный. Тетушка, имея меня в виду, сказала бабушке: «Ты его ей береги. Пойдет в школу — пригодится». Наверное, этот момент и был первым указанием на преподобного Сергия.

Вскоре началась война. Мы перебрались из Подмосковья в столицу. Москва встретила нас страшной картиной разорения: затемнением, холодом, длинными

---

¹ Примечания, обозначенные цифрами, см. на стр. 377.—*Ред.*

очередями, карточками, слезами и страхом. Вместе с самым необходимым мы взяли и этот образец. Уважение взрослых как-то передалось, обратило внимание, вошло в сознание еще до понимания того, кто это и почему пригодится.

Немного позднее, ближе к моим семи годам, попался лохматый сборник, где кто-то неумело соединил все, что было под руками: отрывки из житий святых, молитвы, описания святых обителей. Если вспомнить, что в эти годы — в начале 40-х, когда шла война и главное, после усердного истребления всего, что могло напомнить о «пережитках прошлого», — почти ничего из духовной литературы у знакомых найти было нельзя, то и такой самодельный сборник был богатством, которое берегли, передавали из рук в руки с опасением, иногда и недоверием, всегда с тревогой.

Из этого сборника что-то удалось извлечь и о Троице-Сергиевой Лавре. Ясно стало одно: она где-то близко! Само описание не тронуло из-за обилия цифр: столько-то метров высота, столько-то стоило строительство и тому подобное.

Проси Преподобного!

Как *вера от слышания*², так и особое чувство близости может быть от общения с тем, кому такое чувство хорошо знакомо. Нам посчастливилось еще в первые послевоенные годы побывать у старца Иннокентия^{II}. До разорения монастырей он жил в Зосимовой пустыни, сравнительно недалеко от Лавры Преподобного. Видимо, образ преподобного Сергия был ему близок и дорог. Не помню, чтобы он рассказывал что-то о Преподобном. Кажется, о нем мы читали где-то до этого. Главное — какие-то самые краткие, но существенные сведения о Преподобном дошли до нас в раннем детстве. У старца же часто звучало: «Проси Преподобного!». Тогда меня удивило то, **как** это было сказано! Столько было в этом доверия, близости. От старца мы узнали и об открытии Лавры после войны. Как он радовался! Его отношение к Преподобному невольно заставляло без раздумий принимать все, что связано с именем Преподобного. Естественно, там же мы получили благословение съездить к Преподобному. Мне было тогда десять лет, одну бы не пустили в неведомые края, а старшим было недосуг. Еще и еще не раз слышали мы: «Съездите к Преподобному!». Эта настойчивость и побудила оставить все дела и выбраться наконец-то в только что пробуждающуюся к жизни Лавру. С тех пор все дальнейшее, все лучшее, самое желанное и заветное, связано благодарной памятью с Лаврой как с местом чуда, где Преподобный всероссийский игумен незримо действует по сей день, направляя каждого ко спасению.

Об открытии Лавры

В детстве о подробностях открытия Лавры мне мало что удавалось услышать, а позже в письме одного из первых послушников (теперь он архиепископ Ярославский) получила довольно подробные и интересные сведения. Переписываю целиком.

Из письма архиепископа Михея

«В 1945 году Патриарх Алексий^{III} из Ташкента вызвал архимандрита Гурия^{IV}, которого знал по Ленинграду, и за восемь месяцев до открытия Лавры назначил его наместником. А пока он был назначен в Ильинскую церковь г. Загорска^V почетным настоятелем. Отец Гурий стал служить каждое воскресенье утром, а вечером в воскресенье — акафист преподобному Сергию и обязательно проводил беседу. Служил он и во все большие праздничные дни, и часто в малые праздники и неизменно проповедовал. Служение и проповедь отца Гурия так расположили к нему народ, что верующие приезжали на его службы из Москвы и из других мест. Каждый вторник отец Гурий ездил на прием к Патриарху. В 1946 году на Страстную Седмицу во Вторник он также явился к Патриарху и тот сообщил ему, что на следующий день передадут ему ключи от Успенского лаврского собора и нужно, чтобы на Пасху уже была служба.

---

² Рим. 10, 17.— *Ред.*

В Великий Четверг после литургии отец Гурий в Ильинском храме объявил, что открывается Лавра, и просил всех, кто может, прийти помочь прибраться в храм, приготовить его к службе. Лавру закрыли в 1920 году. Можно себе представить, сколько пыли, грязи накопилось в закрытом соборе за 26 лет. Мы вошли в собор. Стекла в барабанах выбиты, на полу снег, лед. И конечно, неимоверный холод. Собор не отапливался, да и Пасха тогда была ранняя. В соборе стояла карета Елизаветы Петровны, на паперти — чучело медведя... Впрочем, работники музея вскоре все лишнее убрали. Благодаря тому что отца Гурия знали и уважали многие прихожане Ильинского храма, на его призыв откликнулись. Пришли в собор с ведрами, тряпками, стали протирать, чистить иконостас, паникадила, мыть полы. Престол в соборе из кирпича сложен, он был разоблачен. Надо срочно шить одежды на престол и жертвенник. Ольга Павловна (дочь отца Павла Флоренского^{VI}) взялась пошить облачение, верхнее и нижнее, на престол и жертвенник. Патриарх дал парчу, а остальной материал пожертвовали верующие. Из ризницы музея выдали Плащаницу, сосуды, облачения, кадила, напрестольное Евангелие, кресты. Кое-что дал Патриарх, часть необходимой утвари — Ильинский храм. Патриарх назначил временно для служения в помощь отцу Гурию архимандрита Илариона^{VII} (он был на Афоне, и во время имяславской смуты в 1913 году его вернули в Россию. Он поселился в Москве, был назначен настоятелем Страстного монастыря. Позже он служил в селе Виноградово, на станции Долгопрудной, в храме Владимирской иконы Божией Матери вместе со своим братом, целебатным священником). Вторым священником был игумен Даниил, диаконом — иеродиакон Иннокентий^{VIII}, обладавший громким и красивым голосом.

В Великий Четверг вечером уже служили утрению с чтением 12-ти Евангелий, а в Великую Пятницу днем был вынос Плащаницы и вечером — Чин погребения и все последующие службы. И вот некоторые чудесные детали (для несведущего человека многое ускользает от внимания): нужен хор, нужны люди, которых можно поставить за ящик, нужны свечи, просфоры, нужны люди, которые бы пекли просфоры, убирали храм. Поистине чудо, что за один день все смогли организовать! В Ильинской церкви был любительский хор, которым руководил Сергей Михайлович Боскин^{IX}. Сам он в юные годы был послушником в Зосимовой пустыни. Он хорошо знал традиции и напевы Сергиевой Лавры. Его хор из любителей и стал первым лаврским хором. Незадолго до открытия к отцу Гурию пришла женщина и принесла канцелярскую папку. Она сказала, что у нее после закрытия Лавры жил последний наместник архимандрит Кронид^X. Он дал ей эту папку на хранение, сказав: "Передай ее следующему наместнику". Отец Гурий открыл ее. Там был антиминс Успенского собора^{XI}. Во время войны ураганом снесло главный крест с Успенского собора. Еще до открытия Лавры музей отреставрировал крест. И вот накануне подъема креста пришел к отцу Гурию старший рабочий Баринов и сказал: "Я человек старый, помню, с каким торжеством в прежнее время ставили крест наверху храма, совершали молебен. Вы освятите мне иконочку и дайте, я вделаю ее в крест". Отец Гурий совершил чин поставления креста перед малой иконкой преподобного Сергия, освятил ее и отдал Баринову, который вделал ее в середину креста, и таким образом Успенский собор был увенчан освященным крестом. В другое время пришел к отцу Гурию некий Константин Иванович^{XII} и сказал: "Я — последний в Лавре звонил перед ее закрытием, разрешите мне и начать звон". Так и звонарь нашелся.

Жила тогда в Загорске схиигуменья Мария^{XIII}. Ее послушницы взяли печь просфоры, артосы, хлебцы. Отец Гурий жил тогда у церковного старосты Ильинской церкви Ильи Васильевича. Он очень помог Лавре на первых порах свечами, гарным^{XIV} маслом, кадильным углем, ладаном, обеспечил необходимыми рабочими и материалом. В то время все очень трудно было достать. За свечным ящиком поставили Ивана Сергеевича Булычева, верующего человека, сопровождавшего схиархимандрита Илариона. В алтаре прислуживать стали Игорь и я. Храм убирали верующие загорчане».

О мощах преподобного Сергия Из письма архиепископа Михея

«В 1916 году в газетах было опубликовано сообщение о пожаре в Троице-Сергиевой Лавре, во время которого сгорели мощи преподобного Сергия. Дело было так: до 1916 года мощи были нетленными. Их обкладывали ватой, которую раздавали верующим в благословение. Случилось так, что гробовой иеромонах (тот, которому благословлялось стоять у мощей преподобного Сергия и служить молебны) не заметил, как в раку попала искра от свечи. Уходя на обед, он закрыл крышку раки. Искра при малом доступе воздуха тлела в вате, и вата потихоньку загоралась. Когда иеромонах вернулся, открыл крышку, вата вспыхнула и тут же все загорелось. Остались лишь кости. Это было промыслительным попусшением.

В 1918 году декретом Ленина была организована комиссия по обследованию и изъятию мощей. Очевидцы рассказывали, что комиссия, обследовавшая мощи преподобного Сергия, установила несоответствие черепа скелету. Они принадлежали разным людям. Агитаторы на площади кричали об обмане монахов, выставляя этот факт. Мощи преподобного Сергия не раз вывозили в Москву, выставляли в Трапезной церкви, где был устроен клуб, где пели и плясали, веселились, как и везде в клубах. Перед войной мощи Преподобного снова поместили в его раку в Троицком соборе.

В Великую Субботу 1946 года мощи преподобного Сергия были переданы во вновь открывшуюся Лавру. Весть об открытии Лавры молниеносно облетела все окрестные места. Из Москвы и окрестностей поехали верующие в таком количестве, что каждый день огромный Успенский собор на Страстной был более чем полон.

Когда сообщили о том, что можно взять мощи и перенести в Успенский собор из Троицкого, который оставался еще в ведении музея, прекратили доступ народа с куличами и пасхами в Лавру. Их направляли в Ильинскую церковь. Милиция закрыла ворота. Казалось, что всех удалили с территории Лавры. Народ насторожился, куда-то попрятались многие. Отец Гурий и с ним все духовенство, взяв десять человек рабочих, отправились в Троицкий собор за мощами. Переносить решено было вместе с ракой (ее пожертвовал Иоанн Грозный, и весит она 60 пудов, потому и потребовались рабочие). Отец Гурий прислал Игоря взять епитрахили для священнослужителей. Иван Сергеевич и я оставались в соборе. И вот из Троицкого собора показалось шествие: шли рабочие, несшие раку, диаконы и священники. Иван Сергеевич зажег охалку свечей. И только показалось это шествие, как вдруг из закоулков хлынул народ. Милиция не смогла удержать напора, и вскоре вся площадь наполнилась народом. Иван Сергеевич и я стали охалками раздавать свечи, и народ мощно запел: *"Ублажаем тя, преподобне отче наш Сергие..."*. С этим пением среди моря горящих свечей внесли раку с мощами Преподобного в Успенский собор, отслужили сразу же молебен Преподобному. Собор наполнился народом. Раку поставили справа — на ступеньки у южной стены собора. Духовенство разошлось, и мне пришлось для порядка встать у раки вместо гробового иеромонаха. При передаче мощей оказалось, что были оторваны петли у крышки, одной совсем не было. Назначенный в помощь отцу Гурию отец Иларион был прекрасным мастером по металлу. Он своими руками сделал петли для раки. Впоследствии Патриарх пожертвовал для сени малиновую парчу с золотом и две художественные колонки от Царских врат XVII века, из которых была первоначально устроена сень у правой колонны впереди, затем ее перенесли на правый клирос.

Через некоторое время отец Иларион говорит отцу Гурию:

— Отец Гурий, а ведь подлинный череп преподобного Сергия хранится в моем храме в Сергиевом приделе под престолом.

— Как так?

Отец Иларион рассказал, что в 1918 году перед приходом комиссии череп был подменен^{XV}, подлинный череп преподобного Сергия передан был в его храм для хранения. Храм этот никогда не закрывался. Отец Гурий доложил Патриарху, который дал

новую схему и благословил подлинный череп преподобного Сергия водрузить на место в раку, а подложный захоронить. Так и сделали во время переоблачения святых мощей».

О звоне

Из письма архиепископа Михея

«В Лавре до революции был большой колокол в 4 тысячи пудов, который называли Царь-колокол. Звон его был слышен за 25 километров. Перед войной его сняли. Был устроен большой деревянный настил, по которому хотели колокол спустить, но настил не выдержал. Колокол упал, разбил паперть колокольни и ушел в землю. Его извлекали по частям (резали автогенем). Поменьше колокол — в 1850 пудов — Годунов (по имени жертвователя) — тоже переплавили. Третий — Корноухий — в 1275 пудов был пожертвован Борисом Годуновым (при отливке у него не вышло одно "ухо", отсюда и такое название). Его тоже сняли на металл. Уцелевший Лебедок пожертвован тем же Борисом Годуновым, весит 625 пудов. Назван так из-за мелодичности звона. В составе сплава много серебра, что и придает исключительную нежность звуку^{XVI}. Этот колокол считали полиелейным, то есть звонили в него к полиелейным службам.

Колокольня оставалась в ведении музея. Кроме Лебедка, было еще тринадцать часовых колоколов (внутри у них были языки, а снаружи молотки отбивали часы). Совет по делам религии разрешил звонить. Когда дали ключи для осмотра колокольни, ночью двое рабочих подтянули язык у Лебедка, провисший от долгого ви-сения без употребления. Он был подвешен на сыромятном ремне. И вот дирекция музея не разрешает звонить на том основании, что "вы разобьете колокол". Удар колокола должен приходиться в место утолщения, а язык провис. Отец Гурий уговаривал их и уверял, что сделает все, как нужно, а директор уперся. Только перед самой заутреней была получена телеграмма из Патриархии, что вопрос согласован и разрешается звонить. И вот через 26 лет вновь раздался могучий звон с лаврской колокольни. Когда мы вышли с крестным ходом из собора — вся площадь была сплошной массой огоньков, морем огня. И шествие началось под торжественный прекрасный трезвон. Константин Иванович оказался очень искусным звонарем. Ему досталась честь начать звон, законченный им же. Нас всех охватило такое волнение, что многие плакали. Говорят, что и неверующие жители Загорска выходили на улицу слушать звон.

Затем встал вопрос о братии. Одни по назначению, другие, прослышав об открытии Лавры, сами просили принять их в число братии. Постепенно собралось несколько человек. На территории Лавры (а она принадлежала городу) в Певческом корпусе была куплена одна квартира, где устроили трапезную. Первоначально братия жила по квартирам в городе.

В Лавре отец Гурий пробыл наместником 4 месяца, и 25 августа 1946 года его хиротонисали во епископа Ташкентского и Среднеазиатского. С ним поехали и мы (Игорь и я) — первые послушники Лавры.

В первые же дни устраивались паломничества из московских храмов. Помню такую паломническую поездку из Елоховского собора. Заранее объявлялось в храме о поездке в Загорск. Специально нанималась электричка, и целый поезд собирался одних паломников во главе с отцом Николаем Колчицким^{XVII}. На вокзале все собрались: отец Николай с иконой в руках впереди, за ним прихожане рядами. Всю дорогу пели. Когда вошли в Успенский собор — сразу собор переполнился людьми. Отец Николай служил Божественную литургию, молебен Преподобному, сказал слово, затем приветствие отцу наместнику, на которое тот ответил. Такая же паломническая поездка была из Николо-Кузнецкого храма во главе с отцом Александром Смирновым, затем из Тарасова во главе с отцом Михаилом Зерновым (впоследствии владыкой Киприаном)^{XVIII}.

Задачей архимандрита Гурия было поставить Лавру «на ноги». Новым наместником стал архимандрит Иоанн (Разумов)^{XIX}. Это письмо было написано в отпуске архимандритом Михеем (Хархаровым), впоследствии архиепископом Ярославским. Он

прислал его 1 сентября 1981 года, откликнувшись на мое желание подробнее узнать об открытии Лавры. Сам он объяснил это так:

«Я уже человек старый, непосредственных участников (владыки Гурия, архимандрита Илариона и др.) нет в живых, другие не знали подробностей, да и не всем владыка Гурий все открывал. И вот, боясь, что умру и никому не будет известно то, что нами пережито в тот момент и доподлинно известно, я теперь и не скрываю, а рассказываю своим друзьям и близким».

Для более полного представления о том времени выписываю отдельные штрихи воспоминаний протодиакона Сергия Боскина, написавшего их в 1987 году — к 650-летию Троице-Сергиевой Лавры^{XX}.

Из воспоминаний протодиакона С. Боскина

«Наступил 1920 год. Закрыли Лавру, замерли колокола, и на 26 лет богослужение умолкло.

Оставленные в Лавре при охране музея 40 монахов просили для себя одну из церквей Лавры. Им предложили Пятницкие церкви [так называли две церкви "на Подоле", то есть у подошвы холма Маковец, за стенами Лавры. Одна из них в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, другая — в честь Параскевы Пятницы. Сейчас богослужение здесь возобновилось.— *Авт.*]. Там они служили и соборно, были у них и седмичные, хор из 15 монахов. Распорядком в службах, в зависимости от занятости при музее, ведал игумен отец Михай^{XXI}. По праздникам служил настоятель отец Евгений Воронцов^{XXII}, иногда сослужил с ним отец Павел Флоренский.

К 1926 году оставленные при музее монахи были уволены. В мае 1928 года Пятницкие церкви закрыли.

Летом 1927 года были сброшены с лаврской колокольни колокола-великаны (4025, 1800, 1200 пудов)^{XXIII}.

Наместник Лавры архимандрит Кронид, живший в Параклите^{XXIV}, по закрытии пустыни в январе 1929 года с беззаветно преданным ему келейником отцом Георгием поселился около Кокуевского кладбища. Отец Георгий был сухорукий, правая рука у него висела как плеть. В церкви Кокуевского кладбища отец Георгий, который был опытным певцом и хорошим тенором, стал псаломщиком.

С 1935 года отец Кронид стал быстро слепнуть. Убогих этих старцев в ноябре 1937 года взяли. Через месяц они оба скончались...

До открытия Лавры отец Кронид не дожил восемь лет. Четыре года не дотянул до этого скончавшийся от голода инок Сергей (Сережа-слепой)^{XXV}. Этот умудренный Богом слепец был в Троицком соборе регентом левого хора, уставщиком, главным звонарем большого праздничного звона, когда звонило одновременно двенадцать звонарей. Из лаврских монахов он был последним тружеником в оставшемся незакрытым Ильинском храме. <...>

В начале января 1945 года в Лавру приехал старец-схимник Иларион. Он и облачил в схимническое одеяние мощи преподобного Сергия, которые поставили на свое место в Троицком соборе [облачение мощей преподобного Сергия и возвращение их в Троицкий собор было разрешено в связи с ожидавшимся приездом английской делегации^{XXVI}.— *Авт.*]. До этого рака с мощами находилась посреди Никоновской церкви в качестве экспоната, и ее обходили кругом, глядя через стекло на непокрытые косточки...

Великий Четверг 5/18 апреля... Отец Гурий, отслужив литургию у Илии Пророка, в 12 часов был в соборе [Успенском] и вспомнил о разговоре с А. А. Трушиным — о возможности звона к Светлой заутрени. "Может, и звонить-то нельзя,— говорю отцу Гурию,— надо посмотреть".

Нашел коменданта музея: мой знакомый, он дал мне ключ от колокольни. Поднялись с отцом Гурием на второй ярус, где висели оставленные колокола. В центре колокол Лебедь — 625 пудов. Хомут из воловьих жил, на котором держится язык, был весь в

глубоких трещинах, язык оттянулся, отвис книзу, ударные его места — ниже края колокола. У трех трезвонных колоколов нет языков. Нет и трезвонной площадки с лесенкой к ней. Спустившись, стали просить обеспокоенного отца Гурия идти сколько-нибудь отдохнуть до службы чтения 12-ти Евангелий. Один остался под колокольной, на которой в оставшиеся на ней колокола и звонить-то нельзя.

Невдалеке показался Владимир Алексеевич Лошкарев — бригадир ремонта креста и его подъема на купол собора. Подходит ко мне: "Что задумался?" — "Могут разрешить звон, а там — разруха; поднимемся, посмотрим".

После моего объяснения Владимир Алексеевич, обмерив, что нужно, записал все в блокноте. На хомут для Лебеда нарисовали чертежик. Сочувственно восприняв эту необычную работу, Владимир Алексеевич к субботе обещал все сделать. На мой вопрос, как с ключом от колокольни, он ответил: "Это моя забота". На колокольной имел комнату надсмотрщик за часами Володя-часовщик, в 1944 году восстановивший эти часы. С 1946 года он в бригаде Лошкарева — его правая рука. <...>

Великая Пятница 6/19 апреля. В 9 часов утра встретились с отцом Гурием в Успенском соборе. С ним двое молодых людей, демобилизованные офицеры: Саша — духовный сын отца Гурия из Ташкента, и Игорь — уроженец Загорска, сын прихожан Ильинской церкви, умерших в войну. Знакомя их со мной, отец Гурий говорит: "Вчера нас было двое, а сегодня четверо — вот и братия к открытию Лавры". Все отправились в ризницу музея. Было дано разрешение получить все необходимое для начала богослужения: два комплекта сосудов, три Евангелия, митру с Радонежскими чудотворцами (впоследствии Патриарх Алексей I служил в этой митре первую службу в Успенском соборе и взял ее себе: эта митра принадлежала ранее митрополиту Московскому Филарету^{XXVII}, †1867), Плащаницу, шитую шелками, облачения (черные, белые, пасхальные). Саша с Игорем все уносили в алтарь собора. Электромонтеры проверили необходимое освещение в соборе. <...>

В 2 часа дня отец Гурий открыл Царские врата, совершил малое освящение престола в соборе, и по окроплении собора святой водой началась вечерня.

Пришел старец схиархимандрит Иларион (Удодов), вдвоем с отцом Гурием они выносили Плащаницу.

В 6 часов вечера началась утренняя по чину Великой Субботы, с обнесением Плащаницы вокруг собора. Служили отец Гурий и отец Иларион.

Вечер Великой Субботы. <...> Проталкиваюсь на левый клирос. Старый звонарь со связкой веревок в ожидании; стоящий рядом Владимир Алексеевич докладывает: "Все сделано!". Наместника нет. По словам отца Гурия, он был на "великосубботнем терзании". Директор музея только в 10.30 вечера дал ключ от колокольни. О разрешении звона директору было передано из Москвы еще днем. Пробившись через толпу, явился измученный наместник, шепнул мне о трудностях получения ключа. Говорю отцу Гурию: "Там все сделано", — и представляю звонаря. С воодушевлением отец Гурий благословляет упавшего к нему в ноги Костю Родионова начать благовест. Понятен трепет звонаря: когда в 1920 году закрывали Лавру, последний прощальный звон вел он, и вновь начинать ему. С ним пошли мастера-умельцы Владимир Алексеевич Лошкарев и Володя-часовщик.

Со слов Константина Ивановича Родионова: "Открыли и заперли мы дверь за собой. Со свечками стали подниматься на второй ярус, спешили, полагается в 11 ударить, а время около этого. Взошли. Осмотрелся, мне светили свечками: языку Лебеда — на новом металлическом хомуте на болтах, новый мостик с лесенкой для трезвона. Быстро стал налаживать веревки к колоколам, помощники хорошо мне помогали. И так близко мне вспомнилось, как в 20-м году, отзвонив последний звон, поцеловал Лебеда, — и теперь поцеловал уцелевший Лебедок. Время — 11. Господи, благослови! И, осенив себя крестным знаменем, стал раскачивать. И зазвучал наш Лебедок. Передав звон в руки Владимиру Алексеевичу, стал готовиться к трезвону. Объяснил Володе, когда нужно

ударять по двум клавишам в колокола северного пролета. (Колокол Переспор — на третьем ярусе в 315 пудов — был подключен к звону на Пасхальной неделе)".

Находившиеся в алтаре сосредоточенно молились. Незабываемые минуты ожидания. И вот донеслось: первый удар, второй, третий и родной, с детства знакомый звон — звон с лаврской колокольни. Волнение, радость, благодарность, слезы... Не передашь всего...

Отец Гурий на коленях склонился ниц перед святым престолом. Отец Иларион слева от престола, на коленях, воздев руки, со слезами повторял: "Господи, вся Тебе возможна!".

Торжественно неслись звуки древнего колокола в тиши ночи ранней весны. Город не спал, все слушали. В переполненном соборе все как бы затаили дыхание. Под мелодически-размеренный доносившийся гул — как будто музыка! — с какой легкостью читал я канон полунощницы!

Служащие — архимандрит Гурий, архимандрит Иларион, игумен Алексей, иеродиакон Иннокентий — облачились в пасхальные облачения прежней Лавры, взятые в музей. <...>

"*Воскресение Твое, Христе Спасе...*" — отверзаются Царские врата. Через переполненный народом собор впереди идет хор, за ним Саша и Игорь с запрестольными образами, у меня икона Воскресения Христова, отец Иларион с иконой преподобного Сергия, отец Алексей с Евангелием, отец Гурий с крестом и трехсвечником, отец Иннокентий со свечой. Спускаемся по ступенькам с паперти — начался трезвон "во вся".

После 26-летнего онемения в обители преподобного Сергия в пасхальную ночь зазвонили колокола: сразу, неожиданно. Народ, заполнивший под колокольной площадью, стоял с зажженными свечами. Столько было свечей, что на фоне ночного неба колокольная казалась в розовом сиянии. Толпы людей без обращения к ним о порядке сами соблюдали полную тишину, все стояли на месте. Крестный ход свободно обошел собор и вошел на паперть. Началась утренняя и первое "*Христос воскрес!*". В дивном соборе великой Лавры — Пасхальная утренняя! Кому-то все не верилось, а больше говорили: "Слава Богу! До какого дня дожили, до каких событий!.." <...>

Перед Неделей жен-мироносиц нашла темная тучка: кто-то где-то добился запрещения звона, но только на пять дней. Звон был восстановлен. <...>

Первое свое служение в Успенском соборе Патриарх Алексей назначил на Троицын день. В соборе на правом клиросе была устроена временная сень для раки со святыми мощами преподобного Сергия. Перед малой вечерней Святейший сам открыл крышку раки (по внесении святых мощей в собор крышка оставалась закрытой). К Троицыну дню Патриарх благословил организовать мужской хор, что мной и было сделано. Смешанный хор под управлением Плющева Н. Н.^{XXVIII} стал петь за ранними литургиями под Успенским собором, где по благословению Патриарха отец Гурий освятил престол во имя Всех святых, в земле Российской просиявших.

Своим служением на Троицын день Патриарх Алексей завершил открытие Лавры».

* * *

Продолжаю свои воспоминания, пользуясь весьма отрывочными записями в дневнике давних лет.

Лавра оживала. Мощные взрывы, от которых вздрагивала земля, не тронули обители, но «мерзость запустения» успела наложить свою руку. Когда притихшие стены соборов вновь оживились дыханием настоящей монастырской службы, всем стало ясно — начинается возрождение не только обители, но и всей жизни. Ничего, что со стен еще сыпалась отсыревшая штукатурка, шелушился красочный слой, кругом были кучи битого кирпича, всякого мусора... Это все не мешало пробиваться росткам **надежды** и **радости**.

И все монахи, которые тогда работали вместе с народом, казались проще, доступнее. Всюду мелькали лопаты, ведра, носилки, метлы. Кто-то рассказал о молодом диаконе, еще

так недавно с болью смотревшем на старинные кареты в Успенском соборе и мечтавшем здесь послужить. Пришло время — стал служить!

Мы приехали в первый раз в Лавру на праздник Успения Божией Матери. Холод в соборе страшный, за лето он еще не успел отогреться. Народу битком. По солее проходили какие-то знаменитости, о которых охали в толпе. Мое внимание привлекла игуменья какого-то монастыря с девочкой-послушницей. Молоденькая, черноглазая, тоненькая, она казалась мне тогда воплощением чистого, беспредельного стремления к Богу.

От первого посещения Лавры осталось смутное воспоминание, но уже следующее, в обычный день летних каникул, принесло ощущение спокойного, мирного и вместе с тем удивительного чуда. В Лавру потянуло! И чем дальше, тем больше. И чувства, что касаешься **чуда**, хватило на 50 лет. Тогда, в детстве, в самом начале второго десятилетия жизни, ездить часто мы не могли. Одну бы меня не пустили, а взрослые выбирались лишь в отпуск.

Уезжали обычно на сутки, с ночевкой. На ночь останавливались у матери Варвары— монахини Хотьковского монастыря, которую наш старец просил принимать нас. Очень серьезная на вид, она сказала: «Раз ваш батюшка благословил, приезжайте в любое время, когда сможете. Вам всегда найдется место, хотя бы и на полу». Мы на большее и не рассчитывали, довольствовались местом на полу головой к образам, перед которыми горела неугасимая лампада. Ждешь, ждешь, бывало, того дня, когда родные скажут: «Пожалуй, надо к Преподобному съездить». С этого момента все в душе замирало от страха: вдруг передумают или что-то случится и помешает. Или вдруг погода испортится...

В намеченное утро задолго до подъема пропадал сон. Старшие меня урезонивали: «Рано еще, темно, нельзя идти, спи».

Совсем верилось, что увидим Лавру, лишь тогда, когда в руках оказывался небольшой картонный билет с цифрой 7 (тогда билеты были солиднее, толще). Когда же мы оказывались под сводами храма, время пропадало. Казалось, что служба оканчивается слишком быстро, что не существует надобности в отдыхе, обеде, что вообще ничего на свете не надо, только бы никто не мешал просто постоять в храме, не торопил уходить из Лавры. Почему-то за это всегда стыдили родные (уходить не хотелось до слез, которые предательски выдавали это нежелание). Не хотелось возвращаться в холодный чужой мир. Здесь, у Преподобного, хотя бы на время забывалось про все, сходило удивительное умиротворение, все принималось и со всем можно было мириться на свете, если есть в жизни **Лавра Преподобного!**

Монах

Как-то приехали мы в Лавру уже к вечеру, ко всеобщей. Было еще совсем светло. Лето. Вечер обычный, какой-то малый праздник. Народу сравнительно немного. Подробности службы потонули в размышлениях о том, что же самое-самое важное... в монашестве. Знаю, что не одежда, не стены обители. Знаю с детства, что жили и живут монахи и монахини без одежд своих особенных и без стен. И старец наш живет в деревне, одет в такую смесь мирского и монашеского, что и названия одеянию не подберешь. Жаль, что он очень стар, слаб, к нему неудобно приставать. А знать просто необходимо. В это время уже вернули Лавре Трапезную церковь.

Мощи Преподобного стояли одно время в Успенском соборе, потом в Трапезной (пока в Троицком был ремонт), потом уже на своем месте в Троицком. Троицкий собор освящал после реставрации совсем еще молодой иеромонах Сергей (Голубцов), впоследствии епископ Старорусский

^{XXIX}. Так случилось, что в этот момент мы были в Лавре. Но вернусь к ответу на столь волновавший тогда вопрос. Почему они, столько пережившие, живы? Пусть не все выжили, но всегда были и есть молодые души, ищущие того же пути. Помню, что стояли

мы тогда в Трапезной церкви справа, у образа Спасителя, написанного в полный рост (где сейчас придел преподобного Серафима). Мелькали черные рясы и мантии. У кого спросить? Мне ясно, что никому я не задам этот вопрос. Взрослые скорее всего просто не поверят, что мне это очень важно, отмахнутся!

«Аввущка, помоги понять!» — мысленно обратилась тогда к Преподобному. На минуту что-то отвлекло внимание, потом вдруг мимо не торопясь прошла какая-то фигура. Почему-то потянуло пристально взглянуть на высокого монаха средних лет. Удивило и запомнилось тогда как ответ, никем не высказанный, но ясный предельно: монахом может стать тот, чья душа целиком полюбила Господа, всем существом, без остатка, без исключения — только Господа и до конца дней своих. И все. Теперь не помню, сразу ли улеглись все волнения, кажется, да. Было легко, просто, ясно. Позже вспомнилось, как в Зосимовой пустыни молодой архимандрит (позже — митрополит) Вениамин (Федченков)^{XXX} ответил на вопрос, зачем он пошел в монахи: «По любви к Богу и по удобству спасения».

Лунной ночью

Там, где теперь пышные георгины или розы на клумбах, где уже выросли высокие ели, под которыми цветут весной ландыши, где четко проложена дорожка между клумбой и елями, в первые годы после открытия Лавры была простая травка (преимущественно спорыш), на которой летом богомольцы располагались отдохнуть на ночь. Так и мы, выбрав бугорок повыше, устроились ночевать в Троицкую субботу. Давно кончилась всенощная. Народу везде битком, все углы заняты. Везде стоят, сидят, лежат. Длинные очереди к Преподобному в Троицкий собор и к источнику в часовне опоясывают и Троицкий, и Успенский соборы. Тихо поют в разных углах. Звуки знакомых молитв то сливаются с говором, то смолкают, то с новой силой, как вздох еще живой богомольной Руси, охватывают чуть ли не всю очередь, отгоняя сон. Лежали мы на земле, теплой, такой родной, старались уснуть, чтобы утром не дремать на службе... и жаль было спать. Небо светлое. Над Трапезной церковью поднимается луна, большая, добродушная. Она касается золота единственной главки, поливая молочным светом стёкла алтаря, отражаясь в них, кое-где бросая лучи и на спящих, углубляя тени. Все кажется лучше на свете, все люди — добрее. Лежать бы и смотреть ни о чем не думая, смотреть на небо, высокое, таинственное, долго-долго. Нет, не совсем без дум. Думать в такую ночь и в таком месте хочется только об одном: о молитве преподобного Аввы нашего. Мы лежим, а он молился. Ночью тихо молился, наверное, до самой зари. Такая молитва приближала мир святых, Ангелов. Такая молитва покрывала мир незримой волной благодати. Люди это чувствовали тогда, при жизни Преподобного. Чувствуют и теперь. Тянутся к месту его молитв. Удивительное чудо — **молитва!** Она незримо меняет даже землю, как бы впитывается стенами и, как тепло дневного солнца, долго еще греет... Веками! Хорошо сказал о молитве Лермонтов:

*...И верится, и плачется,
И так легко, легко^{XXXI}...*

О некоторых монахах Лавры первых лет ее становления

Интересные сведения о лаврских насельниках тех далеких лет можно почерпнуть в книге Н. М. Любимова «Неувядаемый цвет»^{XXXII}.

«Приехав в Лавру впервые и никого еще там не зная, я помолился в Троицком и в ожидании всенощной присел во дворе на лавочке. Первый удар колокола. Смотрю: из Патриарших покоев выходит монах. Молящиеся ринулись к нему, за ними и я подошел к нему под благословение. Подошел — и внутренне ахнул: откуда он? Как мог такой человек уцелеть в годы нероноовско-диоклетиановского гонения на Церковь? Сквозь очки на меня смотрели пронизательные, участливые и непреклонные глаза. С этого дня я всякий раз, когда бывал в Лавре, ждал его выхода из келии. Я узнал, что это инспектор

Духовной Семинарии архимандрит Вениамин (Милов)^{xxxiii}, долго сидевший в концлагерях, во время войны возвращенный, успевший защитить магистерскую диссертацию, ныне занятый писанием диссертации докторской. Зимой 1948–49 годов его снова схватили и отправили в казахстанские лагеря на 8 лет. Наместник не забывал отца Вениамина в беде — посылал к нему верных людей с деньгами и продуктами. А Патриарх сумел-таки вызволить отца Вениамина из лагеря — в эпоху Берии это было событие из ряда вон выходящее. Некоторое время магистр богословия служил псаломщиком в православной церкви в Джамбуле, затем, уже после смерти Сталина, был возвращен в Лавру. Его посветили в архиереи.

Отец Никон, в миру Сергей Петрович Преображенский^{xxxiv}, сын физика, приват-доцента Московского университета, сотрудник Московского исторического музея, он не избежал послереволюционной судьбы многих русских интеллигентов — до монастыря успел-таки побывать в ссылке. Он превосходно знал литературу, философию вообще, богословие в частности, живопись и архитектуру, историю вообще и историю Русской Церкви в частности. Он следил за реставрацией Лавры, вечно возился с градусниками, измеряя температуру в храмах, проверял влажность. Когда в Лавру приезжали иностранцы, экскурсии водил этот согбенный, с трудом передвигавший ноги старик. Он был и не от мира сего, и от мира сего, но лишь в том смысле, что он отлично разбирался в людях. Потусторонность его взора была обманчива. Он замечал все, что творилось вокруг. И язык у него был меткий, подчас "земной", современный, не фарисейский, не пропитанный деревянным маслом.

Как-то я пожаловался ему на грубость одного диакона, из-за которого я даже собирался расстаться с моим любимым московским храмом. На это отец Никон мне ответил:

— Как бы ни был запылен и запаутинен провод, но если электростанция мощная, а лампочка в порядке, то она все равно будет гореть ярко. Так вот, мощная электростанция — это Божия благодать, ваша верующая душа — это лампочка, а священнослужители — это провода. Конечно, они должны быть в порядке, но если даже к кому-нибудь из них и пристанет пыль, грязь, паутина,— не смущайтесь: если вы не утратили веры, лампочка вашей души все равно будет гореть ярко.

Летом 1949 года из Франции в Россию прибыл долго живший там отец Константин. Жил он там еще до революции или эмигрировал после — я, признаться, забыл. Отец Константин поселился в Лавре, принял монашество, а вместе с монашеством новое имя — Стефан^{xxxv}. Я и сейчас вижу его горящие глаза, слышу его спокойный, задумчивый голос. Он умел одним словом, одной фразой приласкать и обрадовать человека. Вхожу однажды в Троицкий собор. У мощей служит молебен отец Стефан: *"О ненавидящих и обидящих нас..."*. Поет хорик — в большинстве своем не постоянных прихожан, местных жителей, а пришедших или приехавших богомольцев, среди них — мужичок, подтягивающий приятным баском. По окончании молебна отец Стефан обращается к нему: "Хорошо ведете свою партию. Сразу видно, что с детства певали в церквах". Мужичок сияет. Мы притерпелись к кнуту и к матерной брани, а от ласкового поощрения отвыкли давно. Но отец Стефан умеет быть не только благоуветливым. Он замечает, что в стороне шушукаются дамы, шушукаются деликатно, шушукаются, когда уже молебен кончился, но все-таки шушукаются. И вот он взглядывает на них искоса и, обращаясь совсем не к ним, а к обступившей его толпе, вдруг ни с того ни с сего начинает рассказывать, как во Франции ему довелось побывать в обители траппистов — строгих молчальников — и какая это все-таки высокая добродетель — молчание, как оно иногда украшает человека. Шушукавшиеся дамы прислушались, сконфузились и умолкли.

Спустя несколько дней вхожу в надкладезную часовню. На середине часовни лицом ко мне стоит отец Стефан, обняв, как самого родного ему человека, деревенскую старуху с тем неподвижным взглядом, который бывает только у слепых. Поодаль стоит еще одна

старушка, пободрее слепой и, видимо, помоложе. Я застаю конец беседы отца Стефана и слепой паломницы, но быстро улавливаю, что отец Стефан видит ее первый раз в жизни.

— Я все понимаю, все понимаю, дорогунчик, — говорит отец Стефан. — Великое твое несчастье — слепота. Тут и толковать не об чем. Но Господь посылает тебе в этом испытании помощь и утешение. Ты только подумай, какие у тебя друзья и какое это счастье — иметь их! — отец Стефан указывает на стоящую поодаль старушку. — Вот она потащилась в такую даль, чтобы только проводить тебя в Лавру, потому что тебе захотелось здесь помолиться. А вот я тебе расскажу такой случай. Я ведь долго жил на чужбине, во Франции, только недавно вернулся на Родину. И вот как-то узнаю, что в таком-то французском городе лежит в больнице русская женщина по имени Людмила. Немцы убили ее мужа и сына, а ей переломили спинной хребет. Я поехал к ней. Думаю: застану разбитого и телом и душой человека. Каково же мое изумление: духом тверда, бодра и славит Бога! Я ее спрашиваю:

— Людмилочка! Есть у тебя какое-нибудь желание?

— Как же не быть, батюшка! Совсем без желаний человек жить не может. Я, по правде сказать, завидовала моим подругам по несчастью: их все кто-нибудь да навестит, а я одна да одна. Сегодня мое желание исполнилось: ко мне неожиданно-негаданно приехали вы. Теперь у меня осталось еще одно желание: грешница, хочу я выпить настоящего чайку, как мы в России пивали.

— Ну, — говорю, — Людмилочка, это твое желание исполнить легко: чай у меня всегда с собой, я ведь тоже любитель. Как попьешь чайку, так будто в родных краях побываешь.

Но потом я все-таки уехал, и опять Людмила осталась одна-одинешенька, а ты не одна...

Я пристально смотрю на отца Стефана, все еще обнимающего утешенную, просветленную старуху.

В первые годы после открытия Лавры настоящие русские иноки образовывали ее духовное силовое поле. Только войдешь во двор, смотришь: вот один выходит из своей келии, а вон другой — из собора или часовни, и при одном виде знакомых и дорогих лиц твоя душа распрямляется. А тут еще отец Александр^{XXXVI} зазвонит ко всеобщей — тот самый рыжебородый, веснушчатый отец Александр, который в ответ на мою благодарность за целительный звон сказал:

— Я с малолетства к этому делу приставлен. Мне в Москве Великая княгиня Елизавета Федоровна^{XXXVII} 10 рублей серебром пожаловала — угодил я ей, стало быть.

Обрадованный, ободренный встречами с наместником и его сподвижниками, овеянный вечерним звоном,ходишь в Успенский собор, где, кажется, самый воздух соткан из молитвенных вздохов...».

Этим кончаются вставки в мои дневниковые записи. Дальше будет только то, что Бог дал встретить, пережить и как-то записать, чтобы отдельные штрихи углубляли благодарную память.

Связь времен

Возвращаясь мысленно к минувшим десятилетиям, когда обстоятельства позволяли бывать в Лавре практически еженедельно, хочется вспомнить о наиболее ярких представителях ее братства. В этом отношении самым заметным, можно сказать, замечательным примером дореволюционного монашества среди братии был отец Иосиф^{XXXVIII}. До закрытия Лавры он жил в Гефсиманском скиту. Все, что могу вспомнить о нем, сказано им самим в проповедях или в «слове» перед исповедью. Высокий, седеющий, стройный, спокойный, даже величественный, он как-то сказал в Трапезном храме, что ему 77 лет. Грамоте научили его в 7 лет. И вот уже 70 лет своей жизни он ежедневно читает Святое Евангелие. И что самое удивительное, ему это не только не надоело, но, читая знакомые строки, он находит в них все более и более глубокий смысл.

Сказал он об этом для того, чтобы дать понять: Евангелие открывает каждому человеку так много, как только тот может вместить.

Говорил отец Иосиф просто, спокойно, убедительно уже потому, что все им сказанное было подтверждено его личным опытом. Делился он этим как старший, желающий предупредить, передать лучшее из пережитого, уберечь от возможных ошибок. У него не было (по крайней мере, не заметно было рвущейся к нему толпы) особо выделенных «духовных чад», он ровно, приветливо, доброжелательно относился ко всем, и все, слушая его, были в тот момент ему своими. Кому надо было спросить что-то, могли спокойно задать свой вопрос на исповеди или в то время, когда он шел по территории Лавры. Исповедующимся он предлагал разделить на тех, кто регулярно ходит в храм и исповедуется довольно часто, и тех, кто давно не был на исповеди и требует себе больше времени. Первых просил пройти вперед, а вторых — пропустить их и подождать. Мы, стайка молодых студенток, шутили: «Ты тоже прошла в числе "иже во святых"?!».

Каяться ему было не страшно: он не давил, не подчеркивал пропасть между ним, священником, и тобой, жалким грешником. В его всегда простых словах чувствовалось большое желание помочь освободиться от грехов и одолеть греховные привычки. Кажется, он был одним из первых (если не первым), кому благословили отчитывать бесноватых. Делал он это в храме Всех русских святых, под Успенским собором. Там творилось страшное — шум, всевозможные крики... Мы старались туда не заглядывать.

Незадолго до кончины отец Иосиф принял схиму с именем Иосия. В памяти он остался как живой пример того дореволюционного монашества, на котором можно учиться тому, как вера дает душе ясность, мужество, бодрость и глубокое душевное спокойствие. От его присутствия становилось проще и мирнее на душе, было очевиднее, что заповеди о любви к Богу и людям неразрывны, а исполнение их хотя бы в какой-то мере возможно всем, кто к этому стремится. Теперь, спустя годы, особенно выступает его величие и внутренняя духовная красота, к которой ведет один путь — путь веры и смирения.

Из монахов старшего поколения нельзя не вспомнить отца Серафима^{xxxix}, прозванного «пушистым». Он, говорили, пришел в Лавру, уже прежде пожив в монастыре, но в каком — не знаю. Никогда не было желания где-то что-то узнавать о насельниках, все они воспринимались как нечто общее — братия Лавры, и если кого-то можно было запомнить, так это тех, кто выходил на исповедь. Имена их узнавались случайно или так и оставались неизвестными. Чем выделялся из всех исповедующих отец Серафим? Во-первых, внешним видом. Его нельзя было спутать ни с кем. Невысокого роста, слегка согбенный, с пушистыми седыми волосами: «Божий одуванчик», — шутили мы, видя его. Но не это, конечно, обращало на себя внимание. Он, как и отец Иосиф, был тоже из минувшего мира «настоящих монахов». Спокойный, собранный, исполнительный, он шел на исповедь как на свое послушание. Из того, что доходило до нас от бывших у него на исповеди, можно заключить, что он трезво оценивал положение кающегося и не склонен был душевные переживания считать духовными. К таким духовникам никогда не собирались толпы почитателей, и нам можно было спокойно ждать своей очереди. Никто не рвался к «своему» батюшке. Кто-то из братии говорил знакомым: «Когда к нему в келию ни придешь, всегда он в епитрахили — молится. Откроет, скажешь нужное и надо уходить — мешаешь ведь молитве»...

Вечерний акафист

По воскресеньям вечерами монахи и народ собираются в древний собор Святой Троицы на акафист Преподобному. Как-то раз, помню, так хотелось остаться, а надо было к назначенному времени вернуться. Шла медленно мимо здания Духовной Академии, церкви Смоленской иконы Божией Матери, где обычно поменьше народу, побольше кустарников. Никаких конкретных мыслей в голове, просто хорошо на душе, тихо, мирно.

Слава Богу за все! Неожиданно налетает бойкая девчушка, энергично и шумно на все реагирующая.

— Ты акафиста ждешь?

— Нет. Мне вечером надо дома быть.

— Да останься!

— Не могу...

— Ну уж...

Махнув рукой, убежала. Да, хорошо бы остаться, но надо ехать. Как часто из-за этого «надо» многое теряется. Но может быть, не только теряется?

В этот момент дрогнул колокол, поднимая стаи галок и грачей над колокольной. Люди заспешили в собор. Еще чуть-чуть постою, последние минутки... Пробую себя утешить мыслью о том, что, возможно, в воспитании покорности жизненным обстоятельствам есть и полезное. Теперь с духовным руководством трудно, и большинство вынуждено руководствоваться обстоятельствами. Только бы были они выражением воли Божией!

И тогда, стоя у Преподобного, хотелось вполне согласиться с молитвой его, молитвой всей Церкви: *«Да будет воля Твоя!»*. Конечно, не хочется спешить в этот мир, где так суетно, но *«да будет воля Твоя!»*. Конечно, суета будет спешить вытеснить все добрые воспоминания и впечатления, но *«да будет воля Твоя!»*. Конечно, опять будет тянуть в Лавру и когда-то еще удастся выбраться, но *«да будет воля Твоя!»*. Лишь бы Твоя, Господи, воля, благая и совершенная... Начался вечерний акафист.

Сибирские напевы

Как-то в летний праздник преподобного Сергия вышли мы после ранней литургии из храма с надеждой где-нибудь присесть. Стрелки двигались к восьми. Чернели скамейки, всюду мелькали белые платочки. Многим хотелось вытянуть уставшие ноги, ведь большинство из пришедших стояли всю ночь, слушая сначала молитвы перед исповедью (это уже после всенощной), слово священника с напоминанием грехов, потом ждали очереди к духовнику на исповедь. Очередь из-за многолюдства тянулась до рассвета. И вот небольшой перерыв между службами в самый день праздника. Разыскивая укромный свободный уголок, натолкнулись на небольшую группу богомолков, окруживших трех женщин. Они только что кончили что-то рассказывать и, помолчав, предложили: «Хотите, споем про Ноев ковчег?». Все охотно согласились. Старшая начала немудреные стихи, две другие подхватили. Напев необычный, нездешний. Это — сибирячки. Поют старательно, как люди о Боге забыли, как охладела любовь, как стали хуже скотины, как над Ноем смеялись, как погибли в холодных волнах. Стихли все, поняв сравнение, и, насторожившись предупреждением, стали молча расходиться.

Далеко Сибирь. Там и храмов мало. Выбраться оттуда, конечно, куда труднее. Надо этого очень хотеть и еще, конечно, надо жить желанием помнить Бога, как-то другим помогать в этом же. Потому они и пели, что очень хотелось полноты общего стремления от земли подняться хоть здесь, на земле, освященной молитвами Преподобного. Здесь побыть как в преддверии рая, здесь помолиться о всех, ведомых и неведомых, здесь раствориться, как капля в океане «народа Божиего». Очень это чувствовалось тогда.

Зеленый огонек

От тех давних лет остались в памяти отдельные штрихи. И говорить-то вроде бы не о чем, но вместе с тем эти штрихи вызывают к жизни давние ощущения, волнения, порой трепет, которые сливались в живое, радостное прикосновение к чуду, не проходящему с годами. И теперь, глядя на зеленый огонек лампы в щелевидном окне Троицкого собора, вспоминается время, когда была у нас крыша над головой в убогой хатенке давнишних наших знакомых. Бывало, волнуешься вечером, боясь проспать утром, опоздать на братский молебен. За ночь сколько раз проснешься, пока совсем не

поднимешься в пятом часу. Зимой в это время совсем темно. Идешь не спеша. Хорошо в Лавре зимой! Да и всегда хорошо. Зимой морозный воздух гонит прочь усталость. Близость Лавры вливает в душу мир, покой, радость бытия. В братском корпусе зажигаются огни, просыпается жизнь. Нетронутый снег и большой холодный замок сторожат тишину в соборе Святой Троицы. Только из алтаря зеленый лучик открывает дверь надежде на прощение и даже любовь. Божию любовь и любовь всей Небесной Церкви. Живой огонек! Он сейчас символ неусыпающего Божиего милосердия, недремлющей молитвы преподобного аввы Сергия! Говорить об этом вроде бы и не надо. Разве что вспомнить такие значительные слова: «*Да знаменается на нас свет Лица Твоего!*»^{XL}.

Пасхальный благовест

Ночью на первой Пасхальной заутрени и литургии мы были в Успенском соборе. Там уж не задремлешь: холод такой, что бодрствовать придется... Мы греемся, как можем, в первой электричке. Это пройдет, а праздник — Пасха! — останется в душе. Позже придет желание отметить в богослужении все, что как-то тронуло, а в первые годы все сливается в единый мощный поток, уносящий в иной мир, для которого не находилось тогда слов.

В понедельник Светлой седмицы отсидела за партой положенные часы, а в голову настойчиво лезла мысль-желание сделать что-нибудь особенное, как-то еще отметить Пасху. А что если взять... и укатить в Лавру?! Конспекты и библиотека не убегут, а Пасха пройдет... Конечно, службы в это время нигде никакой... но зато звонить будут. Целый день звонили, с небольшими перерывами. Хорошо в Лавре звонят! Сказано — сделано. Мелькнули все 70 верст, и перед глазами снова Лавра. Звонят! Народу немного, основная масса разошлась, разъехалась. Звонят так торжественно, кажется, на весь мир, всюду слышно. Знаю, что не так, но хочется, чтобы всем было радостно. Молодые монахи поднимаются на колокольню. Обхожу Лавру, Академию. Детская радость, безотчетно яркая, добрая и внешне ничем себя не выражающая оттесняет все. Небо над головой чистое-чистое. Пришла мысль: небо, осветив землю, навсегда останется чистым, а вот земля, мир наш, вспомнит ли о силе, держащей мир? И чудится в переключке колоколов: вспом-нит-ли, вспом-нит-ли, вспом-нит-ли?

— Дол-жен-бы, дол-жен-бы, дол-жен-бы... — басом вторит самый мощный теперь из оставшихся.

Мир должен помнить, что стоит **Крестной любовью** Спасителя, как и все мы должны бы помнить, что жить и радоваться более всего стоит уже потому, что **ЖИВ Господь наш... и жива будет душа наша!**³ Время улетело. Алеет запад. Надо бегом бежать на электричку, чтобы как ни в чем не бывало вернуться домой. Дома надо еще с обычным будничным видом заниматься обычными делами. А в душе полное довольство: слава Богу, что удалось хоть ненадолго съездить к Преподобному!

Звоночек

Опять же из давнего детства встают в памяти всякие мелочи, которые говорят лишь о том, что Лавра преподобного Сергия была самой большой радостью в жизни.

Как не вспомнить далекие по времени посещения Лавры с ночевкой у старушек-монахинь, стеливших нам постель на полу под образами. Были у них замечательные старинные часы со звоном. В нужное время они вызванивали нежную, чуть грустную мелодию, которая спокойно, неторопливо, почти ласково возвращала из сна к действительности, всегда в тот момент казавшейся удивительнее самых радостных снов. Встанешь, бывало, рано-рано, наскоро умоешься холодной водой и скорее к Преподобному. Удивительное чувство физической близости знакомых стен, ограды с башнями, соборов с куполами волновало и радовало, звало вперед. Увидишь в арке

³ Ср.: 1 Цар. 20, 3; 25, 26; 4 Цар. 2, 2, 4, 6; 4, 30.— *Ред.*

Успенский собор — и сердце словно куда-то провалится. Очень радовало всегда мужественное монашеское пение. Запоют все «Царю Небесный...» — и будто земли нет под ногами. Звоночек, как живой, благодарить хочется, без него бы не встать. И полутьма собора так объединяла всех в единую молящуюся массу, над которой горели лишь цветные — красные и зеленые — огоньки лампад. От раки Преподобного струился теплый свет — там самое освещенное множеством свечей место. Стоишь — и все: нет ни времени, ни забот, никого и ничего, что тянуло бы куда-то еще. С самых первых посещений установилось так: где бы на богомолье ни приходилось бывать, везде сопровождало чувство временного присутствия, как бы в гостях, и только в Лавре этого не было. Отсюда уж никуда не тянуло. Здесь — предел желаний.

На источник!

Почти с самых первых наших путешествий в Лавру мы стали ходить и на источник Преподобного. Он менял свое место, потому что оказывался во владениях воинской части, которая загоразивала дорогу к нему забором из досок или колючей проволокой. В заборах чаще всего вскоре появлялись дыры, вполне доступные всем, проволоку тоже как-то раздвигали, а если уж так загоразивали, что не пройти, источник где-то в другом месте объявлялся, и к нему очень скоро протаптывалась дорожка. Из всех этих путешествий остался в памяти один общий путь ранним утром, летом чаще всего. Мне разрешалось здесь, миновав город, перейдя железнодорожные пути, снять обувь. Идешь по пыли, иногда чуть влажной от росы, холодноватой для непривычных ног. Сзади Лавра. Маленькие домики с палисадничками перед ними. Кончались и они, нас встречали деревья. Тропинка иногда прижимала нас к темным елям. Идешь под навесом из их лап, следишь за дорожкой, в душе удивляясь тишине, безлюдью. Шли обычно молча. Если идем к источнику Преподобного, то надо и молиться Преподобному, здесь вся земля им исхожена, его молитвами освящена. И правда — в другом месте так себя не чувствуешь! В стороне остается колокольня и еще уцелевший краснокирпичный храм Гефсиманского скита, где расположилась воинская часть. Минуем ее и углубляемся в совсем девственный лес, где даже слышно уже журчание ручейка. Идем на звук. Пахнет сыростью, прохладой. Родничок ледяной. Под струю ставят бидончики, бутылки. Когда нет никого, вода заполняет небольшую лощинку, где многие купаются. Мы приходим обычно довольно рано и чаще всего купаемся одни. От холода дух захватывает. Окунувшись раз-два, уже не чувствую обжигающего холода и продолжаю прыгать лягушкой в воде до тех пор, пока старшим не надоест ждать. В разное время купались, даже и на снег вылезать приходилось, но никогда не было после этого даже самого легкого насморка, хотя вообще не так много нужно было, чтобы простудиться. Обратная дорога почему-то казалась короче. Идешь прямо на Лавру. Она быстро приближается. Впереди еще служба, ночевка, утром — литургия. Есть чего ждать и чему радоваться.

Урок

Одна матушка рассказывала, как в юные годы молитве Иисусовой ее учил преподобный Сергей. Видела она во сне незнакомого Старца. В тот момент после усердной молитвы было ей очень хорошо, радостно, светло. Ее восторженное состояние казалось ей пределом возможного счастья и самым ценным результатом молитвы. И в этот миг перед ней возник Старец. Она ему спешит сказать, что ей так хорошо, что счастье ее наполняет до краев, что лучшего не бывает и ничего другого она не хочет. Старец слушает не перебивая. Она кончила и взглянула на него. Он серьезно добавил:

- Этого мало.
- А что еще нужно?
- Нужно учиться владеть оружием преподобных.
- А это что?
- Молитва Иисусова.

Тогда она об этом не задумывалась. Скорее всего, слышала, но не придавала особого значения. Может быть, и совсем бы забыла, если бы не обратила внимание на то, что исчезнувший во сне Старец смотрел на нее с иконы преподобного Сергия Радонежского, висевшей в уголке их храма. Она обычно проходила мимо, даже не замечая этого образа. С того момента, как узнала его, — заметила и стала задумываться над сказанным.

Было и так

С вечера почему-то вспыхнуло раздражение у одних, перекинулось, как пламя, на других. Общее смущение, недовольство, тяжесть. Утром в начале пятого один за другим проснулись. Вставать рано. Полежали и незаметно уснули. И вот во сне совсем рядом вдруг запел мужской хор: *«Преподобне отче наш Сергие, моли Бога о нас!»*. Еще и еще раз. Дальше несколько знакомых молитв, как на молебне, и опять то же воззвание к Преподобному. Так четко, звонко. Откуда? Это, конечно, не главное. Важно, что от самого звучания молитвенного обращения в душу нисходит мир, успокоение, сила как-то еще жить. Все внешнее остается тем же, но жить можно, терпеть можно. Можно, уже окончательно проснувшись, наяву повторять: *«Преподобне отче наш Сергие, моли Бога о нас!»*. От повторения, которое потом неизменно теряется в сутолоке неизбежных дел, в спешке, все-таки остается в душе след, за который хочется благодарить, который хочется удерживать в памяти, которому можно удивляться как средству помочь и ободрить на пути.

И еще о том же. Как-то в один из трудных периодов, какие знакомы всем, когда бывает такое стянутое состояние души, которое не облегчишь ни отдыхом, ни усилением воли, ни отвлекающим занятием, попала в старой затрепанной книжке чуть ли не времен Петра I строчка: *«Когда все уже кажется гибнущим, тогда воздвигается Сергей»*. Там шла речь об исторических периодах — татарщины, смуты XVII века, а здесь сейчас — о гибнущем доверии, об обманутых надеждах, о подбирающемся к душе унынию, от которого всегда только хуже. И тут-то из последних сил немощный зов: *«Помоги, преподобный наш Аввуска, и поскорее!»*. И помогал.

Вспоминается, как рассказывала знакомая девушка о такой помощи. Приехала в Лавру расстроенной. Подошла к раке Преподобного. Не раз была в Троицком, не раз прикладывалась и ничего особенного не ощущала. А тут, на ее счастье, когда она была почти у самой раки, подошел иеромонах благословиться служить позднюю литургию. Ему открыли мощи. Вопреки обычной спешке закрыть, на этот раз допустили и некоторых из очереди. Попала и она. И в тот момент, когда приложилась, почувствовала такой прилив сил, бодрости, блаженного спокойствия, который смёл всякое напоминание о буре, о всех переживаниях.

Наверное, каждый что-то подобное испытывал. Другая рассказывала похожее, только пережила она это чувство облегчения после виденного во сне. Видела она себя во сне в соборе Святой Троицы в очереди к Преподобному. Все пели ему акафист. Пела и она, удивляясь, откуда и голос взялся. Пела, отчетливо помня слова. Подходя к раке со святыми мощами, почувствовала, будто ее осенило светлое облако, в котором ей было тепло и легко, как от сочувствия и участия самого Преподобного. Ничего она не видела, не слышала, просто сползла тяжесть, и стало все терпимее. Потому и поют люди веками: *«Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче!»*^{XL1}.

Закончу эту тему рассказом знакомой, которая от расстройств не сразу сообразила, как она, идя в Трапезный храм... очутилась в Троицком. От всех своих огорчений она двигалась как во сне. Зашла, стала в притворе у креста. Стоит ни о чем не думая, не молясь. Нет сил уже ни на что, как в забытьи. Проходит монах, которому поручено и за порядком следить, и маслица налить желающим. Молодой, шустрый, он как ртуть мелькал в разных углах. Увидя понурю фигуру, подошел, спросил: *«Маслица ждешь?»*. Ничего она не ждала, никого ни о чем не просила, но почти машинально кивнула: *«Да»*. Он взял пузырек, стал наливать, потом вылил... и исчез. Через несколько минут появился с полным флаконом: *«Вот, на... от Преподобного!»*. Держит... и будто сон рассеивается. Надо же

так! Был бы хоть знакомым, монах-то, а то ведь нет. И как это все быстро произошло? От его слов: «От Преподобного!» в душе светлее, она приходит в сознание. Острота боли притупляется, на душе легче. Ей кажется, что все так вышло, чтобы ее убедить не уходить так уж целиком в свои горести, не расстраиваться чрезмерно. Теперь уже можно, когда легче стало, идти на службу в Трапезную церковь. Как это удивительно сказано: «*Радуйся, светильнице, елеем милости кипяй*»^{XLII}.

«Праздник» 8 марта

1954 год

Кто испытал неизбежность ежедневного пребывания в школе или на работе, которая не оставляет ничего для души, тот поймет, как трепетно можно ждать любой возможности вырваться из надоевших стен, чтобы оказаться в других, куда более желанных. Тем более если это первый день Великого поста и попасть в такой день в Лавру можно крайне редко. В этот раз повезло — совпало так, что первый день пришелся на гражданский «праздник» 8 Марта, на который нам позволили погулять. И вот прохладным сумрачным утром мы в Трапезном храме. В воздухе предчувствие весны. Особенный постовой гомон грачей. Голубеет небо в проемах окон. На клиросах затишье. Сменяя друг друга, читают монахи положенное. Особенно много псалмов звучит в это время. От напряжения и желания все слышать, не рассеиваясь, устает внимание. Наконец долгожданный момент: отец наместник читает молитву, в которой просит благословение на наступающий пост. После нее монахи, начиная со старших, медленно парами пойдут почти к самым дверям с пением: «*Совет Превечный...*»^{XLIII}. Это самый яркий момент в великопостной службе, где всё тише, размереннее, всё в полумраке. Согласное пение и затем молитвы об усопших объединяют в такой момент всех в единое целое — в Церковь! Тут и покаянное сознание, и призыв к исправлению, и жажда такого недостижимого единства — все в одном удивлении перед неведомым для многих богатством, которое Церковь являет своими службами, но которое — увы — так часто большинству недоступно. Тот далекий день 8 марта забытого теперь года^{XLIV} остался в памяти как подарок Преподобного, которым он призывал ко вниманию и благоговейному отношению к богатству Церкви, которым она оделяет каждого жаждущего по мере веры и усердия.

Рождественским утром

От тех далеких лет, когда ездить к Преподобному удавалось не так часто, как хотелось бы, остались отрывочные воспоминания, полные восторга, удивления и непреходящего желания снова и снова лететь в Лавру на всех парусах. И о праздниках, если удавалось побыть на службе, задержались в памяти отрывочные воспоминания, скорее сохранились отдельные штрихи, а более полно писалось уже позже. Так вот, от ночной службы на Рождество осталось и тревожное ожидание: удастся ли поехать к Преподобному, и надежда на то, что там, в Лавре, может быть, полегчает (а если не там, то и нигде), и сознание того, что, как бы ни было порой тяжело на душе, — есть Лавра и, значит, когда-нибудь будет просвет по молитвам Преподобного. Так бы и улететь без задержек на всяких пересадках, чтобы не пропустить: «*С нами Бог!*». Очень хорошо, когда на фоне речитатива легко, как вздох, звучит: «*Яко с нами Бог!*». А как дойдут до слов: «*Бог крепок, Властитель, Начальник мира... Отец будущего века*» — так мороз по коже. Народу битком. Кончается всенощная, потом исповедь, потом повторная всенощная и первая рождественская литургия. Тогда еще не было такого подчеркнутого разделения: это места для своих, а дальше — пусть жметесь общая безликая масса паломников, какое до них дело. Тогда можно было стоять около клироса, как мы всегда старались, чтобы звуки мощного хора, ведущего мелодию «*Днесь восприимлет Вифлеем. ..*»^{XLV}, стеной отгородили от обычного существования, унесли в мир поклонения Богу... Когда ночь прошла? Уже литургия, уже хочется успеть услышать: «*Елицы во Христа...*», и тогда по заснеженной дорожке бегом к электричке. День-то для всех рабочих. Ночь твоя: хочешь

— спи, хочешь — молись, а днем будь на месте как огурчик. Пропели, пора. Еще темно, еще только половина шестого. В полусне промелькнули километры, отделяющие от столицы. И в метро вдруг властно зазвучала хвалебная ангельская песнь: «*Слава в вышних Богу!*». Ни толкучка всюду, ни грохот городского транспорта, ни забота — как бы не опоздать — не мешали чувствовать праздник среди обычной суеты. Непостижимым образом знакомые и любимые звуки лаврского хора как бы приподняли над землей, согревая душу и даря ей желание всех вспомнить на молитве, кому хотелось бы быть в храме в это время, но удержали обстоятельства. И если еще позволено чего-то желать, так это дара молитвы за всех «*скорбящих же и озлобленных, милости Божией и помощи требующих*»^{XLVI}. Но вот прошел день или два — и никаким старанием не вернуть того состояния, даже слабого намека на него, которое дано было в то рождественское утро.

Архангельский глас

Иногда в обители что-то знакомое из службы вдруг поражало особой глубиной и наполненностью. Подробности уносит время, а удивление и благодарность связываются с поразившими словами. Так было раз под Благовещение. На всенощной вышло петь трио: иеромонах, иеродиакон и клирошанин. Светло, празднично одетые, они негромко, но на редкость слаженно и взволнованно запели «*Архангельский глас*»^{XLVII}. Особенно прозвучало: «*Радуйся, Благодатная*». Повяло несказанной ангельской чистотой, неописанной **красотой смирения**. Говорить об этом не только трудно, но и вряд ли нужно, все равно словами не выразишь, а не говорить — жаль предавать забвению такие драгоценные мгновения. Дай Бог, чтобы они оставили желанный след в душе и чтобы время не стерло этих и других, подобных, воспоминаний, не сумело захлестнуть память о них ворохом неизбежных житейских забот...

Несостоявшееся прощание

Период своего обучения, когда воспоминания о поездках в Лавру так отрывочны, закончу последним, не похожим на другие моментом. Было это тогда, когда решался вопрос о распределении «молодых специалистов» по окончании института. Предварительное распределение было, и мне предлагалось место не так далеко, всего в 200-х километрах от столицы. Все бы ничего, но уж на воскресенье или на рождественскую или пасхальную ночь к Преподобному не выберешься. Только этого и жаль. Работать все равно где-то надо, и мысль об этом, по незнанию, особенно не тревожит. Но вот Лавру жаль до боли в сердце. Вернее — себя жаль. Лавра стояла и будет стоять, а вот я-то как буду без нее? Конечно, в отпуск можно приехать, но лишь раз в год. Надо не думать пока о будущем. Пока... Пока же есть несколько свободных часов. Махнуть в Лавру? Как бы предварительно проститься,— нет, просто так приехать, забежать к Преподобному в Троицкий и бегом обратно.

От усталости, от экзаменационных волнений и беспокойства всю дорогу проспала. От электрички бегом в Лавру, на той же скорости надо и обратно, только по Лавре чуть медленнее — не лететь же как угорелая, надо приличнее пройти. Приложившись, уже в воротах, под Предтеченским храмом, мысленно говорю: «Аввушка, я еще приеду, это не в счет! Ты так устрой, чтобы смогла приехать. Устроишь?». И как ответ, беззвучный, но ясный: «Никуда я тебя не отпущу». Это — мне?! А вдруг это что-то «не то»? Или какая-нибудь звуковая (но ведь не было звуков!) галлюцинация? Или это мои желания обрели такую форму? Святые отцы все подобное советуют не отвергать и не принимать. Постараюсь. На пути в столицу опять сплю. Время поджимает, надо спешить. Метро, знакомая улица, по которой почти бегом, знакомая лестница. Осталось один коридор проскочить и вдруг голос, уже вполне реальный: «Подождите!». Преподаватель параллельной группы, с которым мы только здоровались, вдруг предупредил, что в списках рабочих мест есть одно, которого не было предварительно, назвал адрес. Единственное место в столице! «Если хотите — подпишите его!». Право подписать, то

есть согласиться именно на это место работы, давала хорошая успеваемость. Первый выбирал из всего предложенного, следующий — уже из оставшегося. У меня была возможность подписать именно это место и остаться на законном основании в Москве, что, конечно, и было сделано. Значит, не надо никуда ехать от Преподобного! Не надо и прощаться! Аввушка!

На исповеди

(из бесед с отцом Тихоном (Агриковым)^{XLVIII})

Если первоначальные впечатления от посещения Лавры лишь вспыхивали яркими огоньками, украшая серые будни, вдохновляя, утешая и согревая душу, то последующие заставляли о многом задуматься. Прежде всего — о духовной жизни и о том, как она возможна в наши дни. Может быть, тогда так это не формулировалось, даже точно можно сказать, что нет. Тогда это было желание духовного руководства, очень большое и искреннее. Хотелось каяться одному исповедующему, чтобы он, уже что-то зная, мог и посоветовать, и предупредить вовремя, и удержать от неверного шага, если надо. Сохранились записи, очень короткие, вопросов и ответов на исповеди тех лет, часть которых хочется теперь переписать.

1. Обычно считают, что иметь молитвенное правило — самое необходимое для духовного роста. Чтобы не остаться без этого, спрашиваю на исповеди. Конкретного, тем более большого, правила не дается, разумеется, в дополнение к необходимым молитвам. Помню, что твердо было сказано, что это «по силам, с разумом все надо».

2. Вопрос взаимоотношений даже среди вроде бы единомысленных, единоверных, как бы стремящихся к единой цели,— всегда трудный. Когда особенно трудно понять, разобраться, что мешает миру и согласию, спрашиваю и получаю совет не братья перебирать всё, все мелочи обдумывать, отыскивая кто в чем виноват, а лучше помолиться за них, недовольных, обижающихся. Как? — «Хотя бы акафист почитай».

3. «Девочки», какими мы тогда все были, хотя уже каждой было к двадцати или больше, передали вопрос: как быть, если надо идти вечером темной дорогой и от страха душа уходит в пятки? Ответ мне понравился и запомнился: «Надо читать "Богородицу"». А вообще — надо всегда охранять себя молитвой и стараться ничем не отгонять благодатной помощи Божией».

4. Времена меняются, исповедующих в Лавре тоже меняют, переводят, отсылают... На такой случай надо спросить, есть ли необходимое, незыблемое «правило», без которого не обойтись, или оно диктуется обстоятельствами? Как быть, если не у кого будет спросить? Ответ короткий: «Совість подскажет».

5. Трудный вопрос всегда о молитве. Мысли разбегаются, внимание рассеивается, нельзя не сознаться, что только место занимаешь. Не получается лучше... На это такой ответ: «Молись хоть через силу, заставляй себя, ну хоть как-нибудь, но **обязательно** молись».

6. Душа болела, сознавая, что суета очень мешает собраться, сосредоточиться, что избежать установившихся условий невозможно, в них быть трудно, исправления никакого—и душа черствеет, каменеет, жаждет помощи и не встречает ее. В ободрение батюшка говорит: «Не горюй. Коснется Господь — и встрепет душа. А за свои неисправности надо болеть душой, они — от слабости веры, оттого, что нет решимости. Желание вроде есть, но и неохота себя заставить... все вместе».

7. Очень редко вместе с кратким ответом можно было услышать какой-то пример. Обычно примеры запоминаются лучше. Так, однажды батюшка привел в пример одного из лаврских схимников, который усердно молился, чтобы Господь сподобил его причаститься в день смерти. И выпросил. «И ты проси».

8. Еще реже можно было услышать пример собственного преодоления каких-либо трудностей, какой батюшка приводил бы, когда речь шла о слабостях. Как-то, жалуюсь на собственную лень, расслабление какое-то, охлаждение, услышала: «Вот и мне, бывает, не

хочется идти (на послушание), а надо. Встану, прочитаю главу Евангелия — и иду почти с охотой...». Да, это конечно так, только будет ли время, когда можно встать спокойно, помолиться, почитать Евангелие не спеша, не оглядываясь на часы, не боясь, что опоздаешь на работу? Или это от себя — от привычки сразу же опускаться в свои дневные заботы с первой минуты пробуждения?

9. В общении не избежать многословия. Если не говоришь, то слышишь. Как при этом избежать пустословия? Батюшка на это отвечает: «Когда что нужно сказать, скажи несколько самых нужных слов, самое драгоценное — и все. А во многословии — пустословие».

10. От грехов радости никакой, а иногда так хочется хотя бы надеяться на какой-то просвет. Видимо, в один из таких моментов батюшка сказал очень твердо и уверенно: «Главное — не ленись, и пусть не будет небрежения. Будешь все исполнять, встретишь не только горести, но и радости, которым нет сравнения. Они будут залогом вечной радости в Царствии Небесном».

11. Расстройств всегда хватало, иногда от них и сердце болело. Как-то при этом батюшка сказал: «Зря-то не расстраивайся. Береги сердечко для Господа». Конечно, когда это кажется, что расстраиваешься зря? Всегда есть причины, есть основания. И все они чаще всего зряшные. Потом только понимаешь, что это так. И расстройство до боли в сердце — от маловерия, от самолюбия, от гордости, от многих-многих своих грехов, а более всего — от забвения Господа.

12. Приходило иногда сомнение в правильности пути. Не в направлении, не в цели, а в том, что замусоривает этот путь — заботы, волнения, недоумения, какими полон каждый день. Как избежать их? Или надо каким-то решительным движением смести их? Или подчиниться обстоятельствам? Говорю об этом и в ответ: «Не сомневайся, будь тверда, а то будешь непокойна». В чем не сомневаться можно? Что Господь ведет теми путями, какие полезнее для меня, чем другие? Наверное, так.

13. Недоумеваю: почему всех разбирают обиды? Что-то делаю не так? Что? И как надо? Спрашиваю: что же мне делать? Вместо конкретного ответа слышу утверждение: «Это закон духовной жизни: чем больше будешь делать добра, тем больше нареканий, недовольства, требований и обид, обид...». Ну и закон! Вероятно, это допускается Господом, чтобы мы все увидели свои немощи, слабость, учились терпению и снисхождению, умели прощать и требовать только от себя.

14. Опять о молитве, с которой у меня так плохо. Как всегда, коротко и обще, батюшка отвечает: «Молись как можешь. Главное, чтобы молитва была живительной силой».

Но как к этому прийти? На это нет ответа, и мне приходится вспоминать советы святых отцов о том, что Господь дает молитву молящемуся⁴, Он — учитель молитвы, а от нас нужно одно усердие и понуждение себя.

15. Обращаясь к прошлому, поневоле сожалеешь о потерянном времени, возможностях. И грехов все больше и больше, и сил бороться с ними все меньше и меньше... Говорю на исповеди, что делаюсь только хуже, а в ответ так грозно звучит: «Не твое дело — лучше или хуже. Делай, а результат на волю Божию».

16. Без смирения нет спасения. Это везде — в проповеди, в словах святых отцов, слышишь на исповеди, читаешь. А как быть, если его нет? Спрашиваю у батюшки и получаю ответ: «Учись у Преподобного. Смирение — в служении ближним». Да, ближние пока научат — намучат. Но и без их помощи не обойтись. Считать себя грешником — мало, хотя и без этого нельзя. Попробуй-ка не только простить недостатки других, но и не возмутиться, не раздражиться, не позволить себе обид, требовательности, желания одобрения, тайного тщеславия... Этого без помощи ближних не одолеть.

---

⁴ [Господь] *давай молитву молящемуся...* (1 Цар. 2, 9). Эти слова есть в церковно-славянской Библии, но отсутствуют в Синодальном переводе.— *Ред.*

17. Когда же душу захлестывала грусть от ощущения своего внутреннего духовного одиночества, непонимания, нежелания тех, кто казался близким, разделить эту тучу душевную, батюшка на исповеди сказал: «И у великих светил были такие минуты оставленности. Это очень тяжелый крест. Его и Господь испытал, и Ему было очень тяжело, когда Он молился Отцу Своему: *Отче, вскую Мя оставил еси?*⁵».

18. Иногда думалось: вот тут столько тревог, беспокойства, переживаний бесконечных. Там же, у Господа, вполне возможно, за грехи даже и взглянуть не удастся на все, что дорого. Тут, как ни плохо, можно стоять на службе, даже просто **видеть** Лавру, а **там**? Говорила о том батюшке, и он ответил: «**Там** — подбробнее. Надо жить **надеждой**». Да, хорошо жить надеждой, но кто ее затеплит? На пустом месте и надежды не будет. Потом уже, много позже, осталось убеждение: самая непоколебимая, твердая, ясная надежда возможна в одном-единственном случае — если ею Господь осветит душу, если Он ее зажжет как огонек и будет самым убедительным ее основанием Он Сам, Его неизреченная милость к кающимся и просящим Его помощи.

19. Теперь не помню, в связи с чем было сказано мне: «Кто стремится пристальнее взглядеться в образ Спасителя, тот больше видит, тому легче полюбить Его. А кто только по верхам смотрит, тот может и не поверить, и отрицать, даже высмеивать». Пристальнее взглядеться — это как? Тогда мне было сказано — и доходи, додумывайся до всего. Так ли, нет ли... Не очень-то спросишь — и некогда, и негде, и тысячи причин-препятствий. Но возвращаясь к сказанному, хоть уже значительно позже, нельзя с этим не согласиться. Да, вглядываться, стараться вникать в строки Евангелия, в явления милости Божией на протяжении всей жизни, своей и других, во все, что объединяет собой Церковь, конечно, надо. И легче будет верить, надеяться, даже любить, тем более что Господь обещал ищущим Его Свою благодать.

20. Снова и снова, тогда и теперь каюсь в том, что плохо с молитвой: и рассеянность, и лень понудить себя вернуться к прочитанным механически словам молитвы, и привычка спешить всегда и везде, и, следовательно, небрежность в самом святом деле. Сознывая и каюсь, но не исправляюсь, повторяя те же грехи, ловишь себя на мысли: чем так читать, лучше никак не читать — греха меньше. Но — меньше ли? С этим вопросом опять обращаюсь к батюшке, и он говорит: «Читай. Хоть как-нибудь (если лучше не получается), но читай. Сама можешь не видеть силы молитвы, да бесы видят, знают». Да, все святые отцы уверяют в необходимости побуждать себя хотя бы на самую слабую молитву. Теперь бы мне в дополнение хотелось услышать еще и такое: только не оправдывай свое небрежение и не ленись понуждать себя к молитве.

21. Сокрушаюсь о том, что вся жизнь — одна суета. Вольная, невольная, где какая — не разберешь. Одно всегда — скорее! Везде, всюду — скорее, как на пожар! На работе — «план горит», в храм — скорее, чтобы успеть хоть что-то застать, домой — скорее, чтобы самое необходимое сделать. И при всей этой круговерти никаких добрых дел. А время идет. Как не горевать, тем более что изменить ничего не могу. На это батюшка сказал: «Теперь все добрые дела — в терпении. Терпи». Отойдешь от аналоя — «терпи». Всегда, везде, всюду. Всех и себя. И обстановку. Хочется, конечно, и чего-то светлого, радостного. И слава Богу, оно есть хотя бы уже потому, что есть возможность быть в Лавре на богослужении, на исповеди.

22. Как-то говорю на исповеди, что нет никакой возможности быть в тишине, нельзя нигде быть без чужих глаз, пусть и безразличных, не очень мешающих, но все-таки это не одиночество. Иногда же так хочется побыть одной, помолиться не на людях. Если представляется хотя бы какая-то возможность побыть в одиночестве, то радуюсь редким минутам, когда надо кого-то подождать (на работе) в пыльном помещении гулко склада или в пустом отсеке, провонявшем сгнившей на овощной базе капустой. Но вот помолиться в таком мусоре не будет ли оскорблением для Господа? Не на помойку же

---

⁵ Ср.: Мк. 15, 34.— *Ред.*

люди спешат для молитвы, а в благоукрашенный храм! — «Нет, для молитвы все места подходящие». Теперь к этому хочется добавить: только б в душе не было помойки.

23. Некогда! всю жизнь некогда делать все самое нужное. И более всего некогда молиться! Стыд и позор, но правда — молиться приходится больше дорогой. Говорю на исповеди об этом без всякого обещания исправиться.— «Молись дорогой, идешь-то ногами». Конечно, для молитвы нужна голова и сердце, не ноги. Голова, конечно, тоже все время занята, только вот надо понаблюдать за ней — всегда ли нужным она полна? Если последить за тем, сколько времени уходит на дорогу, на ожидание транспорта, на переходы, пересадки, да добавить к нему то время, когда делаешь что-то только руками, где голова не нужна, получится вполне приличное количество, можно успеть помолиться. Не будет внешнего: стояния перед иконами, чтения по книгам... но это — Бог знает — в дороге невозможно. Только б память о Боге была, да душа к Нему не переставала бы тнаться.

24. Сколько ни говорили в Лавре в проповедях о любви к ближним, на деле наталкиваешься и на зависть, и на ревность, и на явную неприязнь, чуть ли не до ненависти... Конечно, это смущает, очень мешает относиться доброжелательно, ровно, спокойно. Говорю об этом батюшке и он в ответ: «Мало не иметь неприязни друг к другу, надо стремиться к любви». Конечно, мало. Отойдешь и думаешь: как к ней стремиться на деле? Что конкретно от меня зависит и как надо мне вести себя в такой обстановке, которая едва ли не всех выбивает из колеи? На эти вопросы умудряйся сама находить ответы и как-то выходить из положения. «Помоги, Господи, Сам имиже веси судьбами».

25. В бесчисленных исповедях снова и снова встает вопрос о молитве. Плохо с ней. Плохо стараюсь, каюсь в этом и слышу: «Благодари Бога». Вот это да! Вроде бы надо сказать что-то другое. Правда, вспоминаю, что один старец говорил своим духовным детям, что и за грехи надо благодарить Бога. Конечно, это не значит, что грехи будут радостно приняты Богом, нет, но ведь все знают, что лучше видеть свои грехи, осознавать их и каяться в них, чем не видеть, быть уверенным, что у меня все как надо и продолжать копить их. Благодарить здесь следует за то, что Бог дает видеть грехи, сознавать свою немощь, свои слабости, свою греховную запущенность.

26. Не раз предупреждал батюшка на исповеди о том, что в день причащения надо быть особенно внимательным, особенно стараться беречь **святыню**. И как это непросто! Но главное, привычка расслабляться, неумение всегда жить собранно, как на страже, легко открывает вход супостату и... Как надо всегда быть бдительным и молиться, чтобы, как в Евангелии сказано, не подвергнуться напасти⁶.

27. Периодами в душе творилось что-то неладное: на работе какие-то осложнения, с людьми неприятности, дома недовольство, в себе — мрак и тяжесть. Словом — ад. Говорю батюшке, а он: «Ну не самый ад, только преддверие. Потерпи, есть за что терпеть!». Да, легко сказать — потерпи. Конечно, надо терпеть. Надо еще усилить молитву, только сил для этого нет. Ни на что их нет. Слава Богу еще за то, что есть сами Таинства Церкви, Господь через них дает силы просто жить. Непереносимое казалось терпимым и невозможное — возможным.

28. Однажды пришлось мне слышать от батюшки такую фразу: «Зарастает тропинка за Господом». Как к ней относиться? На свой счет принять? Услышать в ней намек на собственную неверность, недостаток усердия, маловерие, забвение горячности духа, свойственной лучшим христианам? Широкое поле деятельности — думай как хочешь решай, как знаешь... Если и о себе подумать именно так — не ошибешься, только б в уныние не приходиться.

29. Вряд ли кому не доводилось в те годы испытать много горечи, пережить много тяжелых минут оттого, что трудно было общаться с батюшкой. Спросишь — когда ответит, а когда и нет. Или ответит одним словом — то ли поймешь, то ли нет. И так ли поймешь? Если написать — как, когда отдать? Сплошные переживания. К тому же и на ответ не

⁶ См.: Мф. 26, 41; Мк. 14, 38; Лк. 22, 46.— *Ред.*

рассчитывай. Даже благословение получить — целое событие. И не всегда виновато многолюдство. Один раз подойдешь, другой — батюшка как не видит, а то рукой махнет, скажет: «Дайте пройти, не задерживайте». Другого же тут, на глазах у всех, преспокойненько благословит. Если царапнет обида, надо сказать на исповеди, а говорить о таком — мука. Обижать не хочется, сказать надо не о своих переживаниях, а о неумении или бессилии бороться со всем, что ложилось тяжелым камнем на душу. И не отсутствие внимания, а мучительное сознание, что батюшке все равно — тяжело мне или нет, спасаюсь я или погибаю, как у меня на душе... Однажды на это он сказал, что это враг мстит и верно попадает. Позже, много лет спустя, приходила мысль, что Господь попускал это пережить, чтобы учиться **все** доверять только Ему, сочувствовать другим и меньше внимания обращать на себя.

30. Если батюшка поручал кому-то сказать что-либо нужное, то предупреждал: «Ты не настаивай, скажи, а там...». Что «там» — не договаривал, наверное, надо понимать: «как будет». Мне казалось тогда это очень значительным, потому что в духовной жизни давление исключается. На практике же, к сожалению, оно до сих пор прекрасно сосуществует с хорошими, правильными словами на великое смущение, часто на горе и вред многим.

31. Неизменно возвращаюсь к своим грехам, сознавать которые надо, помнить тоже, но при этом надо удержаться на самом краешке бездны, имя которой — уныние. Как тут быть? Батюшка повторяет известное: «Себя терпеть тоже надо. Это трудно — себя терпеть». Да, еще как. В этом у меня большой опыт, но не терпения, а напряжения, от которого все внутри дрожит. И так хочется порой хоть крошечного утешения... чего-нибудь хорошего, радующего. Обычно оно по милости Божией как-нибудь приходило, а то бы совсем плохо было.

32. Терпеть-то себя, конечно, надо, но силы терпеть из себя не выжмешь, надо усиленнее молиться. Сделав такое открытие, говорю на исповеди, что вот этой усиленной молитвы-то и нет у меня. Батюшка отвечает: «**Призывай чаще Господа, как написано: всяк, иже аще призовет имя Господне, спасется**⁷». Отхожу, думаю: чаще, конечно, надо, хотя это и трудно. А в духовной жизни все трудно, во всем требуется понуждение себя.

33. Давно как-то батюшка спросил: «Ты "Богородицу" знаешь?». — «Да». — «Да как знаешь-то? Что слова молитвы знаешь — я не сомневаюсь, а вот откликаются ли в сердце слова?». Ответить на это непросто. И тогда, и теперь. По-всякому бывает. Да, думаю, тогда важно было вопрос такой поставить, чтобы внимание на него обратить. А ответ дознается жизнью.

34. Когда говорят о разных страхах, просят узнать о том у батюшки. Он отвечает: «С Господом ничего не страшно, везде хорошо». Дай Бог, чтобы жизнью подтвердилось такое убеждение. Пока ничего особенного нет — и не страшно, и проще думается, что с Богом все одолею. Когда же что-то неприятное стряется, то другие слова и мысли даже у святых: «*Вскую мя отринул еси от лица Твоего, Свете Незаходимый, и покрыла мя есть чуждая тьма, окаяннаго*»^{XLIX}. Надо молиться об укреплении веры и на себя не надеяться. Пожалее Господь — не страшно будет, а оставит на себя — еще как страшно даже там, где применимо замечание: **тамо убоишася страха, идеже не бе страх**⁸.

35. Иногда знакомые рассказывали, делились советами батюшки. Так, одна знакомая матушка на исповеди сказала батюшке, что читала книгу о молитве Иисусовой, где автор предупреждал: на это нужно особое благословение. Вот она и решила просить себе особое благословение. Батюшка ответил: «Какое тебе особое благословение, это же наш долг». Теперь к этому вспомнились слова отца Алексия Мечева^L, который говорил, что надо не думать о том, чего достигали прежде великие молитвенники, а все внимание следует обращать на слово «помилуй» и читать эту молитву с чувством покаяния.

⁷ Деян. 2, 21; Рим. 10, 13.— *Ред.*

⁸ Ср.: Пс. 52, 6.— *Ред.*

36. Некоторым батюшка говорил: «Подкрепились? Теперь поезжай на новые подвиги». Имелось в виду прежде всего участие в Таинствах, Исповедь и Причащение. Кроме того, и вся лаврская служба, вся красота Лавры не могли не действовать. Они ободряли, вдохновляли, примиряли со всеми трудностями жизни. А дома надо было браться за себя и стараться больше, чем прежде.

37. Бывало и так, что он напоминал: «Мы призваны гореть!». Естественно, огнем веры, решимости жить по вере, огнем любви к Богу и друг к другу. Увы, не очень-то заметно было наше горение, особенно при общении. Призыв, конечно, благой, но получалось в жизни многое не так. Тут каждый может и должен винить только себя вопреки нашей привычке жалеть себя и винить других.

38. Неоднократно батюшка подчеркивал, что необходимо бережно относиться к искорке небесного огня, зажженной Господом. И свою беречь, раздувать, и у ближних и дальних — тоже. Осталось в памяти образное сравнение: «Искорку можно раздуть, а можно и плюнуть на нее, затоптать... и она угаснет». Как конкретно поступать в каком случае — это уж догадывайся сам и прислушивайся к обстоятельствам.

39. Как-то одной знакомой предстояло ложиться в больницу. Ее беспокоил вопрос поста. Конечно, там никто с ней считаться не будет, а не есть ничего тоже нельзя. Спросила батюшку, как ей быть. Он советовал есть первое, не трогая мяса (если оно там будет), а со вторым — проще. Ее удивило это. Почему так? «Потому,— объяснил батюшка,— что от бульона, супа или щей не останется впечатления вкусового и это не будет смущать: съешь неизвестно что — и ладно. Надо подчиняться — и ешь. От котлеты же или просто кусочка мяса, если его жевать будешь, совесть будет неспокойна». Она так делала, стараясь не думать ни о чем, и была покойна.

40. Другая смущалась тем, что на работе, когда ей поручались дети, невозможно было соблюдать посты. Батюшка посоветовал ей заменить качество количеством, то есть значительно уменьшить его. Она говорила, что ждала с нетерпением того времени, когда можно постом или в постные дни вволю наесться картошки, да подобрить ее жареным лучком — и вкусно, и досыта, и с чувством исполненного долга, а то лизнешь молочной каши — и не наешься (раз батюшка велел чуть-чуть поесть, чтобы других не возмущать), и на душе нехорошо.

41. Многим батюшка благословлял читать акафист Божией Матери каждый день. Многие жаловались, что привычка к словам мешает проникать в смысл произносимых слов. Спросить трудно бывает, мешает многолюдство, постоянное беспокойство: придет ли на исповедь, удастся ли спросить что-нибудь на ходу, когда он спешит на службу. При первой возможности спрашиваю о том, можно ли вместо обычного Благовещенского читать другой акафист Матери Божией. «Можно». Из этого делаю вывод, что важнее всего внимание к словам — чтобы только молитва была обращением ума и сердца, а не машинальным повторением написанных слов, давно знакомых и потому легко убегающих из сознания.

42. Как-то на слова Евангелия: *Ваши же блаженны очи*⁹... батюшка сказал, что это к нам, ко всем христианам, относится. Ветхозаветные пророки только предполагали, видели в символах, как через тусклое стекло, то, что дано христианам. Мы можем всем сердцем ощущать близость Господа в храме, при чтении Евангелия, в Таинствах, особенно в момент причащения. Ему сказали, что мы, рядовые верующие, тонем в суете, а вот священникам дана благодать особая. На это батюшка возразил: «Нет, это всем. Благодать та же...». Конечно, так. Бывает, к сожалению, что неопытный священник внушает другим мысль о своем избранничестве, но это — увы — от скудости понятий, духовного невежества всех — и говорящего, и слушающих. Не случайно в «Невидимой брани»¹¹ подчеркивается необходимость развивать ум и совершенствовать свои понятия, чтобы различать добро от зла. К сожалению, основной массе верующих надо делать это самостоятельно.

---

⁹ Мф. 13, 16.— *Ред.*

43. Когда жаловались батюшке на тоску, охватившую душу, он указывал на молитву как на самое решительное и действенное средство борьбы с таким состоянием. Если и с молитвой плохо (а это всегда вместе, как правило, бывает), то он говорил: «Это и ведет к тому, что потом испытываем мы тоску». Понимаешь, что нельзя запускать себя, надо выработать навык молиться, но порой так трудно бывает! Слава Богу, что есть на свете Церковь, где молитвы одних могут хоть как-то коснуться и ослабевшей души другого.

44. К вопросу о молитве возвращались многие. Кто-то батюшке сказал на исповеди, что забывает молиться, уходит мыслями в дела, заботы, а помолиться некогда. Он только спросил: «А поесть не забываешь?». Ясно, молиться надо хотя бы так усердно, как готовим пищу, а может быть, и лучше. Только вот до такой потребности в молитве, какую испытываем в пище, дорости мешают многое...

45. Как-то спросили у батюшки, есть ли у него такой близкий друг, которому можно все доверить. «Есть». Ну, слава Богу, это теперь большая редкость. Он видел, что не так его поняли, и добавил: «В келии — Матерь Божия. Ей все говорю».

46. Когда говорили батюшке о бесконечных скорбях, переживаниях, опасениях, страхах, он отвечал: «Мы искуплены для вечной радости не золотом и серебром, а Кровью Спасителя¹⁰. Не может быть, не попустит Господь, чтобы все, что Он дал нам, погубил враг. Не погубит. Матерь Божия не попустит погибнуть». Дай Бог и уверенность в этом, и силы противиться унынию, всяким тревогам, и светлую надежду на милость Божию, которой только живы еще.

47. Вряд ли кто подходил с радостью, больше шли и каялись в грехах, жаловались на подавленность, уныние, душевную холодность и другие состояния, от которых так трудно избавиться. Батюшка старался напоминать: «Мы уже возлюблены Господом, нам остается только полюбить Его ответной любовью». Легко сказать — полюбить! И кто бы этого не хотел, но как трудно это для многих, если не сказать — для всех! Только кому Бог Сам даст эту милость... Но ведь Он дает больше, чем мы замечаем...

48. Многих смущало то, что очень часто в храмах на исповеди священники почти не слушают исповедующихся. Одни, перечислив грехи в «общей исповеди», просто накрывают епитрахилью, другие, наклонившись к кающемуся, не дают сказать, говорят сами, еще не все выслушав... Как в таком случае быть? Батюшка советовал каяться тут же, молча, в душе, Богу во всем, в чем совесть обличает, пока в очереди стоишь, а как уж священник поступает — дело его совести.

49. Приходили на исповедь часто очень юные, восторженные души. Батюшка предупреждал таких о том, что потом будет приступать охлаждение. От него одно спасение — «понуждение любить Любящего нас». Охлаждение как попущенная воспитательная мера — трудное искушение, но «неискушен — неискусен»¹¹. Трудно еще и потому, что большей частью в искушении люди остаются одни, без поддержки искусных, добрых и любящих.

50. Заканчивая краткие записи отдельных советов и того, как они воспринимались в дальнейшем, хочется вспомнить последнее, не раз слышанное: «Люди созданы для любви, чистой, святой, для счастья любить и быть любимыми». Теперь, много лет спустя, при воспоминании о них, думается: дай Бог, чтобы все, кто искренно, от души всегда спешил к Преподобному в его Лавру, встретил по отношению к себе хотя бы искорки настоящего чистой, святой, возвышающей душу любви Божией, открывающей небо и освещающей землю, дающей силы жить и все терпеть. И благодарить за это Господа и Его Преподобного.

Обстоятельства под корень срубили так и не возобновившиеся наши отношения, время унесло их в прошлое, оставив воспоминания, за которые можно сказать: «Слава Богу!». За все, что было и чего уже не будет. Этим можно закончить второй период уже более систематического посещения Лавры, когда очень хотелось реального и надежного

¹⁰ См.: 1 Кор. 6, 20; 7, 23.— *Ред.*

¹¹ См.: Иак. 1, 12.— *Ред.*

духовного руководства. Этого не получилось, и третий, пока еще не окончившийся период,— это все доступные поездки к Преподобному, когда внимание полностью поглощено богослужением. В разные праздники приходилось бывать, и о некоторых из них остались очень яркие, незабываемые воспоминания. Даже просто трудно представить себе церковное торжество в отрыве от Лавры. Более всего это касается самых значительных праздников — Пасхи и Рождества Христова. И конечно, праздников Святой Троицы и памяти преподобного аввы Сергия.

Еще об исповеди

Было время, когда на исповедь хотелось попасть только к одному из исповедующих. Он знал по прежним исповедям многое, ему не надо было говорить обо всем, можно было продолжать. Пришлось довольствоваться тем, что есть, то есть исповедоваться у того, кто пришел. Некоторые исповеди проходили почти бесследно, вернее, не запомнились, а от некоторых остались «бумажные следы».

Например, было так. Пришел один иеромонах, который вызывал уважение одним видом, казавшийся серьезным, сосредоточенным. Каких лет? Может быть, близких к моим, но отцы всегда мне казались старше, солиднее. Немного удивила его привычка всем говорить «ты» с первого раза, но, может быть, это осознанно, даже специально. Как бы там ни было, сразу же: «Что у тебя?». Говорю, что мучает сознание своей неисправимости. Каждый раз на исповеди думаю, что надо браться за себя серьезно и решительно и — ни с места. «Что мешает, как считаешь?» — «Думаю, что и лень, и самость, и рассеянность, и погруженность в суету...». Он берет в руки свои четки и говорит: «Вот у кого есть четки, тем надо молиться так: десять раз молитву Иисусову читать, потом *"Богородице Дево"* или *"Отче наш"*. Но не подряд читать и читать, а почитать, остановиться, оглянуться на прошедшую жизнь, подумать о смерти, потом опять помолиться...». Говорю ему, что плохо у меня с молитвой на деле, а хотелось бы, чтобы вся жизнь была освящена молитвой, памятью о Господе. «Это хорошо, это святые отцы называли плачем. Плач души без видимых слез. Но без молитвы ничего не выйдет». Говорю ему, что никак не научусь видя не видеть и слыша

не слышать всего того, что вредит душе. «Это желание так и будет только желанием, если не будет постоянства в молитве. Так и будет тянуться — и видя все, увидишь, и слыша — услышишь... Что еще?». Он не спешит, не торопит. Мне стыдно за свою лень, беспечность, нерадение... Он советует больше читать, завести тетрадку, куда надо записывать свои добрые мысли, слова святых отцов, чтобы вера была осознанной, глубокой. Спросил, читаю ли утренние и вечерние молитвы, соблюдаю ли пост. Говорю, что плохо читаю, особенно вечерами, только глазами бегаю по строчкам. «Читай. Даже если не понимаешь (от усталости) смысла произносимых слов, то бесы понимают. Понуждение себя и будет подвигом. Господь за усердие дает благодать». Задав еще несколько общих вопросов, читает разрешительную молитву. Самое удивительное в тот момент было ощущение касания «того» света, который иногда трогал мою грешную душу. На какое-то время было дано желание молиться. Этому не мешало присутствие людей, необходимость говорить с ними, делать обычные дела. Потом это пройдет, к сожалению. Но в тот миг — было. Было дано так, ни за что, даром. Наверное, как призыв, на который надо ответить исправлением жизни...

И еще одна исповедь у неведомого молодого иеромонаха. Очередь к нему, как, впрочем, и ко всем, большая. Поневоле волнуешься. Страшит молодость исповедующего. Вдруг он очень требователен? Вдруг чрезмерно активен в навязывании своих советов, которые, увы, почти невыполнимы в наших условиях (приходилось и с такими явлениями встречаться)? Настроение далеко не бодрое. Подошла очередь. Говорю о самом больном — о молитве: и рассеянная она у меня, и собраться с мыслями как надо не умею, и болтливость мешает, и нужной ревности — заставить себя — нет. Он будто обрадовался возможности говорить о молитве и стал о ней спрашивать, забыв об очереди за моей

спиной, о времени, обо всем. Спросил о том, читаю ли я во время богослужения Иисусову молитву. Говорю, что да, если не слышно службу. Он советует читать и когда все слышно, хотя бы кратко читать: «*Господи, помилуй*». Говорил и о необходимости читать творения святых отцов. По древним правилам надо было читать их по два часа в день. И как многие: «Что еще?». Говорю о желании оправдать свое нерадение усталостью. На это он сказал, что ревность без разума так же вредна, как и безразличие, что надо беречь здоровье как дар Божий, постоянно проверять себя... Говорил он об этом так охотно, по доброму, что мне было очень стыдно за себя...

Часть II. Праздники в Лавре

Во вторую часть своих записок помещаю в основном записи о праздновании особенных праздников, таких как Пасха и Рождество, и, конечно же, отдельных моментов, чем-то запомнившихся. Основное внимание в этот период, более близкий по времени, уделяется церковному богослужению, видимо, потому, что мечтам о личном общении, о руководстве, таком желанном, пришел конец. Было много переживаний, долгих, многолетних, но, слава Богу, было и утешение. Приходило оно чаще всего через участие в богослужении и Таинствах. Приходило незаслуженно, как чудо, давало силы жить, мириться со всем, что порой казалось очень тяжелым. Теперь, перебирая записи этого периода, благодарю преподобного Авву. Он незримо входил в жизнь, учил всеми доступными моему разумению средствами, вдохновлял, утешал, ободрял без видений и особых откровений, чаще всего **красотой** богослужения. Постепенно находилась литература, помогающая хоть что-то понять; но заметить, пережить, как-то отозваться душой на явление этой красоты без участия в богослужении нельзя. Слава Богу условия жизни позволяли при желании приехать в Лавру. Приезжали довольно часто, во всякое время года, во всякий день и час. Пока под Трапезной церковью была котельная, не было проблем с ночлегом: храм под праздники открыт всю ночь. Достаточно было постелить на теплый пол газетку, положить сумку под голову и вздремнуть хотя бы часок, чтобы литургию утром стоять вполне бодро. Когда котельную перевели в другое место, холод стал выгонять на ночь куда-нибудь под теплую крышу. И хотя не было постоянного и надежного пристанища, все-таки как-то всякий раз устраивались.

Самое долготелее и устойчивое желание при воспоминании о пережитом было и остается: дай Бог по молитвам Преподобного, чтобы никакие горести не затмили образ основателя и благодарности за все прочувствованное, открытое его Лаврой до конца моих дней.

На Рождество

6–7 января

Времени, конечно, в обрез. Надо успеть на электричку, лучше, если хоть сколько-нибудь минуток удалось бы выкроить и выйти на какой-нибудь станции, вздохнуть свободно, взглянуть на красоту земли. Выхожу на 15 минут на станции Радонеж (тогда она называлась «55 км»). Красота — глаз не отвести! Тишина, безлюдье. Ты — и Бог! И никого на всем свете... Хочется Ему сказать о том, о чем в храме не скажешь. Там — смотри и слушай, следи за тем, чтобы мысли не разбегались и не лезла всякая глупость в голову. Здесь — нежнейший румянец заката и красивый снег. Тропа — двоим не разойтись, и елки под тяжелыми шапками снега. И перезвон синиц в вечернем небе. И легкий посвист снегирей. И сиреневый сумрак, опускающийся в снега. И полное довольство всем — красотой, возможностью ее видеть, ожиданием лаврской службы, даже видом пушистых румяных комочков: это снегири у кромки дороги, видимо, крошки искали у железнодорожного полотна. А потом — сияющий храм, знакомое звучание хора, толпа народа, духота и шум. Но все это из-за того, что такой праздник. Здесь уже другой мир. Другой не только по наполнению другим, но и по переживанию в нем Того, Кто не от мира сего, но пришел в мир сей, чтобы нам принести хоть чуть-чуть **того** мира, откуда Он

Сам, куда Он зовет за Собой. Кто сколько способен вместить, зависит, думаю, даже не столько от подготовки (хотя и это важно и нужно), сколько от того, кому как Бог дает. Слава Богу за то, что есть. А ведь есть потрясающая возможность жить во свете Лица Божия. И дана всем без исключения. Никому не отказано. Вряд ли кто решился бы попробовать, если Бог Сам не дал хотя бы малейшего понятия об этом свете... И по контрасту видишь свою немощь и ужасаешься.

Боже мой, просвети мою тьму!

Рождество Христово

7 января 1995 года

В этом году участвовавшие хвори вселили тревогу: удастся ли быть в эту ночь в Лавре? Не просто привычка, а та первая любовь, с которой ничто не сравнится, влечет туда. Потому утром в сочельник иду в Пыжи. У отца Александра¹¹ служба начинается четко в указанное время. Служат все священники и два диакона. Служба хорошая. Народу порядочно и все пребывает. Везде слышно. Читают ребята (алтарники) и отцы — все молодые и старательные. Хор поет неплохо. Словом, все хорошо. Отец Александр говорит в проповеди о связи места рождения Спасителя (Вифлеем — «город хлеба») с Хлебом Жизни, Которым стал Он Сам, чтобы спасти нас всех *«от работы вражия»*. Перед каждым стоял и стоит выбор: чего искать у Бога? Если хлеба, то какого? Того, земного, без которого невозможно земное благополучие, или Того, Кто Сам о Себе сказал: **Я—Хлеб...сшедший с небес**¹². По-человечески первое понятие и ближе, но тот, кто первым удовлетворится и ограничится, делается впоследствии отступником. Так и от Христа отошли многие из тех, кто входил в число учеников, сказав: **Какие странные слова! Кто может слышать их**¹³? Отец Александр призывал глубоко подумать о том, **какой** тайне мы причащаемся, подходя к Чаше,— тайне Боговоплощения. Конечно, думать о таких высотах могут не все. И даже просто мысленно идти за тем, что он говорит, не легко, нужно постоянное напряжение, умение сосредоточиться и отбросить хотя бы в тот момент все постороннее. Хорошо, что он говорит об этом. Слава Богу! Это редкость, когда говорят о том, что может дать пищу уму. И хорошо бы — сердцу. Сердце, если честно признаться, раньше нас улетело в Лавру.

Дома наскоро что-то готовлю перекусить, главным образом — попить, кое-что надо собрать — и скорее на электричку. Прибегаем на последнюю, которая еще должна нас доставить к началу службы. Вечные тревоги: не отменили бы, не застряла бы в пути, не случилось бы чего-нибудь непредвиденного и так далее — даже спать не дают. Проснулись мы часа в четыре, не сразу встали, но в этот день как раз надо бы запастись силами. Надежды посидеть в поезде, отдохнуть немного не оправдались. Электричка битком, потому что до этого несколько отменили. Ну, нам плыть да быть. Пусть хоть эта везет, только бы довезла. Мне показалось, что она дольше двигалась, чем ей положено, но главное — мы снова видим заснеженный сумеречный Сергиев Посад. Скользят ноги, но нет сильных морозов. Как давно не были мы в Лавре! По дороге застал звон. Слава Богу, должны успеть услышать *«С нами Бог!»*. Сколько прожито и пережито, сколько связано с Лаврой! Но не время вспоминать. Быстро темнеет. Мы встречаемся с Томой, карабкаемся вверх, пройдя темным и скользким переходом. Вот и Трапезная церковь. Народу много. Скорее бы снять тяжелое пальто, раскутаться и вслушаться в читаемое. Впереди вспыхнул свет в алтаре, засиял запрестольный образ Воскресения Христова, потом свет пришел к нам. Запел хор: *«С нами Бог!»*. Запел так, как и раньше. И не хотелось бы других мелодий. С этими связано все, пережитое рождественскими ночами прежних лет. Так, видимо, складываются традиции. Словом, слава Богу, все как всегда: темная густая масса богомольцев, мощный хор, сияющий алтарь впереди. Все на месте, все еще живо и действует. Пропели, погасили свет, и мы снова слышим псаломские слова, зная, что скоро

---

¹² Ин. 6, 51.— *Ред.*

¹³ Ср.: Ин. 6, 60.— *Ред.*

тихое чтение взорвется пением тропаря, когда десятки сильных юношеских голосов утверждают на нашей земле славу рождшемуся в мир Спасителю мира. Еще почитает чтец — и желанное «*Дева днесь...*» огласит всю Вселенную. Пусть пока это коснется здесь присутствующих, но потом во всех наших отечественных тысячах приходов будут греметь хоры, воспевая *Отроча младо, Превечнаго Бога*^{LIII}.

Всенощное бдение, праздничное, рождественское — это по сути та праздничная поэма и симфония (хоть и без симфонического оркестра и стихов), которая включает веками отшлифованные формы поэтических образов и величественные мелодии, питающие наше восприятие Красоты мира, открывшейся в живом человеческом Лице, вошедшем в жизнь всех веков и народов. Им наша жизнь может быть очищена и возвышена, освобождена от рабства суете, страстям и тлению. Конечно, это требует подготовки, серьезной и постоянной. Требуется работы над собой в условиях мира, в основном чуждого жажды этой красоты. В мире продолжается битва добра и зла. И поле ее — сердце человека, как сказал Ф. М. Достоевский. И вот это поле, заросшее сорняком, замусоренное свалкой житейских огорчений, опасений, всяких неприятных впечатлений, мы приносим Богу. Господи, помилуй и прости! Мы идем на эту службу с надеждой, что коснется Господь каких-то струнок души и она хоть как-то отзовется.

На полиелей выходят служащие длинной вереницей, более длинной, чем выходили на литию. Белые, отливающие серебром облачения усиливают ощущение света, напоминают о радости, юности, когда все воспринималось более непосредственно... Хотя годы могут и углубить это восприятие. Слава Богу, что есть у нас Церковь!

Вспоминаю всех, кого знаю, кого от души жалею, кому хотелось бы быть в храме, но не позволяет здоровье или что-то еще. Народ начинает шевелиться, расходясь к аналоям с праздничными иконами. Мы идем вперед. Хочется посмотреть, куда же перенесли раку с мощами святителя Филарета. Когда стало немного свободнее, а впереди подошли все, кому братский вход не воспрещен, нас пустили и туда. Оказалось, что рака так и стоит, где была поставлена. Дежурный ограждает ее от нас, но не очень усердно, отвлекаясь, поворачиваясь и даже выходя иногда. Это позволяет некоторым желающим приложиться к Святителю, потом уже подойти к иконе Рождества и помазанию. Отец Сергей жирно изобразил крест на лбу, так что хватило и на подсыхающие ранки на руках. Впереди — свой мир: там больше света и звуков. Там черные спины не загораживают образ, перед которым стоишь, и служащих. Но теперь я знаю — это не решающее. Дай Бог, чтобы в душе был мир, и тогда — есть помехи вроде высоченной и широкой мужской спины перед твоим носом или нет их — особенно не меняет главного. Если же Бог дарит хоть искорку радости, то и вовсе не заметны будут никакие препятствия к слушанию и восприятию службы.

Благочинный объявил порядок служб. Оказалось, что в этом году ночью будут служить в Троицком соборе. Вообще, это хорошо. Надо бы туда зайти хотя бы ненадолго. Пропели мой любимый светилен^{LIV}. Кончилась всенощная, и сразу же вышел иеромонах говорить проповедь. Тихим голосом прочитал он по книжечке известный текст общего исповедования и ушел, не сказав людям ни единого слова от себя, хотя бы с праздником поздравил! Народ растекался, образуя толпы, где большие, где поменьше, у аналоев с крестом и Евангелием. Мы поискали отца Н.^{LV}, нашли. От Л. узнали, что в Академии служба начнется в 23.30. Повторения там не будет, сразу литургия. Поисповедовавшись, пошли в Академический храм. Там обычно свободнее. Вечер удивительный. Небо над лаврскими храмами темно-розовое. Деревья в инее. Во дворе у ребят елка, украшенная горящими лампочками, которые бросают на снег разноцветные блики. Внизу молоденький иеромонах проводит исповедь. Мы поднялись в храм и с удовольствием растянулись на ковре, приготовленном для учащихся. Времени для отдыха мало, но так хорошо вытянуть ноги хоть на полчаса! На клиросе ребята читают молитвы ко Причащению. Читают двое, чередуясь. Это помогает вслушиваться в знакомые слова, не дает монотонности приглушать их смысл. Быстро пролетело это время, стали собираться

ребята — хор. Стали шевелиться во всех углах богомольцы. Надо вставать. Л. привезла знакомую, которая всему удивляется шумно и многословно. Сейчас это очень некстати, и я потихоньку двигаюсь от нее подальше. Звонкие бубенчики — «колокола» над пролетом лестницы — возвестили о начале службы. Сережа (из Киева) вышел читать часы. Когда он окончил 9-й час, отцы стали выходить встречать Владыку ректора^{LVI}. Ушел и левый хор. Вскоре пение тропаря праздника возвестило о приближении Владыки и начале литургии. Пели три хора. Основную нагрузку нес, конечно, главный, «верхний», хор (стоящий на хорах). Пели они громко, иногда казалось, что даже чересчур, но уж не задремлешь — во-первых, а во-вторых — это все-таки к месту и ко времени: вся служба — приветствие, гимн, хвала земной Церкви, возносимая на земле рожденному Творцу. Бывало, что сбивались с ритма, не всегда четко и точно вступали отдельные партии, но это уж так... в общем-то хорошо. И больше того — стоишь и чувствуешь, как необходимы и эти слова, и эти мелодии. Хочется впитать их, чтобы в них черпать противоядие тому пакостнику, который знает, как допечь. Он не устает и не ленится. Мы стоим, слушаем... хочется еще и еще слушать (не потому ли, что временной разрыв рассеивает, расхолаживает, все-таки принято было повторять всенощное бдение, которое сразу с литургией в эту ночь составляет то **единое** целое, которое обычно мы в такой мере не ощущаем?). Правда, стоять трудновато, но если хотя бы немного полежать на полу — можно и физически одолеть, не испытывая дремоты.

Когда пропели «*Отче наш*» и благословили всех, мы присели, зная, что будут читать рождественское послание Патриарха. Было уже 3 часа ночи. Пошли мы в Троицкий собор. Народу немного. Кое-кто сидит сзади, но основная часть стоит, заполнив весь четверик. Нигде никаких загоронок! Служит отец наместник^{LVII}. Хор поет совсем не так, как мы привыкли. Такое ощущение, что поют всего несколько человек, поют, «как встарь». Знаменный распев здесь звучит хорошо. Здесь не унисонное тягучее пение, когда теряешь смысл слова из-за бесчисленно повторяющихся слогов. Совершенно неожиданное двух- и трехголосье в хорошем исполнении, да еще в древнем соборе с древними иконами, создавало впечатление удивительное, хотя и очень непривычное. Хотелось бы им заменить только что слышанное? Пожалуй, нет. Дополнить — да. Пусть будет и то и другое. Пропели и здесь «*Отче наш*». Мы собирались заглянуть и в Трапезную церковь, но кто-то не захотел. Решили двинуться в путь. Шли не спеша. Городок спит. На кустарниках и деревьях иней, поблескивающий в свете фонарей драгоценностями. Хочется молчать. Пришли рано. Посидели на вокзале, послушали несущуюся из сумки запись службы. В первой электричке было прохладно, но включили отопление, и мы почти заснули и даже бы неплохо отдохнули, если бы ватага непутевых горлопанов не надрывалась на весь вагон... да еще матом. Это — наш мир, в котором существование службы в рождественскую ночь, самой обители и вообще Церкви — такое чудо, которое мы по привычке не замечаем. Конечно, когда оно есть. Если же лишаешься его по какой-то причине — еще как заметишь! Соседство же таких сразу сведет с «небес» на землю. Боже мой! До чего же страшно и темно, жутко жить, а детям расти в таком окружении!..

Добрались до столицы и с удовольствием покинули вагон, чтобы скорее забыть таких попутчиков. Слава Богу, что не надо спешить на работу, как бывало прежде. Слава Богу, что можно будет лечь и спокойно заснуть... Хочется еще и еще слушать, вспоминать рождественские мелодии, думать о празднике, но не так это просто. Существует активный и злобный противник Божий, который всегда, не исключая и праздники (иногда же именно в праздники особенно злобясь), готовит свою сеть...

Вечером в Даниловом монастыре слушаю праздничные песнопения в хорошем исполнении. Небо чистое, темное. Видны звезды, что в Москве редкость, и полный серп луны. Кончается первый день Рождества Христова.

Богоявленский сочельник

18–19 января

Жаль, что нет под руками Минеи праздничной, или нет времени вникать в слова богослужебных текстов до службы, или нет того и другого вместе. Верно заметил отец Иоанн Кронштадтский^{LVIII}, что чтение Минеи укрепляет веру. Интересно: тем, затронутых в Минее, больше, чем в проповедях, даже больше, чем в богослужении (не всё ведь читают). Совсем другое впечатление от службы, если заранее можно прочитать паремии, стихиры, каноны. И вот, слава Богу, есть возможность пробежать глазами Службу. Внимание задерживают слова: «*Се Просвещение верных, се Очищение наше внити хоцет во струи речныя, яко да скверну отмыет злобы человеческия и обновит сокрушенныя ны*»^{LLX}. Церковь от нашего лица не стесняясь говорит о том, о чем мы говорить не решаемся, да и думать не очень спешим: злоба нас оскверняет. Кто не подвержен ее тлетворному действию изнутри, тот, как правило, терпит от тех, чья злоба не довольствуется собственным сосудом, но рвется расплескаться вокруг. Очень тонкие замечания можно найти в богослужебных текстах. У нас впервые в жизни появилась такая возможность — держать в руках толстые книги (Минеи богослужебные).

Служба сочельника неотделима от праздника, и потому очень жаль всех, кто лишен возможности заметить это единство, быть в храме в сочельник. Хорошая служба в сочельник — часы, паремии. Через все услышанное проходит идея очищения мира через погружение Господа в воду, все собой проникающую, несущую всему освящение и исцеление. В этом снисхождении к людям и стремлении освободить мир, зараженный злобой, обезвредить, оживить силой Духа Святаго все на свете — человека и природу — можно видеть и удивительное уважение к человеку, желание поднять образ Свой до **подобия** Себе в любви к миру, людям, всему творению. К сожалению, об этом не говорят в проповеди, а стоило бы. Не случайно в тропарях после трех первых паремий¹⁴ звучит: «*Человеколюбче, слава Тебе*», а еще раньше: «*Да просветиши во тме седяция*». Во тьме... Это о язычниках времен Иоанна Крестителя? Или об иудеях, ждущих Мессию? Или и о нас, что-то знающих умом и часто сердцем далеко отстоящих... Наверное, обо всех, о каждом... тогда и теперь. Читают дальше о перенесении Ковчега, о взятии Илии, об очищении Неемана от проказы¹⁵. Опять тропарь о грешниках, которым «*явился еси, Спасе наш...*». И почти те же слова про сидящих во тьме, не осененных светом. И снова антифонно звучит слава Богу. После этого грозные и ясные слова пророка Исаии¹⁶ — «евангелиста до Христа», как его называют. От имени Господа он говорит о необходимости омыться от лукавства души. Сколько веков с тех пор пробежало, а лукавство до сих пор сдерживает многих, мешает простосердечно и открыто относиться друг к другу. Чаще всего лукавством враг всякого добра разбивает добрые отношения, разъединяет людей. Потому, наверное, Пророк говорит: хотите себе добра—оставьте лукавство, научитесь делать другим добро. Тогда и грехи не помеха: Бог учешет душу, как свежеевымытую шерсть. Не хотите — **меч вас пояст**. До сего дня неразрешима эта задача: поверить Богу, оставить подозрительность, боязнь оказаться осмеянным во мнении других, прослыть недалеким, непрактичным, просто глупым, если идти другим навстречу с добрым сердцем. Опять в паремиях об Иакове, о дочери фараона, нашедшей в воде Моисея, о Гедеоне и молитве пророка Илии¹⁷ и, наконец, последняя паремия¹⁸ с такими трогательными, утешительными уверениями: забудет ли мать свое дитя, но если и она забудет — **Я не забуду тебя**. И — литургия. Быстро она пролетает, и уже освобождают дорогу духовенству для Великого водоосвящения. Хор поет, призывая принять «*Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божия*». Легко сказать — примите... когда все это будет для других, а в себе не находишь ни премудрости, ни разума, ни страха Божия...

¹⁴ Быт. 1; Исх. 14; Исх. 15.— *Ред.*

¹⁵ Нав. 3; 4 Цар. 2; 4 Цар. 5.— *Ред.*

¹⁶ Ис. 1.— *Ред.*

¹⁷ Быт. 32; Исх. 2; Суд. 6; 3 Цар. 18; 4 Цар. 2.— *Ред.*

¹⁸ Ис. 49.— *Ред.*

Пророчества Исаии¹⁹ обращены к нам, расслабленным: *Укрепитея руки ослабленные и колена разслабленные утешитеся, и рцыте малодушным мыслию: укрепитеся и не бойтеся, се Бог наш суд воздает: Той приидет и спасет нас.* Как бы научиться жить с надеждой, что найдется место среди *собранных от Господа*? Как надеяться на *веселие вечных*, когда живешь в бесконечной суете?.. В следующем отрывке из пророчеств того же Исаии слышим: *Взыщите Бога... и обратитесь ко Господу Богу вашему и помиловани будете, яко помногу оставит грехи ваша.* В Великой ектении звучит общее моление Церкви о том, чтобы разорился всякий лукавый совет, на нас движимый. Церковь знает связь между нашим внутренним состоянием и действием на него врага, потому и молится, чтобы Господь изъял нас *«от всякаго навета и искушения сопротивника»* и достойными соделал обещанных благ. Мы связь эту чувствуем, но не всегда так четко, чтобы молиться об укреплении. Да, враг способствует затемнению сознания, чтобы каждый из нас считал себя способным и сильным, тогда как силен он лишь с помощью Божией, а без нее быстро оказывается подавленным и мрачным. Молитва предстоятеля кончается освящением воды и... неизменным шумом в толпе. Конечно, всегда пробуют урезонить всех, но, наверное, делать это надо не в последний момент перед раздачей воды после освящения, а почаще и побольше говорить с людьми простыми, доступными пониманию словами. К сожалению, почти не слышно, чтобы с амвона учили стоящих в храме молчать. Просто молчать, чтобы не мешать другим. Тогда, конечно, надо начинать с алтаря и учить молчать работающих в храме в первую очередь...

Но пора вернуться к службе, уже вечерней, то есть к всенощному бдению. Время летит быстро. Вот-вот запоют: *«С нами Бог!»*. Все знакомое — слова, мелодия... как и чувство сожаления, что они все-таки не во всей полноте входят в душу (жизнь подтверждает это). Не скажу, чтобы оно разъедало горечью, просто хотелось бы, чтобы **упование** было живее, действеннее (*«и уповая буду на Него и спасуся Им»*), чтобы **Советник** (*«чуден Советник»*) живо и непосредственно, впрочем как найдет нужным, Сам руководил, оберегая душу от страха, смущения, неведения, раз *«с нами Бог»* — *«крепок, Властитель, Начальник мира»*. Великое повечерие идет своим чередом. Хочется, чтобы *«свет Твой, Господи»*, знаменовал нас (то есть был нашим отличительным знаком, своего рода знаменем). *«Свет неприступный»*. Какие емкие определения! И как он нужен в жизни, ведь *«от юности моя мнози борют мя страсти»!* Если слушать, только слушать, что поют и читают, то легко заметить, что переплетаются постоянно две темы: **Свет**, просвещающий *«сущая во тьме»*, Свет Святой Троицы, и **очищение**, освобождение от скверны греховной.

В довершение — ночная служба с первой ранней литургией. В Лавре ее еще совершают в ночь Богоявления, в других местах, даже рядом, в Академическом храме, — нет. Когда-то, даже я помню, и на приходах ночью служили, но это отходит почему-то быстрее, чем можно желать, как и традиция ночью совершать Чин погребения Спасителя. Да, ночью труднее, особенно если после бессонной ночи ехать из Посада в Москву на работу, но... слава Богу, ничего... живы остались, и даже без всякого сожаления. Даже наоборот. Просто вспомнилось, как, подремав в электричке, на некоторое время удавалось несколько раз заехать в московский лес, начинавшийся прямо у открытой платформы метро «Измайловская». Походишь утром по морозцу — и не заснешь, и красотой питаешься, и тишине нарадуешься, и песнопения церковные еще в памяти прозвучат... А потом доспишь — какая беда? Зато столько светлых впечатлений! Нет, хорошо, слава Богу, что была такая возможность... Особенно в молодости жалеть себя не стоит, пока есть силы... И опасения: ох, устану, переутомлюсь... — пустые. Куда значительнее то, что человек может **получить**, даже просто внимательно слушая службу, чем то, чего боится на время **лишиться** (привычного отдыха, сытого желудка). Слава Богу за все!

---

¹⁹ Ис. 35; Ис. 55; Ис. 12.— *Ред.*

На Крещение

18–19 января 1994 года

Мне очень хотелось попасть на праздник Крещения Господня в Лавру. Там служат ночью, как и на Рождество. Народу на ночную службу обычно остается меньше, а она так хороша, что и слов не подберешь. Но прежде чем ехать в Лавру, надо быть на службе крещенского сочельника. Она долгая, светлая и, как ни странно, здесь удивительно спокойная. Здесь — это в храме святителя Николая в Пыжах. Второй раз я в нем в такой день. За всю жизнь встретила первый храм, где не шумят, не толкаются из-за святой воды. Служба в центре внимания, а святой воды дадут каждому сколько надо, но тихо, без суеты, спешки, шума. Говорят, по детям можно судить о родителях, по пасомым — о пастыре. Приход, где люди могут вести себя благочестиво и не унижать службы толкучкой и базаром — это награда пастырю. В данном случае радостно за отца Александра. Многие настоятели этим не похвалятся. Хорошо организовано, ничего не скажешь.

После этой службы собираюсь в Лавру. Как всегда, приходится спешить. Сажусь в вагон едва ли не на единственное свободное сиденье. Окно запотело. Смутно видно, как тонут в снегу кустарники и придорожные посадки. Лес как в сказке. Синеют сумерки. Это последняя электричка, которая должна доставить вовремя. В Посаде удивляюсь обилию снега. Под ним ледяная корка. Ноги расползаются, идти трудно. Сползаю первым переулком, замечая попутно, какими пышными слоистыми сугробами завалены крыши маленьких домиков. Зажигались огни в окнах, когда над тихими домишками «охранной зоны» Сергиева Посада поплыл лаврский звон.

При входе на территорию Лавры замечаю огромную толпу, спустившуюся к маленькому кладбищу против Духовской церкви. Эти — за водой! Служба вроде бы и не обязательна. Стоять будут часами! В притворе Троицкого храма не протиснуться... Кое-как преодолеваю давление шумной массы и пробираюсь к дверям храма. Здесь свободнее, даже просторно. Жмутся к решетке. Из притвора шум растекается, мешая читать и слушать. «С нами Бог!» — грянул хор, и вспыхнувший в этот момент свет прогнал шум. Пропели тропарь, прочитали шестопсалмие, и на полиелей вышел отец наместник со многими сослужащими архимандритами, игуменами и иеромонахами. Служба хорошая, только почему-то не стали петь светилен^{LX}, а он мне так нравится.

Что нравится в службе? Удивительное по глубине выражение невыразимого! Казалось бы, задача невыполнимая — помочь средствами духовной поэзии ощутить **откровение** Святой Троицы в момент **крещения** Господня! И потому так замечательна и неотделима служба навечерия Богоявления с многочисленными паремиями. Кончилось всенощное бдение, и сразу началась общая исповедь. Проводил ее отец Андрей. Сказал коротко, но определенно, четко. К этому времени народу стало побольше, в притворе — потише. Дверь даже закрывали, чтобы не мешал шум. Вышли отцы, народ разбился на группки. Кое-где виднелись свободные островки пола, и мы приютились на одном из них. Перед ночной службой хотя бы полежать, дать ногам отдохнуть. Лежу и слушаю чтение. Любители (преимущественно женщины) читают три канона, два акафиста, правило ко Причащению. Поют очень по-деревенски, с подголосками и визгливо. Лучше пусть читают. Рядом устроился и быстро заснул какой-то мужчина, насквозь прокуренный и, видимо, уважающий бутылочку. От резкого запаха пивной мы отодвигаемся, сколько можем. Перед началом службы выходим на воздух. Обещали солидное похолодание, но его не заметно. Скользко на ступенях, на всей территории. Темное небо и куда более светлая земля. Фонари освещают снег, и робкий отсвет поднимается ввысь. Кажется, что сияет земля тем светом, что осветил когда-то Вселенную, воды до самых глубин. Это же сияние и в одеждах священнослужителей, и даже в голосах поющих. Ночью поет смешанный хор, но это не мешает (хотя здесь обычно я предпочитаю ребячий, мужской). Литургия оканчивается очень быстро. В пятом часу уже вышли с крестом. Мы идем на первую электричку. Темно, тихо, странно, что народ спит. Платформа чернеет, подходят

люди. Мы удачно садимся в теплый вагон и вскоре засыпаем. Стекла замерзли, ничего не видно, не жалко и подремать. В Москве ждут дела. Город работает, надо попасть в собес. Слава Богу, нет обычных изматывающих очередей. Иду знакомой московской окраиной и радуюсь чистейшему пушистому снегу, как бы светящемуся изнутри. Небо серо-синее, темное. Неожиданно разрыв — и яркая светлая лазурь обнажила «*глубины дно*»...

В этот же день нам предложили пойти на открытие выставки. Мы поспешили в Новодевичий монастырь, где в четвертом строении были выставлены работы палешан, взявшихся иллюстрировать Евангелие. Все собравшиеся говорили о большой работе (четыре года работали палешане), о ее значимости. Смотрю — наша интеллигенция в сборе, а слушая, нельзя не обратить внимания на то, что самого главного не поняли ни палешане, ни их хвалители... Как сочетать серьезность, простоту и глубину Евангелия с манерностью и легкомысленностью игривых фигурок палешан? Ни наш эпос, ни сказки, ни Пушкин в работах палешан не могут восприниматься в полной мере, а уж братья им за Евангелие — просто грех. Странно, почему им никто не объяснил, не подсказал? Или не видят, не понимают сами и те, кто хвалит? Или просто никто серьезно не относится к Евангелию? Выставка и хвалебные гимны палешанам оставили очень грустное впечатление. Мы вышли. Золотой закат на совершенно чистом, глубоком небе, силуэт огромного собора, лиловый снег, тишина — все как бы подчеркивало настоящее живое понимание отличия смысла красоты от ее подделки. Как красота природы действует сначала на человека и только потом как-то выражается его творчеством, так и глубина восприятия Евангелия неотделима от личного переживания ее художником. Значит, наше общество глухо... Не зря старались в страшные годы «пленения» убить в человеке душу, сделать его глухим, слепым и тупым...

Шумная столица забрасывала своими впечатлениями, но над ними, как ясная и далекая звездочка, что сияла на таком голубом темнеющем небе, плыла память о ночной службе, о сиянии снега в Посаде, о колокольном лаврском звоне, о **празднике** Богоявления...

Можно все забыть, ничего не заметить, привыкнуть ни на что не реагировать, только не дай Бог до такого дойти! «*Глубины открыл есть дно...*»^{LXI} Дай, Господи, не утонуть в мелочности будней и пустоте жизни, где нет Твоей глубины!

Праздник трех святителей

12 февраля

Конечно, речь о вселенских святителях Василии Великом, Григории Богослове и Иоанне Златоусте. Была возможность попасть на этот праздник в Покровский храм МДА, чем грех не воспользоваться. Кроме обычного для всех христиан уважения ко вселенским учителям, служба интересна еще и тем, что многое в ней в этот день звучит на греческом: ектении, псалмы, молитвы. Смесь языков богослужения расширяет мир, приближая неведомую и в свое время великую Византию. Хорошо, конечно, в таком случае иметь молитвенник с текстами литургии. С его помощью легче не путать ектении и следить за службой. Проповедь — классическая по умению говорить: говорить и ничего не сказать. Почему всегда грустно слушать общие слова? Даже, если честно, обидно. Выходит, что ни скажи — сойдет. Никто нигде никому не выразит недовольство. Говорят: не критикуй, не требуй, не суди... Да «не суди» — это еще не значит — «не рассуждай»... Но лучше сейчас подумать о том, что есть, слава Богу, что почитать. И подумать, с помощью прочитанного, о том, что святители, почитаемые всем православным миром, жили далеко от нас и очень давно — в IV веке. О них скорее всего говорят изучающим историю Церкви, историю различных заблуждений, например арианства. Это чаще всего не всем доступно. Но главное — все мы встречаемся с действительно великими святителями почти ежедневно, если, конечно, молимся молитвами Церкви. Встречаемся, не задумываясь, а потому не зная и не ценя такой встречи. Когда и где? Дома — раскрывая молитвенник, а в храме — присутствуя на литургии. Это же они постарались четко выразить духовный опыт

предшествующих веков в словах, дошедших до нас. Это они — например, святитель Иоанн Златоуст — позаботились о том, чтобы помочь нам учиться молитве, зная, о чем и как просить Бога. Очень стоит раскрыть молитвенник там, где напечатаны двадцать четыре краткие молитвы святителя Иоанна Златоуста (в вечерних молитвах), и перечитать их не наспех и не все сразу, а по одной. Они составлены им для того, чтобы каждый час мы вспоминали одну из них. Теперь опытные в духовной жизни священники советуют выбрать из двадцати четырех те, которые более других соответствуют нашему состоянию, и повторять их почаще (например: *«Господи, избави мя всякаго неведения и забвения, и малодушия, и окамене-неннаго нечувствия»*). Если бы этот совет стал для нас правилом, то мы бы многое в себе увидели: и то, что не хочется этим заниматься, и то, что лень себя понуждать, и то, что кажется скучным жить трезво, и то, что хочется найти для себя тысячи причин — только бы не заниматься этим.

Из святителя Григория Богослова стоит вспомнить одну фразу: «Да будет моим сокровищем Христос, прочим же пусть владеет мир» — и ее хватит для обдумывания и руководства на много не дней, а лет!

А молитвы святителя Василия Великого! Хотя бы взять самые доступные из числа положенных ко Причащению, продумать их, принять как утешение, дошедшее к нам из дальних веков. Утешение уже потому, что был Святитель, истинно великий, который мог сказать Богу вместе со всеми нами, например, так: *«не обличи мя грешнаго, но сотвори со мною по милости Твоей»*. Все это открыто всем, доступно, только пролетает мимо нашего внимания. Потому (чтобы вернуть это внимание) и память им Церковь установила и каждому порознь, и всем вместе. (Когда-то в это время приезжал митрополит Антоний Сурожский и мы давились в Хамовниках...) Да, знать о таких святителях побольше очень бы неплохо. И учиться думать, пользуясь теми знаниями, какие всем открыты. И язык древней Византии знать бы неплохо, хотя это уже не так легко... Слава Богу, что хотя иногда, в такие праздники, можно прикоснуться к стихии древнего Вселенского православия, вспоминая и обстановку тех, очень нелегких, лет, и самих святителей, и их переживания, и их дружбу, и их отношение к общечеловеческим ценностям, к культуре классической Греции, тогда еще языческой... Многому надо учиться у них, поэтому Церковь и присвоила им определение: *«вселенныя учителя»*. Как емко и точно! И на все века. Слава Богу, что нам дана была такая возможность и что она тоже под сенью Лавры, в «большой келии преподобного Сергия», как называют Духовную Академию.

Вечер Прощеного воскресенья

Кто-то нам сказал, что очень хорошо проходит Чин прощения у студентов Академии. Пошли в Покровский храм. Все как везде читается и поется. Служба недолгая. Дошло и до прощения. После предварительного «слова» все стали просить друг у друга прощение. Не один общий поклон всем, как везде, а каждый кланяется каждому. Отцы на солее начинают. Естественно, все они там не помещаются, цепочка растягивается на клирос, потом в храм, образовав петлю на площадке перед входом. Не хватит и периметра храма — ребят-то сколько. Вероятно, очередь будет змеиться в храме, сползет на лестницу, там еще заполнит собой пространство у входа... То, что они здесь, что их много, вживляет в душу ощущение **соборности**, жизни в Церкви и ее вселенского масштаба. Мы не ждем, пока все попрощаются, пробираемся через цепь, спускаемся вниз.

За колокольной яркой пологий месяц и звезды. Легкий снег, срывающийся с неба, не успел еще набросить на это ночное свечение прозрачной пелены. Он сияет отдельными снежинками в свете фонарей. Как всегда, надо спешить на электричку. Думы самые прозаические: все ли скоромное съедено, нельзя же выбрасывать или доводить до того, чтобы пропало. Пасха еще так нескоро, что о ней в этом смысле и думать нечего. А Великий пост? Как прошли подготовительные недели? Как все продумано у святых отцов?! Для внутренней подготовки — четыре недели (вместе с Неделями о Закхее), а для внешней — постепенное уменьшение «всех благ» и завершающая сырная седмица, редко

кого ограничивающая в количестве и разнообразии яств. Как ни говорят, что пища — не главное, но именно постом чувствуется, как тесно мы связаны с землей, как зависим от нее, как мало можем сами... и как необходимо сочетание поста внешнего и молитвы. Все это давно проверено и оценено людьми верующими и опытными. Нам бы только дал Бог сил и на пост, и на молитву.

Великим постом

Сколько раз думалось: постоять бы Великим постом в Лавре! И вот дал Бог такую возможность. Стоим, слушаем. В потоке знакомых, но неуловимых из-за обилия псаломских сравнений, обращений к своей душе и к Богу выделяем, естественно, молитву преподобного Ефрема Сирина. Хорошо, что Церковь ее как бы воздвигла на высоту. Хочешь — не хочешь, а не заметишь ее невозможно. И не поклониться, когда весь храм вместе со служащим священником кланяется, тоже невозможно. Можно, правда, делать это механически, как гимнастику. Но Церковь от этого отгородилась **повторением** ее, заставляя вдумываться в слова, проникаться их духом. Оказывается, со временем эти слова могут стать **своей** молитвой о даровании прощения за то, что допустили над душой власть духа праздности, уныния, любоначалаия и празднословия. Прощенная душа требует помощи Бо-жией, чтобы преодолеть засилье старых греховных привычек и немощи души своей и стяжать противоположное: дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. Сочетание это — видеть, знать свои грехи и не осуждать других — стоит всех поклонов! И то, что они кладутся в дорогих стенах, среди тех, кто пришел и приехал сюда только с жаждой помолиться от души, делает это время особенным, достойным такой благодарности, на которую не хватает слов. Да что слова! Жизнью надо отзываться, но у меня с этим плохо... Всю жизнь плохо... Совсем можно было бы загрустить, но вспоминаются недавно прочитанные у митрополита Антония Сурожского слова о величии образа Божия в человеке. Им почтен каждый, и нет исключения ни для кого. Это сознание должно поднимать человека из тины расслабления и привычного недоверия к своим возможностям, поднимать из чувства благодарности Творцу и ответственности перед Ним...

Знакомые псалмы, стихиры, тропари вместе со звучанием братского хора создают ощущение полной изолированности от мира, оставшегося за стенами обители. Кажется, как не раз было прежде, что ничего другого на свете не надо, кроме, конечно, одного — дара молитвы! Хочется в такое время вспомнить всех, ближних и дальних, кто душой стремится в храм, но обстоятельствами прикован к рабочему месту, или к одру болезни, или связан чем-то другим... Хочется, чтобы им было от этого воспоминания хоть чуточку легче. Как хорошо, когда в храме слышно все, что читают. Четко, ясно, спокойно читают, не как иногда бубнят что-то бессмысленное, сливающееся в одно нудное та-та-та-та... от которого скорее хочется уйти, отделаться, забыть. Какое все-таки это богатство — Церковь. Чуть мысленно отвлечешься — выходит служащий священник, и все кланяются с молитвой. Наконец вышел один из братии петь *«Да исправится молитва моя...»*^{LXII}. Как хочется, чтобы молитва исправилась, вернее — душа в молитве исправилась. Вся эта песнь, весь ее пафос — о жажде изменения к лучшему в молитве, **о надежде**: это возможно. Когда поют о жертве вечерней, мне кажется, что это о тех, кто только к вечеру своих дней, на закате жизни может так горячо желать, чтобы его молитва уподобилась кадилу в храме, фимиам которого возносится к Богу. В мелодии и грусть (оттого что в жизни все далеко не так), и светлый порыв ввысь (ведь жизнь в Боге бесконечна!). Такая хорошая служба и так быстро кончается (хотя, пока она шла, пробежали часы)! А когда пели: *«се бо входит Царь Славы»*, мурашки забегали от ширящейся, нарастающей мелодии... Еще немного, совсем чуть-чуть, и призыв: *«Вкусите и видите...»*. Собственно, видеть вроде бы и нечего, но здесь имеется в виду то, что можно охватить лишь внутренним зрением: *«яко благ Господь»*.

Всегда жаль, что это неоценимое богатство, которое предлагает Церковь,— великопостные богослужения— так мало известно и мало кому доступно. При всем своем желании ни учащиеся, ни работающие не попадут на литургию Преждеосвященных Даров. Не раз получалось, что за весь Великий пост не удавалось ни разу услышать великопостные песнопения Преждеосвященной литургии, если только не попадало 8 марта на среду или пятницу или если не давали больничный, когда хорошо простудишься. Чтобы все-таки не остаться совсем без таких служб, иметь о них хоть какое-то понятие, некоторые, знаю, просили отпуск на Страстную и Пасхальную седмицы. И это то ли дадут, то ли нет — как еще начальство посмотрит. И прочитать о посте не общие слова, а именно о великопостной службе почти негде (позже появилась книга отца Александра Шмемана «Великий пост»^{LXIII}, хоть как-то восполняющая этот недостаток). Поэтому действительно светлое, весеннее чувство и восприятие Великого поста — удел очень немногих счастливых. Не случайно для этого нужно время: время стояния в храме (а это часы!), время для поклонов, время для вслушивания в чтение псалмов, время для многократного повторения: «Господи, помилуй!». Наши ритмы, наша вечная спешка совсем не совпадает с ритмом церковной жизни. Только в отпуске, решившись отказаться от всех своих житейских забот на это время (если еще позволят обстоятельства), можно постепенно остыть от того напряжения, в которое погружены все работающие. Стоять, вслушиваться, никуда не рваться и не спешить — это и благо (если есть возможность), и труд. Обязательный внутренний труд самопринуждения, собранности, трезвения. А за благо, за возможность эту, надо благодарить от всей души.

*Ночь прошла, а день приблизился*²⁰. Во всех отношениях.

Чин Торжества Православия

Впервые о его существовании узнать пришлось совершенно случайно: в Трапезной церкви было очень много народа, тьма-тьмущая причастников, и мы решили пойти в Покровский храм МДА. Там еще до начала литургии совершал Чин Торжества Православия владыка Владимир^{LXIV}, ректор МДА. Мы застали конец, но заинтересовались существованием неведомого пока Чина. Узнали, как он называется, когда совершается, и на будущее время всегда спешили в этот храм на такой редкостный Чин. После владыки Владимира его стали совершать не до, а после литургии. Странно, но тогда и много позже сведения о нем как-то растворяются, смазываются... Почему? Казалось бы, Чин-то **Торжества** Православия. Когда мы стали особенно внимательно к нему прислушиваться, то в сознании четко определились, пожалуй, две стороны этого торжества: торжество иконопочитания и торжество в память всех, во благо веры православной и Церкви потрудившихся. Всё вместе, «нераздельно и неслиянно» составило этот Чин. В Покровском храме он звучал неподражаемо выразительно. Кто бы ни стоял на кафедре или у высоких аналоев, обращенных к нам, «торжество» захватывало дух. Обычно, конечно, говорили «слово», которое почему-то не производило впечатления. Пришлось искать все, что можно о Чине, чтобы знать побольше, чтобы понять смысл его установления и закрепления именно в первое воскресенье Великого поста. На помощь пришли книги, рассказавшие о восстановлении иконопочитания на VII Вселенском Соборе в 842 году. Это событие произошло в первую Неделю святой Четыредесятницы^{LXV}. И до сих пор в память этого из алтаря храма выносят иконы Спасителя и Богоматери, кладут на аналой, и после обычного начала чтец читает 74-й псалом: *Исповемся Тебе, Боже*. Диакон произносит Великую ектению, в которой мы слышим возносящуюся от лица всей Церкви мольбу ко Господу, чтобы Он призрел на Святую Свою Церковь, сохранил ее «невредиму и непребориму от ересей и суеверий», присоединил к ней отпавших от нее, а верных укрепил. «Бог Господь...» предваряет чтение Апостола²¹, в котором апостол Павел убеждает христиан блюстись от творящих

²⁰ Рим. 13, 12.— *Ред.*

²¹ Рим. 16, 17–24.

распри и раздоры. В Евангелии²² утверждается власть Церкви **решить и вязать** здесь, а главное — там... Церковь! Ее **торжество** — это Господь, это Богородица, это святые. Ее забота—это мы, ее боль — это отпавшие, потерявшие верные ориентиры. И потому в следующей, сугубой, ектении мы просим Господа обратить заблуждающихся, прекратить всякую ненависть, вражду, всякое беззаконие, утвердить в сердцах любовь. Так хорошо звучит мольба об укреплении нашей веры, а пастырям испрашивается ревность, неверным — обращение, всей нашей жизни — *«растворение духом евангельским»*. Самый голосистый из диаконов провозглашает: *«Кто Бог велий...»*. Обычно здесь два диакона поднимаются на ступеньку у двух высоких аналоев и попеременно читают *«Верую»* и по окончании во всю мощь голоса и легких речитативом: *«сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия ве-е-ра вселенную у-твер-ди...»*. Голоса диаконов приземляются, и мы слышим общее одобрение от лица Церкви тех, кто словом, писанием и жизнью утверждал православие. Вспоминаются убитые на поле брани за веру и отечество и скончавшиеся в *«истинной вере и благочестии»*. Всем им поется *«Вечная память»*, но так, как нигде еще нам не приходилось слышать: быстро и даже весело, если возможно такое вообще...^{LXVI} И воспринимается это легко и светло. Очень хорошо, что не обычным, погребальным, напевом сопровождается эта *«Вечная память»*. Потом вспоминают и тех, кто трудится для утверждения на земле православия, начиная с Патриарха. Здесь, конечно, звучит многолетие. Заканчивается этот недолгий, но очень емкий по содержанию Чин гимном святителя Амвросия Медиоланского^{LXVII}. После узнаем, что этот Чин составлен Патриархом Мефодием^{LXVIII}, что раньше он включал еще и грозные анафематствования^{LXIX}. Сейчас все сглажено, все прилично, ни одним словом почти никто не обмолвится о том, за что же человек может быть отлучен от Церкви. Из различных воспоминаний (например, В. А. Никифорова-Волгина)^{LXX} может сложиться убеждение, что отлучали государственных преступников вроде Стеньки Разина или Емельяна Пугачева... Но только ли об этом заботилась Церковь? Было бы нелишне напомнить нам хотя бы в «слове», за что Церковь отделяет, лишает своего общения. Это не праздное любопытство, это же касается основ веры! Оказывается, есть десять пунктов, которые объединяют всех подпадающих отлучению. Вот они:

1. Отрицающие бытие Божие и Промысл Его.
2. Отрицающие равночестность Лиц Святой Троицы.
3. Отвергающие необходимость пришествия в мир Спасителя, Его страдания, смерть для спасения всех.
4. Не принимающие евангельскую проповедь.
5. Отвергающие приснодевство Пресвятой Богородицы.
6. Не верующие в то, что Святой Дух действовал через пророков и Апостолов и теперь бывает в сердцах истинных христиан.
7. Отрицающие бессмертие души, кончину века, суд и воздаяние.
8. Отрицающие Святые Таинства.
9. Отвергающие постановления соборов и святых отцов.
10. Отрицающие и хулящие святые иконы.

Сколько мыслей вызывает этот Чин! Очень хорошо сказал как-то епископ Мефодий^{LXXI}: «Православие — небо на земле и бездонный колодец живительной влаги для души, но что сказать о православных? Сколько из нас, обладая бесценным богатством православия, его не знают, им не питаются, им не живут». В Лавре, в Академии, которую нельзя отделять от нее, можно более, чем где-нибудь еще, если, конечно, Бог даст, почувствовать **красоту** православия и собственное духовное убожество. Хочется, спускаясь с лестницы и выходя из здания чертогов, где на втором этаже находится храм, думать о величии, данном каждому, об ответственности каждого... Чувство ответственности, кажется, может только расти, когда идешь узкой дорожкой к воротам, видишь впереди Успенский собор, огромный, пока еще мерзнувший в снегах.

---

²² Мф. 18, 10–18.

Постом первые оживают грачиные гнезда. Запах тающего снега и весенняя возня грачей неотделимы от ощущения наступившего великопостного шествия к Пасхе. Возвращаясь к только что отзвучавшему Чину, думаю о том, о чем не говорят теперь наши отцы, но о чем честно и откровенно говорили святые отцы, составившие и этот Чин, и многие другие. Ереси, расколы, уклонения в самые различные «толки» и течения, включая католичество, протестантизм, возникали, как правило, на одном-единственном основании —внутренней неудовлетворенности тем, что христиане (а тем паче стоящие во главе) далеко не таковы по жизни, какими следовало бы им быть. Да, ересиархов обвиняют в гордыне, вольнодумстве, самоволии, самочинии, непослушании церковному священноначалию... и не зря; а кто думает о том грехе соблазна, который многим бывает не под силу одолеть? Действительно: *горе миру от соблазнов*²³. Предостерегать от этого призваны все. Господь в Евангелии говорит об этом, ограждая Своим предупреждением *малых сих*...²⁴ И это предупреждение едва ли не самое забытое теперь, да и прежде.

И еще одна мысль неизменно сопутствует этому Чину: почитание икон неотделимо от почитания образа Божия в человеке. Каждый из нас почтен образом Божиим и призван стать Его живой иконой. Умеем ли мы помнить об этом по отношению к себе, к ближним, особенно к тем, к кому не расположены? И это тоже обязывает очень серьезно относиться ко всему. Да, есть о чем думать...

На Пасии в Лавре. Особый случай

22 марта 1987 года

Обычно на Пасии мы стояли в Трапезном храме. Впереди, конечно, спины. Иногда широкие и высокие, если стояли группой мужчины. Стоишь перед таким заслоном (а если их несколько, то и вовсе чувствуешь себя стиснутой со всех сторон) — и кажется, будто даже звуки не все долетают. И вдруг мы попали туда, где «посторонним вход воспрещен». Вдруг на время перестали быть посторонними. Когда-то, еще до «правления» архимандрита Иеронима^{LXXII}, мы стояли там всегда. Впереди, около клироса, всегда было особенно уютно и хорошо. Но... прошли те времена, настроили для нас заграждений, и теперь только «свои» попадают вперед. Удалось чудом попасть и нам. Сразу все изменилось. Еще бы — вместо стены из спин рядом солея и иконостас. В местном ряду — любимая здесь икона Божией Матери. Она поясная, большая. Ее видно со всех точек. Не зря до XVII века иконописцы думали о том, чтобы иконы участвовали в богослужении. Вот смотришь на Нее — и Она помогает собрать внимание, защищает от наплывающих неподходящих мыслей и общей рассеянности. Здесь, когда стоишь в храме (собственно, это и есть храм, а дальше — трапезная), когда всё рядом, все видно и слышно, удивительно много хорошего можно заметить, чего мы лишены в толпе и молве. Стоишь и никому не мешаешь, никто и нам не мешает, не пробирается вперед, не толкается, не ворчит, не подпевает. Все стоят спокойно и сосредоточенно молятся. Ребята, следящие за порядком, вежливы. Каждое движение на солее заметно и значительно. Канонарх близко. Здесь слышно каждое его слово, не как там, где часто все сливается в один общий поток и где едва можно зацепиться за знакомую фразу. Даже освещение здесь значит куда больше. Игра света и тени как бы придает иконам некоторое движение, оживляет их. Никаких фантазий на этот счет строить не хочется, просто все, что мы видим и слышим, заслоняет нас от шума обычной жизни, помогает сосредоточиться на словах, которые звучат здесь, сейчас. И конечно — целый океан звуков!

Кажется, что отец Матфей^{LXXIII} собрался выкупать нас в этом море мелодии, живущей своими законами, где-то близко соприкасающимися с законами другого, совсем безгласного искусства — живописи. И то и другое здесь, к тому же и декоративное убранство, гармонично составляют желанное единство. Какой это удивительный, неповторимый уголок на свете, особенно в момент, когда отец Матфей активными

²³ Мф. 18, 7.— *Ред.*

²⁴ Мф. 18, 10.— *Ред.*

взмахами широких рукавов рясы, из-под которых не видно рук, парит низко-низко над пространством, объединяющим два хора. Пространство звучит так мощно, что приобретает власть поднять душу от земли и нести ее к тем, кто в этот момент почти рядом: к творцам канонов и стихир, к автору акафиста, к композиторам, написавшим эти мелодии, к живописцам, резчикам, позолотчикам — всем трудившимся над созданием этой видимой и ощутимой красоты. Она поднимает к Невидимой, еще более необходимой красоте, чтобы в ней встретить Творца всяческих. Время летит незаметно. Оно звучит здесь, сейчас, сменяющимися напевами уже знакомых проким-нов, стихир и припевов акафиста. Постоять бы до конца! Но нет, надо идти, чтобы снова вернуться в наш суетный мир. Вернуться другим человеком, способным радоваться, благодарить за праздник Бога и людей. Благодарить доброй памятью тех, кто чуть-чуть подумал и постарался воспользоваться возможностью провести нас в недоступный теперь уголок. Благодарить в душе всех, начиная с единственного на всю Россию преподобного Игумена земли Русской и кончая каждым, кто трудится, чтобы обитель Преподобного была на земле чудом, радостью, праздником всем скорбящим и обремененным. Слава Богу за все!

В субботу 3-й недели Великого поста

23 марта 1982 года

Как часто, вернее, всегда и в выходные дни бывает много дел. В голове стучит одно: не забыть... Время не ждет. Надо успеть на электричку и хотелось бы позволить себе единственное «утешение» — выйти на одной из станций за несколько остановок до Посада, чтобы сразу же попасть в лес, в котором тонет дачный поселок, Лавра расширяется, охватывая все большее и большее пространство.

Весна. Воздух напоен запахом тающей снежной корочки на еще значительных в этих местах сугробах. Хорошо даже на малое время отключиться от всякой суеты, забыть обо всем (кроме одного — не опоздать к началу службы), идти, радуясь тишине, солнцу, даже цвету старой хвои, порыжевшей в теплых лучах, возможности помолчать. Как ее порой не хватает... Особенно радостно бывает, если среди всего природного великолепия тихо просочится волна невидимого света, в котором так живы слова благодарственного акафиста: «Слава Тебе, призвавшему меня к жизни»^{LXXIV}. Всех к жизни вызвал Господь, каждому дал и свой внутренний мир, и, главное, возможность жить памятью о своем Творце. А подвижники смогли сказать об этом больше. Нам же и за то «слава Богу» можно сказать, что веяние «иноного» мира касается за десятки километров от Лавры, если душа тянется к ней.

Поезд возвращает в обычную жизнь. До Лавры уже осталось ехать не так много. На склонах у самого полотна железной дороги мелькают темные пятна проталин. Поднимаемся к Святым воротам Лавры. На пути нас встречают талые воды. Они стремятся вниз, мы — вверх. Надо успеть поклониться преподобному авве Сергию, потом уже — в Трапезную церковь. Служба будет дольше обычной, вынесут Крест. Знакомые слова стихир Кресту отзываются где-то в глубине тихой радостью сознания себя в Церкви, которая дается незаслуженно, как и Лавра, как и жизнь. Эта причастность чуду — и жизни вообще, и жизни в Церкви, и возможности стоять в Лавре на всенощной в такой вечер, возможности, которую имеют далеко не все желающие, изумляет... Хочется благодарить и надо, но — как?

Служба, как уже было не раз, пролетела мгновенно. В общем пении: «Кресту Твоему...» и «Спаси, Господи, люди Твоя...», которым руководил отец Матфей, было такое единение, единокордие незнакомых людей, которое бывает только в Церкви. Такие хорошие лица мелькают среди молодых послушников и в толпе. И поют хорошо. Очень хорошо. Мне кажется, что нигде не встретить такого редкостного сочетания — и архитектуры, и живописи, и самой службы, и мирского хора. Все вместе и порознь — чудо. И действительно, этот ансамбль, лучше сказать, **собор**, удивителен. Дай Бог, чтобы последствия этих воздействий не прошли бесследно.

После всенощной общая исповедь. Народу много. Пока отец Илия проводил общую исповедь, поставили много аналоев. У каждого еще до прихода иеромонаха плотная толпа. Когда общая исповедь кончится, толпы еще уплотнятся. Может быть, придет еще исповедующий, и к нему на ходу соберется группка, поставят аналой и исповедующихся хватит едва ли не на всю ночь. Многие тут же устроятся на ночлег, сядут на пол, чтобы вытянуть ноги, дать им отдохнуть. Не помню теперь, кто нас пригласил, помню только, что шли куда-то под темным, высоким, звездным небом.

Через окно виднелись сосульки, подсвеченные фонарем. Было тепло, тихо, но почти не спалось, видимо, из-за боязни проспать. В полудремоте звучало: «*Крест хранитель...*»^{LXXV}. К пяти часам поднялись и пошли опять в Лавру, не дожидаясь рассвета нового утра Крестопоклонной Недели.

Пасха

[1985 года]

С незапамятных времен Пасху мы встречали в Лавре. Сначала вместе с тетушкой, пока она могла выдерживать физически. Потом я ездила одна, а она ходила в ближайший храм. После того как мне удалось нечаянно сделать целых два открытия (первое — это совершенно особенная, неповторимая служба в ночь с Великой Пятницы на Великую Субботу — Чин погребения Плащаницы, о котором я знала теоретически, но пока не побывала, так не воспринимала; второе — тоже несравненная, единственная в году литургия Великой Субботы, которая ничего общего не имеет, как оказалось, с ранней субботней литургией «для причастников»), стала ездить уже на ночь в Великую Пятницу, стояла Чин погребения и совсем немного — литургию, бежала бегом на электричку, чтобы к восьми часам успеть на работу в столицу. Отработав (тогда суббота была рабочим днем), опять бегом на электричку, чтобы пораньше попасть к закрытым дверям Успенского собора. Спалось в электричке крепко — молодость помогала. В Успенском соборе, помню, уж не уснешь: холодильник! Всю зиму он мерз, только к Пасхе его открывали и, отслужив пасхальную заутреню и литургию, закрывали до Троицы, а если Пасха поздняя — до отдания. Как-то однажды пошла на пасхальную заутреню в Троицкий собор. Там было очень неудобно: толкучка бесконечная, а главное — пели девчата-любители. От их пения в Лавре всегда одно ощущение — как на приходе. Где-то еще — терпимо, в Лавре — нет. Другой раз решила попробовать постоять эту службу в Покровском храме Духовной Академии. Понравилось. И так уж повелось: в Великую Пятницу ночью — в Трапезном храме, а в Пасхальную ночь — в Академическом. Сколько лет так было — уж и не вспомнится. Только в 1987 году, когда Академический храм был на ремонте после пожара^{LXXVI}, мы встречали Пасху опять в Успенском соборе.

Первая запись впечатлений от служб в эти дни относится к 1985 году. Начинается она с описания предпасхальной ночи, к которой мы двинулись из столицы в Великую Пятницу в 22.02. Договорились сесть в один вагон. Народу много. Поезд ползет в темноту. Не хочется ни о чем говорить, и в вагоне все сидят тихо. Закрыв глаза, ждем нужной остановки. Около полуночи выходим в темный тихий городок. Он дорог нам тем, что в нем, если немного пройти от станции, угадывается контур Лавры. Скрипит тонкий ледок лужи на асфальте. Прохладно. Нигде ни души. Уже видны окна братского корпуса, в некоторых из них свет. Входим в Святые ворота. Слабо светятся высокие окна Трапезного храма. Сейчас там горят свечи у Плащаницы. Входим — знакомая сень над Плащаницей, украшенная сверху белыми искусственными цветами, а ниже — живыми, тоже белыми. С трех сторон стоят корзины белых калл и гвоздик. Для порядка рядом стоит монах, но народу еще мало, некого ни успокаивать, ни отгонять, ни подгонять. Вновь пришедшие тихо и спокойно кладут земные поклоны и прикладываются без всякой суеты. Подальше, у подсвечника, все, кто хочет, читают молитвы, сменяя друг друга. Все, кто хочет. Обычно ночью под праздник здесь поют акафисты, а сейчас читают молитвы ко святому Причащению. Мы сели на складные стульчики. Рядом сидели на полу, лежали, подложив

сумки под голову, дремали на таких же стульчиках. В два часа начали читать двупсалмие. Ектения, шестопсалмие — и вот уже медленная, тихая, умирительная мелодия «*Бог Господь...*» сопровождает неспешное шествие целого сонма архимандритов, игуменов, иеромонахов к Плащанице. В их руках свечи. Разбегаются огоньки и по толпе. Толпа заметно густеет. Отец наместник Алексей^{LXXVII} идет кадить. Хор поет тем же напевом тропари. Когда-то хор тоже выходил к Плащанице. Было слышнее, а главное, заметнее самое основное: всё и все объединены сейчас одним — Плащаницей Христа. Он — центр и службы, и жизни, и внимания всех собравшихся, и радостного ощущения единства мирян и духовенства. Теперь этого нет. Ребята всю службу стоят на клиросе. Мне жаль и разрушения этого впечатления единства, и того, что мелодия *похвал*, которую поют действительно «со сладкогласием», теряет что-то, когда дробится в окошках и дверном проеме. У нас есть текст Службы, можно следить за каждым словом. Это больше помогает стоять. Спать не хочется, но очень душно. Бабушки, стоящие у окон, тут же их закрывают, как только отойдет семинарист, открывший окна. Им прохладно, а как другим — это мало кого теперь волнует. Очень хорошо поют первые строки похвал. Отец наместник включается в чтение, чередуемое с пением стихов 17-й кафизмы. Читает он четко, каждое слово хорошо слышно и понятно. Его сменяют другие отцы, пока не кончат первую статью. Снова «*Жизнь во гробе...*». Краткая ектения и так же величественно, даже проникновенно звучит: «*Достойно есть величати Тя...*». Читает вторую, третью статьи. Кончается чтение обращением к Святой Троице: «*О Троице, Боже мой! Отче, Сыне и Душе, помилуй мир*». Последнее слово особенно подчеркивается. Кажется, что обращено это ко всем, и всех в этот ранний час (только начало четвертого) — болящих, спящих, скорбящих, реже — радующихся — обнимает молитва! Жаль только, что многие монастыри закрыты, опустели, захламлены, а в приходских храмах оставлена эта традиция — ночью петь Чин погребения. А ведь было это и на приходах. Сама была в детстве в обычном нашем приходском храме на этой службе. Теперь же он там служитя вечером, и этим он как бы уравнивается с другими службами, теряет свою исключительность. Конечно, трудно не спать две ночи, но, мне кажется, это не главное. Больше зависит от нашего общего охлаждения сердца, равнодушия, разъедающего всех нас. Требуется усилие, и не раз — всю жизнь, чтобы не в тягость, а в радость было собраться всем знакомым и незнакомым, «*вся отложивши*» для того, чтобы услышать и эти похвалы, и знакомые слова 17-й кафизмы, и, наконец, несравненный канон с ирмосами «*Волною морскою*». Пока поют воскресные тропари, отец наместник кадит. Нас теснят, чтобы ему можно было пройти. В толпе движение. Кто-то спешит к выходу. Пропели 50-й псалом. Ребята выходят на середину храма, растягиваясь до самых дверей. Старички несут фонари, хоругви. Народ толпится у входа. В храме сразу становится просторнее, легче дышать.

Какие бывают в Лавре хорошие лица в толпе! Девушки, юноши, люди средних лет радуют серьезностью, сосредоточенностью, осмысленностью выражения — больше таких нигде не встретишь, но не беда. Главное — они есть, живут среди нас.

Ребята запели «*Волною морскою*». Отец наместник начал канон: «*Господи, Боже мой, исходное пение и надгробную Тебе песнь воспою...*». Эти слова неизбежно напоминают Сергея Иосифовича Фуделя^{LXXVIII}, ярко нарисовавшего московское затишье перед Светлой заутреней. Правда, тогдашнее чтение этого канона было уже совсем-совсем перед Пасхой, вечером, почти ночью Великой Субботы. Здесь же еще день впереди — вся Великая Суббота. Вечером его снова прочитают, но как бы то ни было, с первыми словами этого канона почти зримо встает картина, нарисованная Сергеем Иосифовичем:

«Трамваи уже не ходили, не полагалось [в 7-8 часов вечера Великой Субботы], а автомобилей что-то совсем не помню, и все улицы, по которым я шел [от Ярославского вокзала до Арбата], были одной длинной тихой дорогой. <...> На Воздвиженке я запыхался, пошел тише и услышал сзади переборы Спасской башни: "еще не поздно". Вот и родной Арбат, и шатер Николая Явленного.

Я не знаю, что я больше любил: саму пасхальную заутреню или тот час, который в церкви предшествует ей,— час пасхальной полунощницы.

На полу — ковры, народу много, но не так еще много. <...> Все ставят последние, прощальные свечи перед Плащаницей».

Когда это было? Видимо, в начале века. Теперь нет и Николы Явленного на Арбате, нет и той тишины на московских улицах, и единения жизни с Церковью в такой час... Но и теперь возникает радостное, щемящее чувство Церкви, объединяющее и покойного отца Иосифа^{LXXIX}, читавшего этот канон, и его сына Сергея, спешащего в родной храм, и многих знакомых, которых уж нет с нами, и не знакомых лично, а известных по чьим-то воспоминаниям... Пусть на миг, но эта **общность** в Церкви, собравшая вдруг рядом стоящих и уже ушедших из жизни подвижников и обычных людей — всех, кому дорога Церковь,— дар от Бога, и дай Бог его каждому. Кончается канон, диакон возглашает: «*Свят Господь Бог наш*», поют стихиры, и наконец — «*Слава Тебе, показавшему нам свет!*». Под звучание Великого славословия духовенство поднимает Плащаницу, хор идет впереди. У дверей шум, толкучка. Проходят крестным ходом с Плащаницей по гульбищу, огибая западный торец здания, растягиваясь вдоль южной стены. Из-за толпы, неизменно шумящей, мы идем к братскому входу и там стоим некоторое время на площадке. Видно весь ход. Пропустив всех, активно рвущихся вперед, входим в почти пустой храм. Еще заметнее спертый, тяжелый воздух после легкого морозца, но вместе с тем приятно, что в храме тепло. Хор уже поет: «*Благообразный Иосиф...*». Совсем скоро на весь храм загремит воскресный прокимен: «*Воскресни, Господи, помози нам...*». Это отец Владимир^{LXXX} постарается уж, у него хорошо получается. Он читает пророчество Иезекииля о костях. Вскоре краткий отрывок из Послания к Коринфянам, Евангелие от Матфея, ектения... и мы выходим на гульбище. Заметно светлеет, розовеет восток. Еще прохладно. Мы спешим за ограду в надежде на обещанную крышу. Хочется даже не спать, а лечь, просто вытянуть ноги. Белая стена Лавры, розовый восход, огромные контуры Успенского собора, угадываемые за стеной, близость весны воскрешают в памяти образ отца Павла Флоренского, где-то сказавшего об особом очаровании Лавры. Есть, живо это очарование. Оно многими чувствуется, но чаще всего о нем молчат. И слова бледны, и не обо всем можно говорить.

Это время, особенно если обстоятельства объединяют в группу несколько человек, очень серьезное. Надо быть на страже. Замечено, что в великие дни напряжение и усталость могут усилить раздражение и прежняя недоработка легко вызовет ответную реакцию, ляжет тяжестью на душу. Молиться бы и молчать, но это не всегда получается.

Крышу, к которой мы спешили, охраняла здоровенная дурашливая соседская собака, из-за которой мы так и не смогли даже подойти к двери, от которой в кармане был ключ. Попросились в другую каморку, к А. И. Она пустила, и мы радостно погрузились в сон на скрипучем диване. В нашем распоряжении было не более часа, но за это время мы так сладко отдохнули, что уже совсем бодро и весело снова шли в Лавру к поздней литургии. А. И. дала понять, что днем нас пригласить не может, и мы оставили заботу о другой крыше на милость Божию. На колокольне зазвонили. Ясное, доброе утро. Легкий посвист яркого на солнце снегиря еще более украшает этот день. Мне нравится замечать по пути всякие мелочи, приятные и радующие каким-то детским восприятием бытия. Если уж не могу углубиться в переживание тех молитвенных слов (плоховато их знаю), которыми отмечена эта единственная в году литургия, то пока буду радоваться чему могу и за это благодарить Бога.

Служба началась в 8.30. Часы 3-й, 6-й и 9-й читают «поскору». Тропарь в этот день — «*Благообразный Иосиф*»; затем — *изобразительны*. После «*Свете Тихий*» выходят читать паремии. Мы садимся на свои складные стульчики — еще бы, паремий-то пятнадцать! Народу немного. Всем некогда—самая горячая пора. Все готовятся к Пасхе, моют, убирают, стряпают. О литургии этой многие даже не знают. И почти не говорят о ней отцы, а как будут знать люди? Кто хоть раз был на ней, согласится, что ради нее

нужно бросить все недоделанные дела (что можно, конечно) и устремиться в храм, чтобы вновь все услышать, увидеть, пережить. Мы сидим и слушаем о событиях седой древности, которая сейчас оживает, приближается к нам из необозримого прошлого. Без нее многое неясно, расплывчато. Без нее просто нельзя, как нельзя без победной песни Моисея, которой заканчивается шестая паремия²⁵. Открываются Царские врата, хор священнослужителей в алтаре подхватывает возглас чтеца: «Славно бо прославися». Ребята на клиросе (в основном это учащиеся Духовных школ) во всю мощь повторяют конец фразы. Чтец читает, но его не слышно из-за переключки хоров. В алтаре звучит хор приглушенно, на клиросе — широко и мощно. Кончается пение, читают следующую паремию²⁶, мы присаживаемся. Никто не мешает слушать, не ходит, не разговаривает. Вспоминается ранее прочитанное, и становится уже понятнее связь, объединяющая тексты Ветхого Завета и богослужение Новозаветной Церкви. Наконец чтение паремий кончается призывом: «Господа пойте и превозносите во вся веки». Так же поют, чередуясь, на клиросе и в алтаре. Это гимн юношей, теперь приближающий Пасху, самое разительное чудо, которому, после всех вспоминаемых событий, легче поверить любому «Фоме», если только он захочет. Не убеждения, не доказательства, не уму работа, а сердцу весть. *Имей уши слышати, да слышит!*²⁷ Все паремии прочитаны. После малой ектении хор поет: «Елицы во Христа крестистесь...». Пока читают Апостол²⁸, в алтаре все переоблачаются. К Плащанице певцы выходят уже в белых стихарях петь: «Воскресни, Боже...». Отец наместник в белой фелони идет с образом Воскресения Христова, которым и благословляет народ. Впервые с прошлой Пасхи звучит «Ангел вопияше...»^{LXXXI}. Уже почти Пасха. Уже отец Владимир торжественно вещает: **В вечер субботний**²⁹... Вслед за тем тихая мелодия «Да молчит всякая плоть человека...» окутывает, как дым кадильный, собравшихся. Все служащие медленно обходят Плащаницу, и на какое-то мгновение устанавливается такая тишина, будто в храме никого нет. На клиросе уже задостойник: «Не рыдай Мене, Мати...». Удивительный пример восполнения церковным сознанием и творчеством того, о чем молчит Евангелие. Пример глубокого взаимопонимания Богоматери и Ее Сына, пример сыновней заботы, пример такой духовной близости, которой не препятствует даже смерть. Литургия подходит к концу. Вся она — с причащением, проповедью, с необычным благословением хлебов (без пшеницы и елея) — длилась более четырех часов, а показалась быстро пролетевшей. Надо уходить из храма, искать крышу и местечко отдохнуть до пасхальной заутрени. На улице расплзлась схваченная морозцем грязь. Знакомая старушка обещала пустить, но надо подождать (в доме мыли полы). Сидим на низкой скамеечке у ворот, греемся на солнышке, ждем. Кажется, что близость лаврских стен и храмов за ними унесла нас в другой мир, далекий от шумной столицы и всех забот нашего беспокойного века. Позвала хозяйка. В низенькой уютной комнате вкусно пахнет снедью. На столе стоят куличи. Мы немного перекусили (у кого что было) и с удовольствием растянулись втроем на диване. На кухне шли бесконечные разговоры. Да, какой бы день ни был — молчать и жить тем, что выше суеты (не уборки, готовки, а именно суеты при этом), надо учиться заранее. Для этого и существует Великий пост, да и не один он — целая жизнь. Нам можно лежать и молчать, стараясь ни о чем не думать, как и призывала в храме уже стихшая песнь: «Да молчит всякая плоть человека...». В такие часы, когда и храм пуст, и службы нет, когда только часы отделяют от самого значительного, поворотного момента в жизни Церкви и всего человечества, особенно видны все наши недоделки, вся недоработка, все упущения, все следствия привычного саможаления. Шум на кухне мешает всем, надо еще сдержаться, чтобы не дать в душе места раздражению. Надо сказать себе: «Благодари и радуйся, что

²⁵ Исх. 13, 20–22; 14, 1–32; 15, 1–19.— *Ред.*

²⁶ Соф. 3, 8–15.— *Ред.*

²⁷ Мф. 11, 15.— *Ред.*

²⁸ Рим. 6, 3–11.— *Ред.*

²⁹ Мф. 28, 1–20.— *Ред.*

дали место полежать, а они сами разберутся». За окном яркий солнечный день, склоняющийся к вечеру. В этот день, единственный в году, хочется иметь соответствующую обстановку, но ее, вероятно, надо еще заслужить. Спасибо доброй хозяйке, что пустила и даже помочь не просила, понимая, как нам хочется отдохнуть. А главное, конечно, — служба в Лавре, ради которой другие вообще без всяких удобств терпят и ждут эти часы (сидят ведь в Лавре во всех углах все, кому негде и голову преклонить). Наконец ушли куда-то кухонные деятели. Можно и вздремнуть — так тихо и хорошо стало. Отдохнули немного и встали. Хозяйка вскипятила чайник, предложила попить чайку. Пьем с удовольствием и неожиданно вспоминаем владыку Афанасия (Сахарова)^{LXXXII}, который с огорчением заметил, что незнание нашим народом богатства литургического, глубины мысли и чувств, заключенных в песнопениях и вообще во всех богослужебных текстах, — большая потеря. Владыка Афанасий видел в этом большую и серьезную недоработку пастырей, вековое упущение, мешающее всем *петь* Богу *разумно*³⁰. Вспомнили и о том, что говорил в эти дни владыка Антоний Сурожский. Самое яркое подтверждение тому, что дары Божии — трагичны, мы видели на примере Богоматери. Все знают о Ее высоком призвании и избрании, но мало кто думает о том, сколько пришлось Ей вытерпеть. Поговорили об этом, втайне порадовавшись тому, как некоторые у нас умеют слушать — активно, внимательно, с явной заинтересованностью. Пора в Лавру. Уходим в тихий вечер по топкой грязи. Направляемся в Покровский храм Московской Духовной Академии, где встречали радостно и трепетно не одну Пасху. Очень уютно там в этот момент. В храме темно, одна свечка горит в руках семинариста, читающего Деяния. Народу еще немного. Начинают читать Деяния с восьми часов вечера. Кто-то внизу еще исповедуется. Кто-то сидит на складных стульчиках, кто-то на полу, прижавшись к стенке. До полуночи еще четыре часа, да служба продлится более четырех часов, вот и спешат все присесть где удастся. Если б еще сидели молча! Увы, наш народ не привык молчать. Подходит дежурный и с редкой деликатностью, от которой мы давно отвыкли, убеждает помолчать. Действует это недолго. Подходят еще и еще люди. Всех встречает небольшая Плащаница на площадке перед лестницей. Около нее — сноп свечей. Многие годы ее украшали свежей зеленью — таким зеленым «ежиком» пяти-шести сантиметров высотой (специально проращивали зернышки), густым, ярким, в плоских плосках, поставленных с трех сторон Плащаницы, в котором сияли огоньки лампы. Это смотрится очень живо, эффектно, радостно. Все входящие последний раз кланяются и прикладываются к Плащанице и спешат устроиться поближе к окнам, чтобы было не так душно. К одиннадцати часам соберется хор. В эту ночь ребята на хорах в белых рубашках, от которых в храме кажется светлее. Народ все прибывает. В толпе, особенно среди молодых, встречаются хорошие лица — серьезные, одухотворенные. По контрасту — притащила баба своего мужика, насквозь провонявшего своей водкой, сунула его, как мешок с трухой, в простенок между окнами. Он тут же заснул, даже похрапывал, но негромко. Хорошо, что хоть не буянил. (Пара эта исчезла после заутрени, и стало много приятнее.) Пока нет звона, смотрим в окна. Вся территория Лавры черна от народа. У ворот храма стоят семинаристы, пропуская только тех, кто идет на службу, чтобы из-за любопытных не было страшной давки, толкучки, мешающей службе. В такую ночь все храмы Лавры полны — и Трапезный, и Троицкий, и Успенский, и Академический. В 23.30 начинается полунощница. Последний раз в этом году звучат ирмосы «*Волною морскою*» и еще раз читают канон перед Плащаницей «*Господи Боже мой...*». Пред нами стена высоких и широких спин молодых людей, в основном приезжих; думаю, что москвичей. Дай Бог им увидеть и услышать все, сохранить в уме и сердце, а мы видели не раз, а слышать и здесь можно. Канон прошелестел очень невнятно, еле слышно. Пропели «*Не рыдай Мене, Мати...*». Ребята (если регент постарается) с особой силой подчеркнут: «*встану бо и прославлюся...*», так, что весь храм наполнится радостным уверением

---

³⁰ Ср.: Пс. 46, 8.— *Ред.*

духовного опыта древних песнотворцев. Поневоле думаешь, что наша погруженность в суету означает прежде всего забвение первой заповеди — любить Бога всем сердцем...

Уносят в алтарь маленькую Плащаницу, стоявшую перед Царскими воротами. Выходят с фонарем, хоругвями. Ждут духовенство, и затем — медленно удаляется крестный ход, закрыв за собой двери. Первая весть о Воскресении прозвучит не в храме, а донесется с улицы. В толпе слышно пение: *«Воскресение Твое, Христе Спасе.....»*, в котором мы просим сподобить **чистым** сердцем славить Господа, как славят Его Ангелы на небесах. Смотрим в темную ночь за окном. В Успенском соборе светятся окна. Отсюда можно видеть хотя бы некоторую часть крестного хода.

Пока всюду снует народ. Как только показались огоньки фонаря и высоких диаконских свечей, кто-то стал фотографировать крестный ход. Яркая вспышка магния на мгновение вырвала из темноты светлые облачения духовенства. Вокруг него разливаются теплые огоньки маленьких церковных свечей в руках у собравшихся. Их много везде, даже и отдельно от основной движущейся массы, все они — как искры большого костра. Какое-то время тихо. Мы знаем, что скоро вернется с крестным ходом духовенство Академического храма. Скоро загорятся две буквы над Царскими воротами, всё засветится и все запоют: *«Христос воскрес...»*. Владыка ректор^{LXXXIII} начнет: *«Да воскреснет Бог...»*. Хор ответит по-гречески: *«Христос анести эк некрон...»*. Далее — *«Яко исчезает дым...»* — и хор повторит *«Христос воскрес...»* по-латыни. Первая Великая ектения. Хор поет бодро, весело. Мне всегда это особенно нравится у ребят и никогда не сравню их исполнение с профессиональным. Пусть где-то что-нибудь и не так, зато живее, искреннее, больше неподдельного чувства. Пропели стихиры Пасхи. Владыка ректор читает «Огласительное слово» святителя Иоанна Златоуста^{LXXXIV}. Как хорошо, что оно вошло в богослужение неотъемлемой его частью. Может кто-то сказать вдохновенно о Пасхе или нет — не страшно: есть слово святителя Иоанна, есть на века: шестнадцать веков слушают его все христиане, благодаря Бога и радуясь. Радуясь уже потому, что **все** призываются к общению с Богом, невзирая на различие сил, усердия, положения. Кончили чтение, пропели тропарь Святителю и... начали петь веселые пасхальные часы. Особенно люблю в них: *«Предварившия утро яже о Марии...»* и *«Вышняго освященное Божественное селение, радуйся...»*. Ребята поют на одной ноте сорок раз *«Господи, помилуй»*. Переоблачившись, выходит на солею диакон. Начинается пасхальная литургия. Снова *«Да воскреснет Бог...»*, антифоны... *«Елицы во Христа крестистесь»* — вечная печать радости Древней Церкви, которая принимала, включала в число своих верных всех тех, кто перед Светлой заутреней (в Великую Субботу) принимал Таинство Крещения. Теперь крестят, когда позволяют обстоятельства, но Церковь все равно радуется о каждом. Знак этой радости (в пении *«Елицы...»*) из века в век хранится в особенно значимые праздники. Прокимен *«Сей день...»* гремит на весь храм. И не только храм. Внизу, у входа, стоят старушки (боятся духоты) и молятся. На улице слышно все. Прочитали Деяния³¹ (вместо Посланий), начали первую главу Евангелия от Иоанна³²: **В начале бе Слово...** Владыка ректор читает на греческом, потом кто-то из сослужащих на латыни и английском. Кончил диакон на церковно-славянском. Раньше читали и на еврейском, и на арабском, и на многих других языках. Зачем? Чтобы вдруг окинуть мысленным взором весь мир, говорящий на разных языках, но воспринимающий весть о Воскресении Христовом во всех уголках земли на своем родном языке. Теперь все ограничивается самым необходимым, сокращается до минимума. Литургия летит с нарастанием темпа. Пропели *Херувимскую* — странно, давно ее не слышали! Целую неделю! *«Верую»*, *«Тебе поем...»*. После *«Отче наш»* мы присаживаемся, зная, что будут читать патриаршее послание. В нем, как правило, много политики... Его мы воспринимаем сквозь дрему, ничуть о том не жалея. Слава Богу, были причастники, которым никто здесь не удивлялся. Кончилась служба. Зашевелился народ. Такой праздник, но нам и тут надо спешить...

³¹ Деян. 1, 1–8.— *Ред.*

³² Ин. 1, 1–17.— *Ред.*

Куда? На первую электричку. Народу будет много, подойдут приезжие, молившиеся во всех лаврских храмах. Хочется сесть, потому и спешим занять место. Сели. Тут же разговляемся тем, что у кого есть. Кто-то спросил, почему вспоминают в каноне пророка Аввакума. О нем удалось прочесть удивительные слова, которые повторить не могу, но смысл помню. Преподобный Иоанн^{LXXXV} как бы предлагает древнему Пророку («*богоглаголивый Аввакум да станет с нами...*» — ирмос 4-й песни канона) побыть рядом и указать на Ангела — вестника Воскресения. Оно было (исторически) исполнением пророческого предвидения чуда, которое открыл Творец. Прежде явления в мир Сына Божия Творец поразил Пророка ощущением такой **близости** Владыки мира, от которой его душа трепетала. И он, как бы участвуя в пасхальном торжестве рядом с нами, снова переживает возможность прикоснуться душой к **Источнику** неиссякаемой радости и примириться со всеми трудностями и даже страданиями жизни, знакомыми и пророкам. Под стук колес все дремлют. Мне нельзя, так как выходить первой. Прощаюсь и иду на восток, навстречу яркой заре нового дня. На улице ни души. Восход и «играние солнца» я, конечно, просплю, но это сейчас не волнует. Теперь можно спокойно лечь, чтобы душой и телом отдохнуть, когда стихла первая пасхальная литургия, когда можно никуда не спешить и не волноваться, когда вся природа наполнена светом нового дня: на землю пришла **Пасха!**

Раздумья на Пасху

19 апреля 1987 года

В этом году почему-то Трапезный храм закрыли уже в Лазареву субботу, и до пасхальной заутрени в нем не было службы. Видимо, сказалась привычка: жаль было, что не в Трапезном выносили Плащаницу, не там она стояла ночь, не там пели Чин погребения, не там служили несравненную литургию Великой Субботы. Все было перенесено в Успенский собор. Он уже не пугал холодом, как раньше, но звуки там дробятся, сливаясь с собственным эхом, и когда стоишь в толпе (которая тоже гасит своим жужжанием звучание хора, чтеца, диакона), многое просто не доходит. Нам легче: есть в руках напечатанная Служба. И вот мы идем ночью в Лавру, во втором часу, темным городом, дрожа от холода. Эта ночь — начало нескончаемого праздника Пасхи. Всегда только начало — и в этом особая Божия милость для всех. Как-то этот праздник теперь отзовется в душе? Будет ли в ней место хотя бы единственному лучику радости, или, может быть, даст Господь в эти часы устойчивый и надежный мир, что едва ли не лучше всего? Почему приходят такие мысли? Потому что мир души — дар от Бога, но никогда не чувствуешь себя такой неподготовленной к принятию даров, как на Пасху и Рождество. И еще: на Пасху вокруг люди, и, как замечено, именно в святые дни обостряются внутренние искушения (кто-то чем-то окажется недовольным, или вспыхнет обида, раздражение и тому подобное). Не зря Великий пост предваряет Пасху, и то, как его проведешь, не сказать не может.

В соборе, куда мы вошли, походив немного по территории ночной Лавры, весь пол занят сидящими, лежащими, отдыхающими как удастся богомольцами. Еще до начала службы подошли к Плащанице. Рядом с ней стоял маленький светло-русый семинарист, этим Великим постом ставший послушником. Его поставили следить за порядком. В подряснике, с четками, серьезный и сосредоточенный, он уже меньше напоминал мокрого воробушка с торчащими в разные стороны перышками. Не раз приходилось замечать, что людей с самой неказистой внешностью Церковь иногда так меняет к лучшему, что диву даешься. Об этом послушнике потому зашла речь, что его склоненная к Плащанице фигурка как-то помогала даже отключиться от суматохи и разговоров единственного дня, когда Церковь заповедует всем **молчание**.

Служба шла как положено. Хотелось простоять эти трудные для бодрствования часы по возможности трезво, не позволяя себе утонуть в сонной дымке. Слава Богу, ко сну не клонило. Хорошо служат здесь, жаль пропустить без внимания любую строчку похвали

17-й кафизмы. Когда хор поет «со сладкогласием», слова приобретают особую смысловую глубину, которую никогда бы самой не заметить, не ощутить. Особенно, кажется, относится это к завершающим словам похвалы: «*О Троице, Боже мой! Отче, Сыне и Душе, помилуй мир*». К этой фразе как бы стягиваются невидимые нити, как теплые струи от горящих свечек у всех, кто не спит в эту ночь, кто душой рвется, но не может быть в храме, кто с благоговением стоит в своих храмах — где кому можно быть. И весь этот океан огоньков сливается в единое свечение, которое как-то еще хранит мир от полной тьмы, от сени всеобщей смерти и страшного зла разъединения всех.

Пропели воскресные тропари, прочитали канон, от которого по спине бегали мурашки... и неизменное воспоминание о старой Москве, дореволюционной, и суровой, притихшей в эту пору Зосимовой пустыни (это, разумеется, по тем же воспоминаниям Сергея Иосифовича Фуделя). Каноны читаются быстро. Уже появились хоругвеносцы, и народ зашевелился. Нельзя не вспомнить о последнем ирмосе 9-й песни этого канона: «*Не рыдай Мене, Мати...*». В нем слышно уверение в том, что **жизнь** их — любящей Матери и Сына, Ее жалеющего, — **едина**, над ней не властна смерть, ибо «*крепка, как смерть, любовь*³³». Любви дана победа над смертью. И не только в этом исключительном случае, но и для каждого из нас, Господом возлюбленного, это как закон. Трудно во всю силу поверить в **такую** любовь, мелка наша мера. А если б дал Бог — как могла бы изменить все в себе и вокруг! Можно просить об этом, нужно просить и все делать, чтобы зажегся в душе огонь Христовой любви, Им принесенной на землю для каждого. И Он Сам хочет, чтобы этот огонь разгорелся. Как преддверие Христовой победы гремит на весь собор: «*Свят Господь Бог наш!*». Стихиры, Великое славословие — и крестный ход идет в холод и мрак ночи. Под ногами снег; ветер, пронизывающий насквозь. Мы идем не как все люди, а навстречу, останавливаясь у служебного входа. Так хоть на миг видно весь ход, а плестись в толпе, молчать не умеющей, еще хуже. Вливаемся в толпу, пропустив духовенство. Медлить нельзя, чтобы не пропустить чтение пророка Иезекииля, где он видит усыпанное костями поле. Тут уж никому задремать не удастся, и не улетит никто в туман посторонних мыслей.

Воскресный прокимен «*Воскресни, Господи Боже мой, да вознесется рука Твоя, не забуди убогих Твоих до конца*» пробуждает смешанное чувство. Величие совершающегося переплетается с ощущением собственного духовного убожества. И вдруг в этом самом прокимне открывается выход: мы же просим Господа о том, чтобы **Он не забыл** именно **убогих**. Были б эти убогие — мы все — своими для Него, и тогда всем скорбям конец. Апостол Павел дополняет: *мал квас все смешение квасит*³⁴. Наша закваска, на злобе и лукавстве замешанная, способна испортить «*бесквасие чистоты и истины*».

За прокимном коротенькое Евангелие, ектении и отпуст.

Мы спешим по рассветному Посаду, чтобы прилечь, дать отдохнуть ногам и литургию стоять бодрее. С час полежали, и серым утром под гомон грачей опять спешим к литургии. Собственно — уже начало Пасхи.

Теперь почти не услышишь о том, как исторически произошел разрыв единого целого — крещения новых членов Церкви и праздника Пасхи, общего для всех верных. Только что крестившиеся восходили к своему высшему торжеству, а верные знали радость единения, умели радоваться за всех. Все пятнадцать паремий Великой Субботы завершали обучение новых членов. Они были не только прообразованием Воскресения, но и возвещали готовившимся ко Крещению о начале новой жизни во Христе, о переходе от рабства духовного к свободе, от смерти к жизни, от земли к небу. Заключался этот период обучения Таинством Крещения готовившихся, а все верные не расходились, продолжали бдение. Крестный ход новокрещенных вокруг купели во главе со священниками сливался с шествием к ним. Тогда уже все вместе шли к храму, и этот вход был входом в Царство воскресшего Христа. Им открывалась Пасха, с него начиналось движение, восхождение

³³ Песн. 8, 6.— *Ред.*

³⁴ 1 Кор. 5, 6.— *Ред.*

всех к пасхальной Евхаристии. Причащение всех верных в первый день, вернее, в пасхальную ночь было не просто обычаем, а той естественной потребностью, о которой говорит Златоуст: «все насладитесь **пира** веры». К сожалению, историческое понимание причин появления пасхального крестного хода было забыто, и чтобы как-то объяснить это, стали говорить, что он символизирует шествие жен-мироносиц ко гробу Спасителя. Такое объяснение кажется понятнее и проще, хотя оно затемняет и даже искажает смысл, становясь как бы символической иллюстрацией к жизни Спасителя. Однако все обряды, все действия в Церкви существуют для того, чтобы стать событием в нашей сегодняшней жизни, средством вхождения в реальность невидимой жизни во Христе. Чтобы все это осмыслить, нужны знания, нужна подготовка, нужно понуждение, то есть усиленная внутренняя работа над собой, идеальнее бы — с помощью духовного руководителя, но его мы часто лишены. Еще за то надо благодарить Бога, что можно прочесть об этом.

В соборе, где служат литургию, все звучит глуше. Стояли мы почти в центре, не очень далеко от ограды, отделявшей значительную площадь для служащих и «избранных» справа и слева. Когда-то, в годы моей молодости, все здесь было проще и доступнее, никаких «заборов» от нас, от толпы. Не было и никаких возвышений, кроме солей. Стояли в холоде (собор промерзал за зиму), но было теплее от ощущения единства, даже такого кратковременного. Теперь чуть ли не половину храма отгородили, подняли там пол. Все стоящие впереди для толпы стали сплошной стеной, даже иконостас (особенно его местный ряд) можно увидеть как следует лишь в будний день. В праздники — бесконечное хождение через служебный вход и сплошная черная стена ребят, гостей, всех тех, кому нет преград... Пора, конечно, к этому привыкнуть. Говорят, в единении сила, а здесь подчеркнуто совсем другое: одним — все удобства, другим — что останется. Близко стояли, а слышно было плохо. Паремии угадывались, когда знала содержание. Совсем пропадали псалмы и стихиры. От усилий устаешь, да еще надо быть на страже (вот-вот могли вспыхнуть в душе неудовлетворенность, раздражение). Слава Богу, к концу литургии все улеглось. Как и прежде, пело трио «*Воскресни, Боже...*», и возглавлявший службу благословил всех образом Воскресения Христова.

Да, не раз возвращались мысли к тому, что **готовиться** к празднику надо серьезно. Все недоработки в такой момент особенно видны. Поют: «*Да молчит всякая плоть человека...*», — а ведь и этому надо себя учить. Не научишься молчать (чтобы не только язык, но и мысли не шумели) — и не найдется места памяти о Господе. Без этого можно на всех службах быть где угодно, хоть в алтаре, стоять и не пережить, не ощутить в этом торжества биения **иной** жизни, ее приближения. Что тогда все внешние знаки и **напоминания**? В этот день хотелось бы только напоминания о молчании, молчании языка, чувств, мыслей... не как о запрете общаться, а как о приношении жертвы Богу. Все внимание, память, устремления — Богу! Хотя бы раз в год, но целиком. К этому должна быть очень серьезная подготовка. Без нее просто не утерпишь, просто пропустишь это время, останешься без того наполнения, которое дается старающимся благоговейно и безмолвно провести этот день. Когда человек не один, когда рядом другие, совсем не желающие вникать в эти тонкости (на их взгляд), молчать очень трудно. Чаще всего потребность помолчать, жажда тишины — лишь испытание терпения.

Удалось немного передохнуть, полежать — и за то спасибо добрым людям. Вечером уже можно бодрее идти в храм на пасхальную службу. В какой же? Академический храм, где мы чаще всего стояли ночную пасхальную службу, закрыт (после пожара). Идем в Успенский собор. Вся территория в загородках. Всюду толпы дружинников и милиции. Народ распределился по периметру (присесть на деревянный настил — ждать еще долго, более трех часов). Мы стояли у барьера, отделяющего братский вход и клирос вместе с площадкой перед ними. Здесь будут входить-выходить, значит — воздуху больше. Среди рядом стоящих был мужчина средних лет, по языку (он задавал много вопросов) — интеллигентный, по уровню вопросов — мало знающий о Церкви. Трудно сказать, зачем он спрашивал. Простоял всю службу, не перекрестив лба, но стоял бодро. Отвечать ему

надо было кратко и ясно, с полной ответственностью за то, как и с какой душой это делаешь. Вопросы его касались чисто внешней обстановки праздника, но и это надо было встретить серьезно и уважительно.

Началась служба. Последняя песнь канона... и крестный ход. Народ двинулся за ним, в соборе стало спокойнее и свободнее. Ушло, как кажется, больше любопытных... Вернулось духовенство, и в сияющем всеми огнями соборе зазвучала Пасха! Любимый канон, преподобного Иоанна Дамаскина, казалось бы, можно слушать без конца. Конечно же, если бы **очистить** «чувствия» и узреть «в неприступном свете **Воскресение Христа**!» Это только в мечтах... да и мечтать о том совестно, когда знаешь,

что душа твоя — земля, и еще грешная земля, как говорил преподобный Силуан. Канон так и переливается, как дорогая хрустальная люстра, каждым своим словом. Его можно сравнить с игранием солнца пасхальным утром, и даже больше того... Дай Бог, чтобы хоть один лучик этого сияния да коснулся души, разбудил ее к жизни в Боге. А если нет? Тогда терпи, зная, что этим не кончается все. Будет светло и радостно — слава Богу, будет только спокойно, мирно — и за это слава Богу. Не личным ощущением измеряется праздник. Как мне — не главное. Главное — есть Господь, есть Пасха! Для всех, для всего мира — видимого и невидимого...

Канон пропели бодро и весело, так же и стихиры Пасхи. Теперь «Огласительное слово» Златоуста. Удивительно, как в нем отмечено различное переживание великого праздника. Слово его — как жизнь. Одним — «пир веры» и «богатство благодати», другим — призыв: «день почтите». И хотя часто повторяется слово «все», но ведь знаем: кто ленив — день почти, на большее не хватит ни способности, ни сил (силы-то духовные умножаются преодолением искушения, как говорил отец Александр Ельчанинов^{LXXXVI}). Очень хорошо, что читают именно это «Слово», а не говорят проповеди. Кончилась заутреня, поют пасхальные часы. В алтаре бесконечное переодевание, кажется, тоже кончилось. Издавна, помню, в Успенском соборе служащие отцы во главе с отцом наместником меняли облачения на каждой песни канона. Ничего не скажешь — красота! И огромный собор гудит от мощного ребячьего хора, и облачения сверкают всеми цветами радуги, и голубые волны фимиама поднимаются к куполу, и теплые огни свечей дробятся и множатся в позолоте окладов, золоченой резьбе иконостаса, на золотом фоне огромных икон. Наверное, никто не останется равнодушным на такой службе, хоть что-то тронет, что-то запомнится. К тому и призвано все это внешнее великолепие: помочь человеку отрешиться от земных забот, вспомнить Творца, почувствовать Его в **красоте** творений, отозваться душой на нее хотя бы в самой малой мере. «*Вся земля да поклонится Тебе...*» Так хочется, чтоб и душа про все забыла, кланяясь воскресшему Господу. Не успеваешь во все входить, так быстро меняются ектении, антифоны... Уж поют: «*Елицы...*» — это опять о тех временах, когда радость о крестившихся была общей, когда все знали, что такое — облечься во Христа, жить Им, жить в Нем. Трудом целой жизни дай Бог дойти до раскрытия этих понятий, а без труда так и останется многое вне сознания и опыта.

Служащие движутся по солее «*веселыми ногами*», и вслед за прокимном: «*Сей день, егоже сотвори Господь...*» Апостол призывает быть **свидетелями**. Чего? — Того, что Господь творит с человеком, который доверился Ему. И мысль эта — о свидетельстве — каждого в какой-то мере судит. Что мы несем окружающим? О чем свидетельствуем? Только прочитали отрывок из Деяний, как отец наместник лицом к народу стал читать по-гречески Евангелие. Не знаю, кому как, а мне нравится слышать язык Златоуста и афонских старцев, язык наших первых митрополитов и священников, крестивших Русь, язык Феофана^{LXXXVII} и Максима^{LXXXVIII} Греков. Звучит он торжественно и воспринимается легко (мы же знаем содержание этой главы почти дословно). Прочитали о Слове, ставшем Человеком и открывшем возможность каждому стать чадом Божиим. И все это, как ни странно, может совершиться без всяких внешних чудес, как **свет во тьме**³⁵. И свет есть, и

³⁵ Ин. 1,5.— *Ред.*

тьма вокруг. Один живет во свете, другой — рядом с ним — во тьме. Пропели *Херувимскую*, *Символ веры*, все положенное. Одно меня угнетает, хотя лично и не касается: никого не причащали. Исключить причащение и считать, что это ради великого праздника,— верх невежества! Литургия без причастников на Пасху?! Это так больно видеть! Почему же никого из власть в Церкви имущих это не заботит? Неужели и здесь, в Лавре, в сердце православной России, причащение можно рассматривать как исполнение «личной требы», а не как центр литургической жизни?

Но вот освятили артос и вышли с крестом на отпуст. Из всех храмов темным потоком народ спускается к электричкам. Первые холодные вагоны быстро заполняются народом. Одни едут в столицу, другие — в противоположную сторону. Мы разговляемся чем Бог послал тут же. И конечно же, говорим... о том, что плохо знаем Службу, многое от этого теряем, говорим о необходимости не плыть по течению, оправдывая свое нерадение и вина обстоятельства. Какая осознанная жизнь может быть в Церкви, если не хочется заставить себя узнать, прочитать, продумать... Если не все можно для этого сделать, то многое все-таки можно.

Мне выходить раньше всех, и вот серым морозным утром первого дня Пасхи иду в свою «коробку» спокойно спать, чтобы через некоторое время встать, что-то делать (почитать, например), помня о том, что впереди та же Лавра с вечерним Пасхальным канонем.

Мгновения-символы

9 апреля 1988 года

Иногда случается так, что какое-то мгновение вдруг вырастает в символ и остается в памяти ярче многих других, куда более значительных моментов. Так было в Великую Субботу в 1988 году. Вышел крестный ход после Чина погребения, вышли и мы из Успенского собора, но не пошли за всеми, а по своему обыкновению двинулись навстречу ходу. Старичок, которому велели смотреть за порядком, встрепенулся: «Куда вы?». Мы его успокоили, что никуда не пойдём, постоим в сторонке. Стали. Он видел это и больше не волновался. И вот во мраке глубокой ночи, *еще сущей тьме*³⁶, появляются фонари, потом крест, иконы, духовенство с Плащаницей, вся братия, пришедшая на Чин погребения, ребята из хора. Ветер гасит свечи. Мы бережем свои огоньки. Духовенство прошло. Неожиданно подошел В., зажег свою свечу, потом кто-то из хора, потом регент со словами: «Раз уж все...». Целая цепочка лиц знакомых и незнакомых склонялась к свече, зажигала свою и отходила... И так хотелось, чтобы это было знамением: живое пламя свечи в ладонях так хорошо протянуть всем, кто хотел бы, чтобы и его огонек живо затрепетал на ветру и больше не затухал. Такой обычный, ничего вроде бы не значащий миг, а от него как-то теплее на душе. Так хочется иногда дать уже данное, дать, чтобы и у других было, чтобы еще кого-то согрело хотя бы на мгновение не только крохотное пламя свечечки, но и желание другого разделить, поделиться тем, что есть. Если б в жизни всегда и все делились дарами Божиими, как бы скромны они ни были! Насколько легче было бы переносить холод и тьму, ждать **Светлого Христова Воскресения!**

На Светлой седмице

В четверг рано утром спешим в Лавру. День был солнечный, но холодный, ветреный. В электричке все холодно: сиденья, простенки, незакрывающиеся двери. От сквозняков неуютно. Грязные стекла не давали полностью порадоваться оживающей земле. По дороге в Лавру так приятно было слышать звон ручейков, шум мутной Кончуры. Хочется услышать праздничный пасхальный звон, но на колокольне почему-то тихо. В ярком свете огромные лаврские соборы вместе с массивными стенами ограды теряют свою тяжесть, материальность. Кажется все это светлым видением, готовым вот-вот исчезнуть, хотя и знаешь, что Лавра стоит на земле твердо и мы поднимаемся к ней. У Преподобного в

---

³⁶ Ин. 20, 1.— *Ред.*

Троицком соборе много роз. Живых, ароматных, уже чуть-чуть подвядших. Народу еще немного. В узкие окна-щели алтаря бьет солнце. Его лучи четким снопом внедряются и тают за горним местом. Как-то меня спросили: почему в Троицком соборе так темно? Темно?

А мне никогда не казалось, что темно, даже тогда, когда в осенне-зимний период удавалось попадать на братский молебен. Всегда было ощущение, что погружалась в удивительный рассеянный теплый свет. Другого не может быть, ведь у раки преподобного Сергия всегда горит столько свечей. И еще в Троицком всегда особая цветовая насыщенность. Сейчас, пока Пасха, много красного и золотого. Серебро окладов, раки, сени над ней оживляют золотые блики горящих свечей. Много цветов. Их всегда много, даже зимой. Правда, зимой иногда стоят и искусственные, но искусно сделанные. Мы стоим у Преподобного недолго, надо идти к литургии. В Трапезном храме по-пасхальному открыты все алтари, обилие золота в облачениях и сияние запрестольного образа Воскресения Христова. К Серафимовскому приделу вышли два семинариста из хора и стали лицом к народу, пригласив и всех желающих петь часы Пасхи. По солее прошел епископ, поклонился и удалился в алтарь.

В Лавре гостям не удивляются, это явление нередкое, но прозвучало имя епископа Василия. Неужели Родзянко^{LXXXIX}? Нам раз уже посчастливилось видеть и слышать его, скорее слышать. Неужели и теперь такая встреча?

Литургия очень быстро проходит. На солею вышел владыка Василий. Когда его слушаешь — не знаешь, радоваться или печалиться. Удивляет его умение владеть нашим родным русским языком. Можно радоваться, что нам дан такой богатый, могучий язык и есть еще люди, умеющие владеть этим богатством. И вместе с тем нельзя не печалиться: такое сокровище потеряли! То, как мы теперь говорим, — убожество по сравнению с тем, как говорили раньше русские люди. Пример — отечественная классика, а тут — живой представитель нашей русской культуры и плюс к тому — **духовной** культуры. Владыка говорит четко, ясно, но не очень громко. Между нами весьма приличное расстояние, отгороженное от нас для удобства служащих. Не в нашей власти попросить Владыку подойти поближе, а кто мог бы это сделать, не думает о тех, кому не слышно. Народ шумит: «Погромче, не слышно!». От криков этих нам только хуже, но угомониться нашему народу не так-то просто. Напрягаясь, стараемся уловить то, о чем говорит Владыка. Он рассказывает, как год назад был в Иерусалиме во главе паломнической группы, которая стремилась успеть в священный город к тому моменту, когда все ждут схождения благодатного огня. Владыка говорит, как он взглянул вверх: под куполом слабо мерцали, то усиливаясь, то затуманиваясь, голубоватые «туманности». В них как бы вспыхивали искры или маленькие змейки-молнии. На мраморной плите Гроба Господня в такой момент разложена вата, которая как бы вспыхивает, объята голубоватым огнем. В мгновение ока от нее зажигает свечи Патриарх, подает в специальные отверстия кувуклии — и тут же весь храм оказывается в огнях. Все держат пучки свечей (по тридцать три — число лет Спасителя). Свет этого огня — неяркий, голубоватый, можно сказать, ласковый. Его касание не опалает. Многие «умываются» им, вода по лицу, шее. Только минут через 10 он приобретает желтоватый оттенок и обычные свойства пламени свечи. Не случайно именно **свет** стал символом Воскресения Христова. Оно вошло в жизнь мира как свет. Свет надмирный, бестелесный, несозданный, неизменный явился в мир, вошел в нашу историю, став Человеком, испытал всю горечь человеческого страдания. И все это для того, чтобы человека падшего, смертного поднять до высоты богообщения, богоуподобления силой благодати Творца и Спасителя.

Тут же Владыка перешел к прочитанному Евангелию о первых последователях Господа. Агнец Божий, указанный пророком Иоанном, ходит по земле и зовет каждого. Наше дело — прислушаться, узнать Его голос и суметь отказаться от того, что хочется, чтобы пойти за Ним. Веками звучит этот призыв, и веками так было, что **возлюбили**

*человецы паче тьму, нежели свет*³⁷. Перед каждым выбором. Свет, сходящий с неба, переплавляет, иногда выжигает все в душе, что мешает видеть Христа, но он же и свидетельствует о Нем. «Христос воскрес!» под ответное: «Воистину воскрес!»), и владыка Василий уходит в алтарь. В его слове — спокойствие, ясность и открытость тем, кто сейчас стоит в Трапезном храме. Он доверительно разговаривает с каждым, и радостно становится уже потому, что речь идет о самом дорогом для всех христиан. Мне показалось, что ему и радостно быть в пасхальные дни на Родине, и грустно видеть Родину такой... знать о ее трудностях, переживать их вместе с нею.

Когда вышли на крестный ход, вышел и владыка Василий со своими спутниками. Он показался выше и представительнее вблизи, чем издали. Взгляд его темных глаз был устремлен вдаль, казалось, что он никого вокруг не видел. Мы постояли у братского входа, встретив крестный ход. Не хотелось встречать знакомых, говорить о чем-нибудь обыденном. Всегда жаль, когда в область впечатлений от таких редких встреч врывается наш быт. Но он ни с чем считаться не хочет, врывается.

Слава Богу, что еще есть такие люди. Жаль, что они преклонных лет, но все-таки они есть — и это самое главное. Слава Богу, что и нам дана была возможность хотя бы краткого общения. Слава Богу!

Пасхальное слово Владыки ректора

10 апреля 1988 года

Была у нас возможность попасть в Академический храм, куда собрались все преподаватели и учащиеся Духовных школ для поздравления Владыки ректора. Нам хотелось иметь об этом представление. И вот днем, когда все внешние двери закрыты, храм полон собравшихся. Черным-черно от форменной одежды учащихся. Раскрыты Царские врата. Пред ними, вернее, чуть слева огромная корзина с крашеными яйцами, около нее стоит владыка Александр и говорит о том, что его, волнует. Говорит долго и много. Всего не помню, но то, что осталось в памяти, уцелело потому, что понравилось. Он говорил о том, что учащиеся должны не просто учиться, но и заботиться об укреплении своей веры. Иногда бывает так, что приходят с большей верой, чем уходят. Чтобы этого не случилось, надо всегда помнить, что веру механически не укрепят ни лекции, ни общие молитвы в храме, ни наставления преподавателей. Без своей серьезной внутренней работы этого не получится. Для того же, чтобы работа шла успешнее, надо научиться иметь всегда перед глазами образ воскресшего Христа, стоящего на разрушенных вратах ада. Когда будет трудно (а трудно обязательно будет), утешение черпать можно тоже только у Христа, победившего ад и все зло мира. Очень важно и нужно научиться смотреть внутренним взором на Христа и на свою душу, чтобы менять себя, избавляться от всего того, что совестно нести в себе, помня взгляд Христа. И еще необходимо помнить о том, что люди тянутся к священнику, чтобы встретить живую воду. Если же они, подойдя поближе, увидят, что его душа — пустой колодец, то могут отшатнуться, и мы будем за это отвечать Богу... Это вкратце. Подумать об этом очень стоит всем, не только учащимся.

Пасха

1994 год

Прошли годы. Почти так же встречали мы Пасху у преподобного аввы Сергия в его обители. Казалось, уже нечего прибавить к тем описаниям пасхальных служб, какие уже были. Но вот однажды случилось так, что не удалось быть в Лавре на Пасху. Нет, свет не померк, и земля не сдвинулась со своей оси, но... уже следующую Пасху хотелось непременно слушать и переживать так, чтобы каждое слово, каждую мысль запечатлеть в уме и сердце. Не быть в Лавре на Пасху — большое лишение. Снова услышав знакомые

---

³⁷ Ин. 3, 19.— *Ред.*

слова и мелодии, захотелось еще раз записать все, что всплывало в сознании. Из этого желания выросли записки о праздновании Пасхи в 1994 году.

* * *

Над спящим Сергиевым Посадом в 1.45 поплыл звон — зов к Чину погребения Плащаницы. Мы в воротах. Крестимся на огромный Успенский собор и поднимаемся в Трапезный храм. Все так же, как всегда. Дай Бог, чтобы так и было всегда. В этом повторении всего, даже внешнего, мне кажется, есть устойчивость. Отсюда, видимо, и устои. Твердое, незыблемое, надежное, на что можно опереться.

Та же сень над Плащаницей — легкая, белая, в белых цветах, со сверкающей главкой. Верх ее убран белыми искусственными цветами, а внизу, где Плащаница, — белые гвоздики, хризантемы, лилии. С зеленью, конечно.

Подходят приложиться ребята (учащиеся Духовных школ), монахи, кое-кто из тех, кому не мешает табличка: «Служебный вход». Народу не очень много. Кое-кто лежит прямо на полу, кто-то сидит на складных стульчиках. Мы полежали перед службой, слава Богу, теперь легче стоять. Жаль это время проводить в борьбе со сном.

Обычное начало утрени, краткая ектения, шестопсалмие... и выходит отец Владимир Назаркин. Он постарел, полысел, но голос еще хорош, и другого не хочется. В памяти он остается как весьма подходящий к этой службе. К этой — особенно. Бог дал ему голос не только сильный, но и нужного тембра, того необходимого для церкви звучания, которого не даст ни одна «школа».

Кончилась у Плащаницы Великая ектения, и с хоров поплыли звуки «*Бог Господь...*». Движение в алтаре, открывшемся в это время. Всем служащим раздают зажженные свечи, и они во главе с отцом наместником^{ХС} выходят к Плащанице.

Мы стоим недалеко от решетки. Кто-то спит прямо у наших ног, хотя ему всячески мешают, но, видимо, усталость совсем изнурила человека. Покадили, пропели тропари («*Благообразный Иосиф.....*», «*Егда снишел еси...*» и «*Мироносицам женам...*»), и начинается долгожданное «сладкогласие» — *похвалы*, прибавляемые к каждому стиху 118-го псалма.

Обычно *похвалы* и стихи поют только вначале, но зато как поют! *Непорочны* поются на 5-й глас, а *похвалы* — как написал протоиерей П. Турчанинов. Очень люблю это «сладкогласие». Слушаю, стараясь ни о чем не думать, ни на что не отвлекаться, не вспоминать. Хочется, чтобы эта мелодия еле-еле влилась в душу, исцеляя ее раны. Почему-то мало у нас заботятся о том, чтобы большее число людей услышало слова молитв. Многие радиопередачи включают теперь духовные песнопения, но вот попробуй разобрать текст! Главное, что помогает понять пение, — это удивительное сочетание **скорби** (перед Плащаницей) и **прославления**. И это с первых же строк *похвал*! Да и названы они *похвалами* потому, что воздают честь «*Страдавшему и погребению Давшемуся*»...

Вот в первой же похвале слышим: «*ангельская воинства ужасахуся, низхождение славяще Твое*». Мы привыкли к словам священных песнопений или привыкли не думать о них... И как бы хотелось, чтобы думающие, способные это переживать, объясняли их нам, тупеющим от пустомыслия, неумения сосредоточиться и жить в соответствии с тем, что слышим и что сами говорим Богу.

У нас перед глазами текст, нам много легче, ведь читают все отцы по-разному, не все четко и чисто. Как жаль, что многие тратят время и силы на уборку, готовку, на что угодно еще, устают в спешке и не способны понять и принять в душу то, что предлагает Церковь в дни Страстной Седмицы. К чему мы готовимся? Скажу — к празднику! Но если только в «разрешении на вся»^{ХС1}, то есть опасность пропустить величайший праздник, который может пройти стороной, так ничем и не обогатить душу.

Прочитали первую статью. Поют «*Славу*» и «*Воспеваем, Слове, Тебе всех Бога... и славим Божественное Твое погребение*». Опять тот же мотив — «*славим*»... Для восхваления Божия снисхождения надо быть достойным... И хотя дела наши, вся жизнь

наша не может и рядом стать с достоинством, но было бы это сознание, желание не туманить душу постоянной суетой, бессмысленностью, нашим многословием и парением глупости. Это хоть в какой-то мере доступно каждому, было бы стремление...

И опять звучит: «*Жизнь во гробе...*». Краткая ектения, каждение. Почему-то все очень быстро мелькает. И не то чтобы читали очень спешно или двигались слишком быстро. Нет, все как надо — с благоговением, чинно, легко и торжественно, но хочется удержать время, хочется, чтобы оно приостановилось. Мечты, мечты...

Опять поет хор: «*Достойно есть величати Тя*» и другие *похвалы*. Чем больше вдумываешься в эти слова, тем больший разрыв ощущаешь с тем, что видишь в себе. Надо и к этому готовиться, к тому, чтобы эти слова стали словами собственной души. Для этого был дан Великий пост. И все великопостные службы могли бы приготовить нас к этому **служению**, если бы заранее об этом подумать. Теперь некогда о себе думать, надо о Том, Кому вот сейчас предстоим в храме. Глухая ночь за стенами, темно и тихо, дождь, кажется, кончился. У всех в руках огоньки, и над притихшей толпой плывут божественные звуки. Звуки **хвалы!** Кончается вторая статья обращением к Богородице: «*утоли (избавь, останови) церковныя соблазны и подаждь мир, яко Благая*». Теперь соблазны, исходящие от церковных людей, от обманщиков, притворщиков, для многих почти непреодолимое препятствие. Внутри Церкви, в ограде Церкви... везде они мешают немощным и слабым увидеть **свет Христов**. А мы... не из того ли числа? Дай Бог мир душам, мир между собой, мир всем...

И третья статья кончается обращением ко Святой Троице: «*помилуй мир*». Если бы дал Господь в эту ночь вдруг ощутить, что не о себе стоит заботиться, всех вдруг пожалеть и друг о друге помолиться, и простить всем, и забыть горечь обид, то это и было бы тем, о чем просим в конце всех *похвал*. «*Видети Твоего Сына воскресение, Дево, сподоби Твоя рабы*».

Пока поют воскресные (уже воскресные!) тропари по *непорочных* 5-го гласа, отец наместник идет кадить храм.

Малой ектенией заканчивается пред стояние Плащанице собравшегося духовенства. Оно уходит в алтарь. Молящиеся гасят свечи. Тонкие сизые струйки поднимаются вверх и тут же тают. Читают 50-й псалом, и сразу же такие знакомые, всегда волнующие звуки и слова мудрой Кассии^{ХСП}, дошедшие, слава Богу, до нас: «*Волною морскою...*».

Вслушиваясь, вспоминаю, как когда-то мы говорили: почему здесь упоминаются отроки и отроковицы? Задумываемся ли мы над **красотой** сравнений, исторических аналогий, не говоря о форме, поэтическом выражении этих сравнений? Раньше все схватывалось скорее чувством, без размышлений, оценок. Только с годами приходило **удивление** красоте, которую нам предлагает Церковь. Славянское слово «доброта» обычно переводят как красота, но оно мне кажется более емким. Если вернемся к «*отрокам*» — то это потомки тех, кого Бог спас от фараона, покрыв его «*волною морскою*». Эти «*отроцы*» теперь, во времена Спасителя, покрывают землей (погребают) Того, Кто когда-то спас от плена их отцов. Но мы, уверовавшие в пришествие Сына Божия, поем Ему, как тогда (когда спаслись от фараона) пели девы («*отроковицы*»): «*Славно бо прославися*». Ирмосы этого канона естественно уводят в далекие века и дальние страны, приближая образ творческой природы — «*жены некия Кассии*», а сам канон напоминает предреволюционный Арбат и отца Иосифа в храме Николая Явленного. Об этом постарался поведать нам его сын — Сергей Иосифович Фудель, своими воспоминаниями разобрав временную преграду. И вообще в эту тихую ночь, когда мы можем стоять в Лавре, когда в душе полное довольство тем, что мы здесь, что ничего другого не надо, не хочется... вспоминаются одновременно многие люди. И те, кто хотел бы быть здесь и не может, и те, кто здесь, но не знает, мимо чего проходит, и те, кто уже **там** вспоминает нашу землю, продолжая ее любить. В какой-то миг, пусть на мгновение, Господь может коснуться и самой замотанной, уставшей, очерстневшей души и дать ей ощутить, что жизнь души — в любви ко всем. Это давно замечено святыми всех веков, но

очень мало известно нам — христианам больше по имени. Из всех ирмосов мне более всего нравится пятый, где трепетная уверенность «ветхозаветного евангелиста» — пророка Исаии звучит в словах: «*воскреснут мертвици, и востанут сущии во гробех, и вси земнороднии возрадуются!*».

Внимание скользит по знакомым образам, останавливаясь над тем, о чем позже хотелось бы подумать. Нет, мало отдаваться течению мелодии, уносящей от привычных забот и тревог. Надо готовиться серьезнее и внимательнее к тому, что предстоит услышать. Иначе как осмыслить довольно трудный текст: «*приглашаише же кустодии, хранящи суетная и ложная, милость сию оставили есте*»^{XCIII}. Только что речь шла об Ионе, который был прообразом Христа, и мостик к «*милости*», оставленной стражей (кустодией), надо строить заранее. Конечно же, это обращение к воинам, поставленным ко Гробу Христа теми, кто хранит «*суетная и ложная*», то есть свои мнения, из-за которых они оставили, прошли мимо **Милости**, явленной миру Богом Отцом в Лице Христа.

Слышим очень хорошее, вселяющее светлую надежду слово: «*Царствует ад, но не вечнует* (не всегда) *над родом человеческим*»^{XCIV}.

Да, ад царствует. Мы это чувствуем все сильнее и сильнее, и только вера (умножь ее, Господи!) может сохранить от отчаяния, уныния, окамененного нечувствия. Наконец: «*Не рыдай Мене, Мати...*».

В сознании встает образ, написанный на эти слова в Сербии. У нас такие иконы, к сожалению, мало кому известны. Обратил внимание на них помог отец Киприан (Керн)^{XCIV}. И содержание ирмосов, и сама эта икона, и вся служба будят в душе чувство благодарности Богу и людям, которые старались помочь уразуметь смысл. Но главное, здесь входит в ткань размышлений как бы живой голос Христа, обращенный к Матери. Голос сострадания, сыновнего утешения. Для большинства скорбящих матерей земли — надежда на понимание и сочувствие, а для сыновей — вечный пример сыновней признательности и ответственной любви к матери.

И уже — «*Свят Господь Бог наш!*». Пока поют стихиры, в алтаре движение: выносят фонарь, хоругви. Народ спешит к дверям. Собирается крестный ход. Выходить из храма еще рано. Поют воскресный Богородичен — «*Проблагословенна еси, Богородице Дево*», духовенство выходит из алтаря к Плащанице, и здесь отец наместник произносит: «*Слава Тебе, показавшему нам Свет!*». К этому моменту с обеих сторон клиросов уже спустились ребята (клиросы высоко их возносят), вытянулись почти до самых дверей с двух сторон, оставив в середине свободный проход для духовенства с Плащаницей, и поют Великое славословие. Отец наместник с отцом Владимиром кадят три раза Плащаницу, весь хор поет *Трисвятое*, служащие кладут три земных поклона, поднимают Плащаницу и несут, а отец наместник идет под ней с Евангелием. Медленное «*Святый Боже...*» удаляется вместе со всеми, поющими и не поющими, служащими и не участвующими в службе. Все стоящие в храме потянулись на выход. Народу не так много, и потому особой толкучки, как раньше, нет. Мы пропускаем особенно ретивых и выходим, не намереваясь идти в толпе. Обычно мы проходим вперед, останавливаемся против братского входа. В этот раз не успели. Только мы вышли — уже показались хоругвеносцы, за ними хор и духовенство. Всех их было так много, что хватило почти на все гульбище (по периметру). Среди ночной тьмы мощные молодые голоса несли миру: «*Святый Боже...*». Гасли свечи от ветра. Ребята шли и шли нескончаемой темной лентой. Как огонек свечки вдруг вспыхнет в душе теплое чувство, если кто-то из них чуть заметно поклонится. Редко это бывает, а ведь нет в этом ни греха, ни унижения. Крестный ход возвращается в храм. Уже слышно, как поют «*Благообразный Иосиф...*». Сейчас выйдет отец Владимир после воскресного прокимна «*Воскресни, Господи, помози нам...*» читать пророка Иезекииля³⁸. Поле, как на картине Верещагина, усеянное человеческими костями. **Оживут ли кости сия?** И такой простой, мудрый ответ, на который способен только пророк: **Господи Боже, Ты веси сия!** Обещание Духа — обещание жизни. И не просто жизни, способной знать

³⁸ Иез. 37, 1–14.— *Ред.*

Бога. Мы больше знаем о ней по Евангелию, здесь — еще Ветхий Завет. Жить во всей глубине и красоте можно лишь в Боге и Богом, но как трудно до этого дойти всем нам! Отрывок этот из 37-й главы пророчества еще ярче оттеняет космический характер происходящего. Параллельно неизмеримой высоте его (почему она и не улавливается подчас) вьется чуть заметная память о собственной малости. И вот ее подхватывает Церковь и возносит воскресным прокимном: «*Воскресни, Господи Боже мой... не забуди убогих Твоих до конца*». Убожество это вызвано, как подсказывает Апостол³⁹ тут же читаемый, злобой и лукавством, от которых он зовет очиститься. Чистота и истина могут привести к пониманию того, как изменил Господь, как возвысил, как просветил всякую душу, Его принявшую. А если ничего не чувствуешь? Если слова проходят стороной и не хочется притворяться, убеждать себя, будто что-то с тобой происходит, — тогда как? Тогда честно сказать себе: «Мы еще не до крови подвизались»⁴⁰. Тогда просить умножения веры себе, благодарить за то, что есть к Кому обратиться и... не сосредотачиваться на своих ощущениях.

В храме уже поют пасхальные стихи «*Да воскреснет Бог...*» и торжественное троекратное «*Аллилуиа!*». Когда-то мне удалось у отца Александра Шмемана^{XCVI} прочитать, что «*аллилуиа*» — непереводаемое слово-символ. Символ нашего предстояния Богу, нашего внимания — благоговейного и трепетного, нашего благодарения, не передаваемого словами. Еще мелодией его передать можно. Но для мелодии нужны какие-то звуки, как форма. Мелодия эта может литься часами. Когда понимаешь, что современное звучание «*Аллилуиа*» — лишь отголосок того древнего духовного устремления, какого у нас нет, то уже не кажется бессмысленным повторение этого вечного слова, вошедшего во все языки христианских народов.

Совсем краткое Евангелие⁴¹ — об обращении архиереев к Пилату с просьбой установить воинскую стражу у входа в погребальную пещеру — заканчивает утреню.

Ектения, отпуст. Все прикладываются к Плащанице, пока поют «*Приидите, ублажим Иосифа...*». Почему-то эта печальная мелодия растворяет очень существенное: «*но в радость Воскресения Твоего плачь преложи*». Если бы поющие вникли в эти слова, то непременно выделили бы их. Поклонившись «*страстям и святому Воскресению*», уже такому близкому по времени, выходим из Лавры. Дождь перестал. На деревьях дрожат его капли. Серо, холодновато, но, слава Богу, у нас есть возможность немного отдохнуть, чтобы через два-три часа идти к самой любимой, неповторимой литургии Великой Субботы.

Совсем белым днем мы идем в Лавру. На пути нас встречает звон. Кажется он вечным и хочется, чтобы он был всегда, чтобы всегда спешили к этой службе все, кому она дорога, чтобы о ней узнавали и те, кому о ней пока некогда думать и не от кого узнать. Спешим к началу. Не хочется пропускать ни слова. Часы читают справа от Плащаницы. Вечерня соединяется с литургией. Прозвучал возглас: «*Благословенно Царство...*», псалом 103-й, Великая ектения.

Хорошо, что служит отец Владимир. Народу немного. Почти все жмутся к решетке. Постепенно толпа растет. Почему-то отцы никогда не говорят об этой литургии, не обращают на нее внимание тех, кто мог бы пойти, но по неведению доделывает домашние дела, кончая предпасхальные приготовления, упуская из виду то, что эта литургия — тоже **приготовление**, даже более необходимое, чем все другие. Многому надо еще учиться и учиться.

«*Днесь ад стена вопиет...*» — поют стихиры. Трижды звучит это начало, несколько варьируя основной смысл. После «*Славы*» слышим: «*сия бо есть благословенная Суббота...*». Сошествию во ад Господа посвящены эти строки. С ними перекликаются

³⁹ 1 Кор. 5, 6–8.— *Ред.*

⁴⁰ См.: Евр. 12, 4.— *Ред.*

⁴¹ Мф. 27, 62–66.— *Ред.*

слова-призывы: «*Держайте, убо, держайте, людие Божии: ибо Той победит врагия ко всесилен*» (Догматик 1-го гласа).

Все служащее духовенство с Евангелием идет к Плащанице, обходит ее, и при пении «*Свете Тихий*» все уходит в алтарь. Царские врата закрываются, чтец идет читать паремии. Их много — пятнадцать. Мы раскладываем стульчики и садимся слушать. От темных спин вокруг темно, и это даже помогает внимательнее входить в то, что нам предлагает Ветхий Завет.

Первая паремия⁴² относит нас к самым «источникам»: ***В начале сотвори Бог небо и землю***. Мы слышали эти слова перед Рождеством, Богоявлением, в первый день Великого поста. Теперь почти Пасха. Мы вводимся всем строем богослужения в ее преддверие, и эти слова нам напоминают, что «Божественное **могущество** приближается через Воскресшего к каждой душе, Его жаждущей».

Во второй паремии⁴³ слышим: ***Светися, светися, Иерусалиме...*** Это говорил пророк Исаия, живший в VIII веке до Рождества Христова, — в то время, когда город разрушили халдеи, храм сожгли, жителей отвели в плен. Мы привыкли слышать в каноне преподобного Иоанна Дамаскина другое: «*Светися, светися, **новый** Иерусалиме*». Это относится не только к восстановленному позже городу, но больше — к **новозаветной Церкви**, которая соберет всех «*от запада, и севера, и моря, и востока*»^{XCVII}, прошедших через тяжкие испытания и не потерявших веры и жажды покаяния. За несколько часов до торжественного пасхального богослужения мы слышим эти древние призывы, будто сдвигаем пласты времени, будто тает дальность расстояний, и единственное остается главным и вечным — **славой и светом** Иерусалима, старого города и **Нового Царства Христова**, еще на земле начавшегося. Этим единственным было, есть и будет **Воскресение Христово!**

Слушаем третью паремию⁴⁴ об установлении иудейской пасхи. Зачем нам теперь вспоминать о египетских казнях, о волнениях племен в связи с гибелью первенцев? Если мы увидим здесь не одни первообразы и исполнение предвозвещенного, но сможем вникнуть в смысл жертвы, то поймем непреложную истину: всякий грех не останется без наказания. Основную тяжесть его берет на Себя Господь, нам же оставляется выбор: или терпеливое несение посильного креста с надеждой на милость Божию, или горделивое упорство и отчуждение от Бога.

Меняются чтецы. Мы уже — в четвертой паремии⁴⁵ — слышим рассказ об Ионе, наивно пытавшемся улучшить свой жребий — не ходить в ненавистную Ниневию, город богатых, распутных хищников и обездоленных бродяг, город мерзких гадалок и отвратительных язычников. Это им идти и говорить о гневе Божиим? А вдруг покаются?

Читают быстро, размышлять некогда, но ведь не первый раз мы слышим это, и потому вновь встает в памяти знакомая **благодарность** Богу, когда Иона осознал, что спасен **от кита**; его досада, что Бог все-таки пожалел покаявшихся; досада его от потери легкой тени **от тыквы**... Все подробности этой вставки в серьезные и строгие слова древних пророков, кажется, позволяют несколько отдохнуть вниманию. Но стоит вспомнить, что именно Иона, выброшенный на берег, стал первым изображением-символом Воскресения Христова, — и уже не будешь к этому повествованию относиться легко и менее серьезно, чем к другим.

Пятая паремия⁴⁶ напоминает известный вопрос Иисуса Навина: ***Наши ли еси, или от супостат наших?*** Здесь мы слышим о пасхе, только что отпразднованной перед мощными стенами Иерихона, о встрече с Архистратигом Силы Господней. Казалось бы, это надо читать в другое время. Какое отношение имеет это к нашей Пасхе? Оказывается,

---

⁴² Быт. 1, 1–13.— *Ред.*

⁴³ Ис. 60, 1–16.— *Ред.*

⁴⁴ Исх. 12, 1–11.— *Ред.*

⁴⁵ Иона 1, 1–16; 2, 1–3, 4–11; 3, 1–10; 4, 1–11.— *Ред.*

⁴⁶ Нав. 5, 1–15.— *Ред.*

имеет. Здесь Церковь напоминает нам о явлении Силы Божией в лице Архистратига как предзнаменовании **близости** надежной защиты в предстоящей всегда — всем и каждому в отдельности (пока мы в пути) — битве с врагом спасения. Защита эта в лице Господа, победившего ад и смерть силою Крестных мук и Своего Воскресения.

Шестая паремия⁴⁷ — последняя, перед тем как начнется переключка двух хоров и мощного чтеца, который приведет нас на берег Чермного моря, в стан тех, кому предстоит пройти его по вдруг оголившемуся дну. Сильный ветер, неожиданность совершающегося перед глазами, страх погони, гибель преследователей и, наконец, **хвала** Избавителю! Исход сынов Израилевых был прообразом Воскресения Христова. Уже не Моисей, а Господь ведет верных Своих по самым опасным и часто скользким путям, ободряя, вдохновляя, защищая их и в конце концов спасая Своей жертвенной любовью и Своим Воскресением.

Чтец читает нараспев: **Поим Господеви...** Голос его тонет в хоре священников в алтаре: «*Славно бо прославися*». Не успели они до конца допеть, как подхватывает клирос: «*Славно бо прославися*». Чтец читает стихи песни пророка Моисея, но хоть он и стоит близко, и читает громко, слова его тонут в переключке хоров. Заканчивает он один. На весь храм гремит его голос, громкий, торжественный: «*Славно бо прославися*». Пел диакон, высокий, рыжеватый, имени его не знаю.

Седьмую паремию⁴⁸ вышел читать другой. Слова пророка Софонии: **Потерпи Мене в день Воскресения** уверяют, что всякое нечестие не избежит наказания, а благочестие получит заслуженную похвалу. Призыв к радости дойдет не только до дочерей Сиона и Иерусалима, но отзовется в каждой верующей душе-христианке, потому что сказано: **воцарится Господь посреде тебе**, то есть будет Господь царствовать среди близких Ему, и никто не причинит им никакого зла.

В следующей, восьмой, паремии⁴⁹ мы слышим о чуде воскресения мальчика, сына вдовицы, жившей в Сарепте Сидонской. К ней послан был пророк Илия, у нее он прожил время сильного голода, силой Божией умножая горсть муки и немного масла.

Пережили трудное время, выжили. И вот мальчик внезапно заболел и умер. Мать его приняла эту смерть как наказание за прежние грехи. Пророк жалел вдову, молился над умершим, и он ожил. Вспоминая это чудо перед Пасхой, мы понимаем, что ветхозаветные воскрешения, как и новозаветные (сына наинской вдовы и дочери Иаира⁵⁰), только оттеняют, подчеркивают силу совершенно исключительного чуда — Воскресения Христова, которое по своим последствиям выше всех сравнений и чудес.

Девятая паремия⁵¹ словами пророка Исаии говорит о радости: **Да возрадуется душа моя о Господе**. Обычно мы слышим эти слова, обращенные к архиереям, но сейчас они — для всех! И в конце: **Якоже радуется жених о невесте, тако возрадуется Господь о тебе!** Самый известный и большинству близкий образ горячей любви — юной, чистой, всего ждущей и надеющейся, любви юноши и девы — лишь слегка может напомнить ту любовь, которая душу христианскую делает **невестой** Христу. Свою любовь Он доказал смертью и воскресением. А душа? Если душа каждого — невеста **Жениха** Христа, то она свидетельствует свою любовь верностью и терпением. Путь души лежит через испытания и радость; а полнота радости возможна лишь в Царствии Божием.

Сменяется чтец, и мы слышим в десятой паремии⁵² об испытании Авраама. Простые, спокойные строки Бытия повествуют лишь о сборах и путешествии к месту жертвоприношения. О них стоило бы подумать заранее, попробовать найти для себя

⁴⁷ Исх. 13, 20–22; 14, 1–32; 15, 1–19.— *Ред.*

⁴⁸ Соф. 3, 8–15.— *Ред.*

⁴⁹ 3 Цар. 17, 8–23.— *Ред.*

⁵⁰ См.: Лк. 7, 12–15; Мк. 5, 22–42.— *Ред.*

⁵¹ Ис. 61, 10–11; 62, 1–5.— *Ред.*

⁵² Быт. 22, 1–18.— *Ред.*

уроки, но ведь всегда некогда. Сейчас же, слушая об Исааке, приносимом в жертву и чудом оставшемся жить, мы знаем, что он — прообраз Христа.

Но к этому моменту, мне кажется, самая подходящая мысль выражена апостолом Павлом в Посланиях к Римлянам⁵³ и Евреям⁵⁴. Он говорил, что вера Авраама предполагала и возможность **воскресения** из мертвых. Бог может все, и потому можно решиться на все, не задавая себе ненужных вопросов и не терзая душу сомнениями.

И снова — в одиннадцатой паремии⁵⁵ — пророк Исаия, «ветхозаветный евангелист», который пророчествует о Христе, и слова его пророчества повторяет Господь в Евангелии⁵⁶: **Дух Господень на Мне**, и силою этого Духа провозглашается **лето Господне приятное**. Иудеи имели в виду внешние блага, которыми отмечался всякий 50-й год, когда по закону Моисея рабов отпускали на волю, должникам прощали долги. Господь же говорил этими словами о Своем Царстве. Мы знаем, что через смерть Спасителя исполняется пророчество о радости верующих в Евангелие.

Строки «Царств четвертых» — паремия двенадцатая⁵⁷ — уводят нас к неведомому городу Соман (или Сонам), где жила на редкость внимательная и заботливая женщина. Она просила мужа сделать пристройку к дому, чтобы в ней было удобное помещение для пророка Елиссея, где он мог бы молиться и отдыхать, никем не стесняемый. Пророк был удивлен и хотел чем-то отблагодарить ее. Слуга подсказал: у нее нет сына. Пророк помолился и сказал соманитянке, что через год у нее родится сын. Так и было. И здесь, как и в Сарепте Сидонской, мальчик умирает и возвращается к жизни по молитве пророка.

И опять мы слышим о силе Божией, подготавливающей сознание к возможности чуда, хотя оно ни в коей мере не сравнимо с чудом **Воскресения Господня**.

В тринадцатой паремии⁵⁸ звучит скорбь плененных иудеев. Скорбь о своем храме, о тех, кто оставил веру отцов. Эта скорбь повторяется в веках и прообразует скорбь верных Христу в самый горестный для них момент — Его погребение, и в то же время она указывает на то, что все тучи исчезнут и мгла рассеется в лучах Воскресения.

В четырнадцатой паремии⁵⁹ пророк Иеремия говорит об установлении **нового** завета. Старый разрушен. Народ, отвергший своего Спасителя и Господа, отделился, выбрал себе участь оставленных. Новый народ Божий, христиане, от Бога получит новый дух, новое сердце. А мы — с каким живем? Несем ли мы миру дух Божий — дух мира, любви, благоволения? Святится ли нами имя Божие?

И, наконец, последняя, пятнадцатая, паремия⁶⁰, заканчивающаяся победной песнью трех отроков. И здесь плен, насилие. Вечная тьма. Здесь мы слышим такое понятное нам требование подчиниться «единственно верному» указанию и кланяться не раздумывая истукану. И те же «достоинства» доносчиков — зависть, ревность, хитрость, притворство, злоба. В пророчестве о всей мерзости человеческой — верность трех юношей. Верность бескорыстная, самоотверженная, жертвенная. Знали, что шли на смерть, — и шли, не желая изменить вере отцов. Опять мы встречаем образ-символ: молитва в огне. Молитва не о себе, не о спасении, молитва — **славословие** Бога. Эта молитва обнимает всю Вселенную, которую юноши как бы приглашают убедиться в чуде: нестерпимое пекло не жжет их. Так может быть лишь в одном случае — если Бог рядом. И вот Он тут. Новозаветная Церковь подхватила восторг юношей, включив этот образ в канон. Все службы обращаются к этому образу, но наиболее полно он предстает в Великую Субботу. Очень жаль, что мы не приучены улавливать логическую последовательность и

---

⁵³ Рим. 4, 17.— *Ред.*

⁵⁴ Евр. 11, 19.— *Ред.*

⁵⁵ Ис. 61, 1–9.— *Ред.*

⁵⁶ Лк. 4, 18, 19.— *Ред.*

⁵⁷ 4 Цар. 4, 8–37.— *Ред.*

⁵⁸ Ис. 63, 11–19; 64, 1–5.— *Ред.*

⁵⁹ Иер. 31, 31–34.— *Ред.*

⁶⁰ Дан. 3, 1–88.— *Ред.*

радоваться смысловой красоте в строе нашего богослужения: *«Господа пойте и превозносите во вся веки»*.

Чтец «велиим гласом» возглашает: *«Благословите вся дела Господня...»*. Хор священнослужителей вторит: *«Господа пойте и превозносите Его во веки»*. Клирос повторяет, усиливая ту же мелодию и те же слова. Величественная картина создается обращением к Ангелам, Небесам, Силам Господним, водам, солнцу, луне, звездам, дождю, росе, ветру, зною, снегу, молнии, облакам... *«Да благословит земля!..»*. Кажется, все перечислили, но вот снова мысленно мы возвращаемся к горам и холмам, травам и источникам, морям и рекам, китам и всем тварям, в воде движущимся, к птицам, зверям, скоту... Окончив это перечисление, чтец обращается к *«сынам человеческим»*. Среди них выделяются *иереи Господни*, те, кто признает себя рабами Господа. Обращение это объединяет живых и почивших, праведных, преподобных, смиренных сердцем и обычных «рабов Божиих», включая сюда Апостолов, пророков и мучеников. Всем звучит: *«Благословим Отца, и Сына, и Святаго Духа...»*. Отец Глеб^{ХСVІІІ}, покрасневший от усердия, заканчивает один: *«Поющее и превозносяще во вся веки»*.

Малая ектения снимает напряжение, и вскоре вместо *Трисвятого* поют: *«Елицы во Христа креститесь...»*. Напоминает ли это (а должно напоминать, для того и уцелело в чине) о том, как усердно готовились весь Великий пост оглашенные к «просвещению», то есть к Таинству Крещения, как следил за этим местный епископ, или все ушло в прошлое?

Об этом читают Апостол⁶¹, а в алтаре все служащие переоблачаются в белые ризы.

К Плащанице идет петь трио: *«Воскресни, Боже.....»*. Выходит отец наместник с иконой Воскресения Христова и, стоя лицом к народу, трижды благословляет всех этой иконой.

Икона эта (точное название — «Сошествие во ад») сияет новым золотым фоном. Киноварь одежд вместе с охрами на фоне блестящего серебряного люрекса наместнического облачения как яркая вспышка жизни. Свет Христов проникает всюду, где о нем и не думают, он живет все, что тянется к **Жизни**. Только бы не противиться ему собственным равнодушием.

Ушли певцы за наместником, вышел отец Владимир читать Евангелие⁶². **В вечер субботний...** И почти тут же, как вздох: *«Да молчит всякая плоть человека...»*. Есть такие песнопения, которые навсегда связаны в памяти с единственной мелодией, другой не хочется. И вот теперь эта медленная, тихая и очень сосредоточенная мелодия ведет к Тому, Кто пришел *«заклатися и датися в снєдь верным»*. Молчанию, даже самому обыкновенному, надо еще учиться, а тем более — глубинному безмолвию, о котором мы почти не имеем понятия. В этот день надо особенно стараться молчать.

Длинная вереница служащих медленно выходит на амвон, спускается и опять поднимается на ступеньки, чтобы безмолвно поклониться Плащанице. В этот момент хочется вспомнить всех, кто рад был бы стоять здесь, но не может по болезни или другим обстоятельствам.

Литургия Василия Великого кончается. Честно говоря, хотелось бы совсем никаких «слов» не слушать, но не получается. Жаль, что не умеем мы готовиться к Пасхе. Не к разговению, а к **празднику**. В быту внимание рассеивается на пустяки, и потому из-за суетности многое — и часто самое существенное — теряется. В храме об этом, как правило, не говорят. Интересно: в древности в этот день уже не выходили из храма. Келарь давал каждому по куску хлеба, шесть штук фиников или смокв (теперь мы это знаем как инжир) и кружке кисловатого вина, по крепости равного нашему квасу.

Если всю Страстную Седмицу бывать в храме, стараясь внимательно вслушиваться во все службы, то вместе с ночной пасхальной заутреней и литургией можно ощутить полноту торжества. Если что-то пропустить, Пасха так уже не воспринимается. Конечно, может Бог дать радость великого праздника и независимо от усердия, как чаще бывало в

⁶¹ Рим. 6, 3–11.— *Ред.*

⁶² Мф. 28, 1–20.— *Ред.*

детстве, но это скорее исключение, чем правило. Правило — труд постоянный, усердный, внимательный. Труд и понуждение себя на молитву. А пасхальное торжество — награда за труд. В какой мере проникает в душу эта радость — это как Бог даст. Хоть в какой-то мере, да даст по милости Своей.

Немного передохнув, идем опять в Лавру. Странной пустотой встречает она. Это очень беспокоит. Может быть, электрички мудрят?

В Трапезной церкви чернеют отдельные фигуры, в Успенском кто-то читает Деяния так, что сомневаешься: сам-то он слышит ли, что читает? Ни слова не понять. Идем в Покровский храм. Странно, но факт: читают не Деяния, а Послания. Храм почти пуст. Усаживаемся поближе к окошку. В углах копошатся старушки. Еще стоят аналои. Несколько священников терпеливо слушают каждого, кто подошел. Говори сколько надо. Слава Богу, здесь причащение в Святую ночь не рассматривается как чуждое восприятию праздника. Пробыло десять часов. Ушли священники. В храме почти так же пусто. Около одиннадцати часов в Лавру повалил народ. В окно видно, как черные ручейки разливаются по всей территории, люди спешат туда, где кому по душе. Да, отменили несколько электричек.

Храм сразу заполнился. В такой праздник храмы, соборы, обители должны быть полными. Мы **миром** Господу молимся. И пусть мы не знаем друг друга, но важно чувствовать, что сейчас нас собрала Пасха и объединила любовь к Лавре преподобного Сергия. Не раз замечено, что основная масса богомольцев — приезжие. Вот и ребята засверкали белыми рубашками: это пробирается наверх хор. Выходят на амвон священники, читают канон. Какие здесь ирмосы, тропари!..

Неподготовленному вниманию трудно все охватить. Не случайно сказал поэт:

Мы в небе скоро устаем,—

И не дано ничтожной пыли

Дышать божественным огнем^{XCIX}.

Устаем больше оттого, что живем другим. Адано или нет? Или кому как? Дано как возможность, и иногда этот огонь касается души, и она это знает, только не все о том говорят.

Ирмосы повторяют в конце каждой песни канона. Наверное, от регента зависит усиление некоторых слов, подводящих черту, и тогда особенно убедительно звучит: **«воскреснут мертвии и востанут суции во гробех, и вси земнороднии возра-а-дуют-ся!»**. И особенно любимое: **«Не рыдай Мне, Мати...»**. В этот миг, кажется, оживают и объединяются усилия всех, кто участвовал в создании этого торжества — строил храмы, писал музыку, служил, украшал, берёг, передавал в род и потомство свою любовь к храмовому богослужению. Всех не перечислить. Конечно, все эти усилия соединил Господь, и Он создал Церковь Вселенскую и каждую в отдельности — тоже. Мы как-то мало об этом думаем, мало ценим, благодарим, а потому и мало радуемся.

Окончили канон, унесли в алтарь маленькую Плащаницу. Стали собираться на крестный ход. Ждем звона. Очень люблю это весеннее время: уже темно, прохладно. От земли поднимается особый запах пробуждающейся жизни. Первый полуночный звон, в который вливается и гомон разбуженных грачей. Звон поплыл над темными коробками дальних новостроек, над полями, речушками, перелесками. Около всех храмов движение. Белеет Успенский собор мощными своими стенами. Сейчас двинутся крестные ходы из всех храмов, замелькают маленькие огоньки свечек, поплывут над толпой цветные огоньки в высоких фонарях. Мы все смотрим в окна. Внизу крестный ход Покровского храма. Вышло духовенство, хор. Совсем скоро у дверей услышим: **«Воскресение Твое, Христе Спасе...»**. В этот момент святое не только святым. И нам, грешным, даже без особых чудесных переживаний, дорого и то, что доступно зрению, слуху, памяти. Слава Богу, что все это есть на земле, на нашей земле, в наше время и мы можем стоять и хотя бы просто слушать первую пасхальную заутреню и литургию. Вспыхивает в храме «Х В», зажигается все, что есть. Крестный ход в притворе, и вот уже около ажурных закрытых

створок: «*Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице...*». После «*Аминь*» хор грянул: «*Христос воскрес...*». Поют все. «*Да воскреснет Бог...*» — поют громко, бодро, весело, быстро. Вздыхают старушки: «*Слава Богу, дожили, дождались...*». Все в храме, все вместе, все рядом — духовенство, народ, хор.

Ектения и сразу канон Пасхи. Особенно люблю, когда поют: «*Предварившия утро яже о Марии...*» и усиливают: «*яко воста Господь, умертвивый смерть...*». Все так быстро, думать некогда. Уже поют «*Воскресение Христово видевшие...*». Нельзя не вспомнить тут преподобного Симеона Нового Богослова, спрашивающего каждого: правду ли мы говорим, что видели Воскресение Христа духом своим? И тут же такое утешительное: «*се бо прииде Крестом радость всему миру...*».

Хочется всем радости, без креста она не бывает — настоящая, способная исцелить все раны. И это общий закон для всех, тем более что первым здесь был Господь!

Кончается канон обращением Архангела к Богоматери: «*Чистая Дево, радуйся...*». Ее радость не отделена от радости всей Церкви, ведь мы слышим и для себя: «*людие, веселитесь!*».

Ексапостиларий в общем мажорное звучание включает минор, который смысловым акцентом удивительно подчеркивает неизбежно бодрое уверение: «*Пасха нетления, мира Спасение*». Стихиры Пасхи с громогласным «*Да воскреснет Бог...*» отгоняют дремоту, которая несколько туманит сознание. В храме душновато. Скоро будут читать «Огласительное слово» святителя Иоанна Златоуста. Если вспомнить, что его слова шли к нам шестнадцать веков, то раздвигается мир и понятие, всех единящее,— Церковь! Для себя отмечаю: «никтоже да плачет прегрешений...», и еще мне очень нравится: «*вси насладитесь пира веры*». Вроде бы — где этот пир и кто нас звал на него? Но пир веры — не пир разговенья. Пример тому — рассказ о древнем старце, пришедшем с послушником в обитель на празднование Пасхи. После службы пустынный направился в свое уединение, благословив послушнику братское утешение на трапезе. Послушник напомнил, что в их келии ничего нет, только сухари, а ведь Пасха. На это авва сказал: «*Поверь мне, чадо, что они ничего не отнимут у меня*», то есть отсутствие разговенья для него ничего не значит.

Пропели «*Славу*», тропарь Златоусту и веселые пасхальные часы. В алтаре все переоблачились и начали первую пасхальную литургию. Кажется, что вся она состоит из бесконечного повторения: «*Христос воскрес...*», но нет, все по чину: и стихи, и антифоны, только вместо *Трисвятого* — «*Елицы во Христа...*».

Прокимен 8-го гласа «*Сей день...*» звучит у ребят так, будто нет у храма стен и сводов, будто мир должен услышать и возрадоваться. Прочитали Апостол, вышли читать Евангелие. Раньше читали на нескольких языках. Не все понятно, но интересно. Напоминало о том, что всему миру (на всех языках, разумеется) проповедуется весть о Воскресении Христовом. Сейчас стали читать фрагменты первой главы Евангелия от Иоанна только на греческом, славянском и русском.

Медленно и спокойно в притихшем храме звучит *Херувимская*. Совсем скоро все пропоют *Символ веры*, «*Тебе поем...*» и вместо «*Достойно...*» — «*Ангел вопияше...*». «*Отче наш*» — и в алтаре причащаются. Народу вышли читать патриаршее послание. «*Со страхом Божиим...*» — и всем исповедавшимся дозволено причаститься. Слава Богу, что здесь не препятствуют сознавать причащение центром, смыслом и главной ценностью богослужения. Слава Богу, что большинство молящихся при сознании своего недостойнства видят в Таинстве Евхаристии **Источник Жизни**. Причастников много, причащают из трех Чаш под пение «*Христос воскрес...*». Окончив, владыка Филарет^С на солее окропляет артос, говорит краткое слово приветствия, благословляет всех крестом. Священники дают крест, хор поет стихиры Пасхи, народ движется к выходу. Не хочется ни разговенья, ни разговоров. Прилечь бы... и побыть в тишине, помолчать. Не получается ни того, ни другого. Слава Богу за то, что **главное** было — мы встретили Пасху в Лавре.

«Слава долготерпению Твоему, Господи!» Это великопостное обращение, но Пасха и Великий пост, по существу нераздельны. И жизнь — тоже пост с искорками пасхальной радости или хотя бы предощущением ее. И за все — **слава Богу!**

На колокольне

Однажды кто-то сказал, что, если повезет (кто-нибудь из знакомых поможет), могут пустить на колокольню. Никогда прежде мне не приходилось подниматься на колокольню, а тут вдруг без особых усилий пустили группку желающих на исходе Пасхальной недели — в пятницу — на колокольню в Лавре. Первый ярус высокий, но нас ведет вверх широкая лестница с деревянными перилами. Выходим на довольно вместительную площадку. Решетки с вензелями на фоне яркого голубого неба понижаются, когда мы приближаемся к ограждению. Смотрим вниз — там все заметно уменьшилось. Смотрим прямо перед собой — Успенский собор, чертоги, храм преподобных Зосимы и Савватия, Троицкий собор и Духовская церковь будто приблизились. Смотрим вверх — там высокое-высокое небо, с которого льется звон. Поднимаемся дальше. Лестница узкая, винтовая. Все ступеньки скошены, идти можно только по одному. Вместо перил — углубления в белом камне, которые помогают держаться. Мы будто ввинчиваемся в ту часть колокольни, которая гудит каждым своим кирпичиком. Звон ощущают и руки, касающиеся стен лестницы, и ноги, возносящиеся ввысь по ступенькам, и, естественно, уши. Говорили нам, что под колоколами уже ничего не слышно, что звон оглушает, что потом надо долго приходить в себя. Колокольня высока и надежна, однако кажется, что все вибрирует. Звук будто втягивает на площадку, где царствует звон. Мы выходим на свет Божий. Эта площадка значительно меньше первой. Высокие пролеты арки огорожены балясником, с южной стороны лестница, ведущая к хитрой системе веревок, перекинутых через колеса, доски, бесконечные рычажки. Все это движется, звенит, поет. В центре самый большой колокол. Язык его очень серьезно раскачивает покрасневший от усердия отец Глеб. Жмутся к краям площадки лаврские монахи, преимущественно молодые, семинаристы, чьи-то знакомые, сотрудники. Никто никого не ограничивает, ничего не говорит — слушай, смотри вокруг сколько душе угодно.

Смотришь на эти молодые лица: одни с горящими глазами смотрят вдаль, другие широко улыбаются всем без разбора, радуясь откровенно, по-детски, кто-то углубленно созерцает что-то... На маленькой деревянной лестничке и помосте, позволяющем ступать очень аккуратно и управлять всеми «партиями» мелких подголосков, командует лаврская братия, и потому сохраняется общий порядок. Желающим разрешается только раскачивать язык большого колокола. Он гудит не только здесь, но и распространяет своеобразное облако звуков вокруг. Кажется, что, входя в него, теряешь вес, отрываешься от земли, забываешь о власти мелких забот и глупых переживаний. Колокола преображают все вокруг. Подходим к пролету. Расстояние скрадывается. Огромные купола Успенского собора совсем рядом. Кажется, стоит протянуть руки — и сможешь коснуться их. Стоящие на земле — не больше муравья. Снега уже нет. Дома-коробки грязной пеной окружают корабль — церковь, в данном случае — Лавру. Дали лилово-голубые, чистые и свободные от человеческих жилищ, от дыма труб, ползущего над новостройками. На востоке угадывается Гефсимания. Золотые главки видны над вершинами деревьев. Скоро три часа. Звон остановят, чтобы пробили часы. Монахи знаками прекращают усердие желающих звонить. Мы трогаем руками самый крупный колокол. Он дрожит, замирая. Там, где его язык касается мощных боков изнутри, светлые, почти золотые пятна, а сам он весь черный. Видимо, в сплаве большой процент меди^{С1}. Пока на колокольне тихо, нельзя не вспомнить, что в 1946 году на Пасху, в самую пасхальную ночь, после двадцатилетнего молчания снова ожила Лавра, ожила колокольня, Лавра заговорила, обрела голос...

Пора спускаться. Хорошо, что удалось побывать на колокольне. День солнечный, яркий, теплый. На градуснике +15°. Теплый ветерок. Можно помолчать (под колоколами не поговоришь), поблагодарить Господа за то, что есть на свете Лавра, что были все эти годы, уже десятилетия (теперь и полстолетия), в которые мы ездили в Лавру всегда, когда могли. Много пережито, не всегда только радостное, но... над всем этим еще сияет Лавра с ее службами, колокольным звоном, мерцанием лампад у Преподобного основателя в Троицком соборе, его образом, незримым, но с детства понятным, близким, дорогим, несмотря на все мои недостатки и все недостойнство. Спускаемся. На земле смотрим снова на второй ярус. Не так-то уж высоко мы и были! Не могу сказать, что меня оглушил звон. Все, как всегда, слышно, ноги держат, и голова нормальная. А на колокольне — хорошо! Будто растут у души крылья! Не зря на Пасхальной седмице всем дозволялось от души порадоваться — позвонить на колокольне. И никто не смущался, что не все в звонари годятся. Пасха! И звон колокольный — это живой голос Церкви, весть о победе воскресшего Господа над смертью, о вечной жизни, о радости быть с Господом, которая дана всем, но обрести ее может не каждый. Звон плывет над пробуждающейся землей, и так хочется, чтобы и душа пробудилась, и вера окрепла, и радость коснулась, и надежда засветилась, залила все в душе золотым своим сиянием. Господи! Слава Тебе!

Пасхальный канон в пятницы

(от Фоминой седмицы до пятой седмицы по Пасхе)

По пятницам, начиная со 2-й седмицы по Пасхе, в Троицком соборе были удивительные службы: Пасхальный канон, обращенный к Божией Матери^{СП}. Он пронизывал собой все, пелся по подобию Пасхального канона. Сразу же, прислушавшись, захотелось иметь перед собою слова, чтобы не одно сознание, что это — воззвания к Божией Матери, но и смысл их приближал радость: помнят здесь о посещении Богоматери, помнят целых шесть веков! Пока вникаешь в первые строки (мелодия «скачет» быстро, как горная река, сверкая на солнце), уже слышно: «*Се Пречистая грядет...*». И совмещается несовместимое: древняя деревянная изба-келия, сияние неземное, окружающее Приснодеву, старец Преподобный, склонившийся перед Ней в молчании и трепете, и — собор в сиянии множества свечей, лампад, бликов на серебряной раке Преподобного и в окладах икон. Тишина той обители — и многолюдность теперь, треск лучин тогда — и могучий юношеский хор сейчас. Дай Бог, чтобы самое ценное, глубинное выражалось одним: верой, любовью, преданностью. Странно, но про этот канон не все знают. Еще более удивительно то, что о нем не говорят не только где-то, но и в Лавре. Его надо для себя открыть, надо найти текст, надо в него вчитаться, чтобы содержание растворилось в пасхальной радости не только пасхальных недель, но и живого ощущения того, как жива в душах, пусть некоторых, не всех, память о посещении Богоматери, об обещании Ее хранить обитель, о молитве Преподобного основателя, обнимающего на века вперед и будущих насельников, и будущих паломников. В конце канона призыв: «*Приидите, монахов множества, исполнимся Божественного благоухания, заступлением Божия Матери...*» звучит как клич, но как исполнить, если нет живой памяти и стремления ею жить? Но не у всех же нет. Стоим, слушаем... Пусть нас не так много, как хотелось бы, но поют учащиеся, поют краски икон, поют стены и своды хвалу Богоматери, когда-то благословившей эту землю, эту обитель, всех нас — бывших, сейчас стоящих и еще только собирающихся сюда приехать.

По дороге

От отпуска осталось несколько дней специально для отдания Пасхи и праздника Вознесения Господня. Тянет в знакомые леса Подмосковья, особенно в ближайший к Лавре, откуда видно сияние креста на колокольне и слышен звон. Под праздник, которым кончается Пасха, иду лесом к озеру и дальше — в Лавру. Тепло, тихо, людей мало — рабочий день. Пробираюсь ельником, поглядывая на дорожку. Такие привычные, всегда

по-разному радующие места. На пути попадаются нежно-лиловые глазки фиалок. Совсем низкие и с вытянутыми стебельками на кочках, они будто специально смотрят, прямо заглядывают тебе в лицо, уверяя, что украшают землю к празднику. С легкой грустью думается о том, что кончается Пасха. Жаль это время, всегда жаль, хотя и знаешь, что никогда она не кончается. И если в храмах кончают петь, то в душе она может быть всегда. Может, но не всегда бывает. И так хочется получить от Господа что-нибудь радостное, пережить что-то особенно волнующее, светлое, нездешнее. Время еще есть, и я устраиваюсь на солнечной полянке под елкой почитать акафист. Читаю, почти не глядя в молитвенник, смотрю во все глаза на зелень, пронизанную теплым солнечным светом. Вместе с ним незаметно, но вполне ощутимо в душу проникает удивительное живое ощущение того, что говоришь: «Господи...» — **и Он слышит!** Пусть на миг, но оживает чувство **присутствия** Божия. Никаких чудес не надо, только б никогда не кончалось это... Знаю, что вот-вот пройдет, кончится, все станет как всегда. Не хочется уже ни о чем думать. Затаив дыхание иду, боясь резким движением или минутным отвлечением спугнуть это чудо. В этом чутком безмолвии, в этой хрупкой мимолетной красоте земли, в мгновенном касании нездешнего света **Господь близ**. Здесь **это** пройдет. Даже должно пройти, чтобы **там**, по милости Божией, не проходило. Трудиться надо для этого много. Молиться, трезвиться, терпеть, ждать... и не унывать.

На Троицу

19 июня 1994 года

На Троицу, как известно, земля именинница. Эти именины, а главное, конечно, такой праздник влечет в обитель Преподобного, не зря названную Домом Святой Троицы. Хорошо бы, конечно, пройти остановку пешком по пути к Лавре, помолчать, послушать шум листвы, шелест трав, подумать — словом, отключиться от городской суеты... Не всегда получается так, как хочется. Главное — попасть в Лавру на службу, а остальное и потерпеть можно. Конечно, надо готовиться. Службу почитать бы... Времени, как всегда, в обрез, и могу успеть лишь прочесть паремии, до того как они зазвучат в Лавре. Главное, не пропустить бы без внимания то, что поможет понять труд владыки Виссариона (Нечаева)^{СIII}, посвященный как раз разбору паремий. Благодаря ему начинаешь понимать, что события ветхозаветных времен не просто похожи на знакомые нам, они включены в нашу жизнь, жизнь нашей Церкви и призваны многому научить нас. Паремиям не везет: о них не вспоминают в проповедях, к ним не обращаются за примером, их читают, «раз положено», и этим ограничиваются. Может быть, поэтому, перечитывая их перед поездкой в Лавру, чувствую неодолимое желание записать то, что при чтении обращает на себя внимание. Интересно: каждая паремия преподносит три урока, или вывода. Наскоро их записываю, зная по опыту, что они могут весьма скоро улетучиться.

И вот «Числ чтение» — первая паремия⁶³. Сразу речь идет о выборных. А до этого? До этого был бунт. Глубоко оскорблен и возмущен был Моисей, взявший на себя тяжесть руководства своенравным и непокорным народом. Чем они были недовольны, чего хотели? Они на пути в землю обетованную, но нет у них привычной вкусной и разнообразной пищи, к которой они привыкли в Египте. Нет, они не голодают, они не изнурены заботой о хлебе насущном, им дается манна. Она удовлетворяет их, но... она приелась, надоела, хочется более острого, вкусного, разнообразного. И вот теперь, так много столетий спустя, можно услышать в этом древнее **предупреждение**: дар Божий — **свободу** — умей ценить, не меняй на рабство, хотя бы и с вкусными, разнообразными яствами. И еще шире: мы все, каждый, стоим перед выбором: или Бог — и в Нем свобода от пленения души землей, или удобства, богатство, разнообразие в удовлетворении своих прихотей — и рабская зависимость от этих самых прихотей. Кто выбирает Бога — с голоду не умрет. Бог будет светить ночью и закрывать от зноя днем, но Он не избавит от подвига. Двигаться (и «подвиг» — того же корня) надо самим. И каждому. Почему на

---

⁶³ Чис. 11.— *Ред.*

Троицу об этом напоминают? Может быть, теперь особенно стоит подумать о том, что опасно менять местами главное со второстепенным. Так легко незаметно для себя пристраститься к привычному и забыть о цели, то есть сдаться в плен врагу и удалиться от Творца. А Он ищет **свободного** человека, а не раба страстей и привычек. Второе, что обращает на себя внимание, это образ Моисея. О нем говорят предыдущие строки, в паремии не вошедшие, но без них не все ясно. Он раздражен малодушием своих соплеменников, мелочностью их интересов. Почему он так переживал? Он жаждал заечь в народе **радость** быть народом Божиим и жить под Его водительством. Сам он знал это опытно и от души желал всем соплеменникам. Эта горячность, ревность по Богу, стремление каждого увлечь ввысь, чтобы все смогли поднять свой взор к небу, оторвать от земли свои мысли и желания, — уже дары Святаго Духа, которыми отмечен был Моисей еще в ветхозаветный период. И третье, что хочется отметить, слушая первую паремию, — это трепетное отношение к дарам Божиим, свободное от всякого сознания своего превосходства или желания выделиться, возвыситься над другими. Когда избранные из всех колен получили дары Духа Святаго, то двоим повелели отделиться, вернуться в стан. Моисей защитил их, решив очень просто недоумение Иисуса Навина: если Бог дал Свой дар, как можно запрещать пророчествовать только потому, что общее число избранных не совпадало с замыслом (надо было семьдесят человек, а если по шесть из двенадцати колен, то получится семьдесят два — потому и двое лишних в числе избранных его помощников)?

Вторая паремия⁶⁴ — пророчество Иоиля — напоминает о страшных испытаниях для каждого человека и целого народа. Испытывается вера и преданность. Голод, пугающий всегда, во все времена, попускается Богом как принудительный пост, цель которого — проверить каждому себя: какое место в своей жизни он оставляет Богу.

Обещание через Пророка **всем** обилия даров Святаго Духа — и радостное (что **нет** ни для кого препятствия, кроме собственного нежелания), и ответственное. Спросишь себя: а я знаю опытно действие Духа Божия в своей жизни? Если не спешить с ответом, то можно сказать: не всем так чудесно открываются дары Духа Святаго, как Мотовилову^{CIV}, но хотя бы в какой-то мере их знают многие. К сожалению, неблагодарность многим мешает оценить эти дары. Больше понимаешь, когда теряешь, а тем более — если не поспешишь с покаянием, то наполнится душа таким тяжким духом, который все знают по опыту и от которого сохрани Бог. Конечно же, о чем еще нельзя не подумать при чтении паремии — это о Страшном дне Господнем, который для всех будет экзаменом за прожитую жизнь. Страх осуждения в такой момент будет снят, как грязный полог, **призыванием** имени Господня. Этот ветхозаветный призыв к молитве Иисусовой, да и вообще к молитве, услышать под Троицу — тоже напоминание о даре молитвы — весьма ценном даре благодати Святаго Духа, который дается ищущим Господа.

Последняя на этой всеобщей паремии⁶⁵ — слова другого пророка, Иезекииля, о возвращении из плена Вавилонского. Опять сопоставление: плен — грех, свобода — очищение. Плен всегда действует раз-вращающе, поэтому потребность в очищении должна предшествовать свободе от чуждого ига, в данном случае свободе души от плена страстей. Это — на все века. Потому и речь **о чистой воде** в пророчестве звучит как призыв к покаянию, к обновлению, к молитве, которая низведет от Бога силы жить чисто и свободно. И тут же мы слышим такое желанное обещание от Бога коснуться наших каменных сердец. Они окаменели без влаги, как земля, давно выжженная зноем и неспособная взрастить что-либо. Нужна обильная, щедрая, как ливень, благодать Божия, чтобы обновить окаменевшие сердца наши. Блаженный Феодорит^{CV} замечает, что способность откликнуться, отозваться, почувствовать силу Божественных слов — тоже дар благодати Святаго Духа. И еще одно замечание Пророка не упустить бы: он говорит, что соблюдение условия: **Вы будете Моими людьми, Я же буду вашим Богом** даст душе

⁶⁴ Иоил. 2.— *Ред.*

⁶⁵ Иез. 36.— *Ред.*

мирное, ровное, устойчивое чувство **довольства** (не самодовольства!). То, что большинство из нас испытывают постоянное раздражение, возмущение, требовательность (к другим — не к себе!), — словом, недовольство, говорит как раз об утере этой внутренней связи: Ты — Бог мой, и я — раб Твой!

Наскоро записав эти мысли, в общем-то, давно знакомые, но не связанные так с праздником Святой Троицы, с дарами благодати Святаго Духа, с паремиями праздника (а понимание связи — тоже милость), спешим на электричку. Суббота, народу много, хорошо бы успеть занять место и посидеть. Успели. Можно смотреть в окно и радоваться торжеству цвета и света. Свежая зелень, омытая недавними дождями, пронизана солнцем. Красота родного Подмосковья всегда напоминает слова отца Павла Флоренского: «Дух Святой открывает Себя в способности видеть красоту твари». Он видел те же леса и полянки, те же речки и низины. Не они ли вдохновили его сказать это? Красота, которую мы видим, кажется, никого не оставляет равнодушным, но в этом есть еще одна тонкость: красота земли и неба, творения и Творца **иначе** касается одухотворенных душ. Но как бы, в какой бы мере она ни касалась — за любое мгновение этого касания мы должны благодарить Господа, Создателя красоты и душ наших, на нее отзывающихся.

Добрались до Посада. Как хорошо, что снова звучит это давнее название: **Сергиев Посад**. Мы спешим в Лавру попытать счастье, и оно нам улыбается: двери в Троицкий собор открыты. Слава Тебе, Господи! Приходи и жди начала службы каждый желающий. Здесь в этот день так не всегда, потому и воспринимаются открытые двери как радость, как праздничный подарок. До начала всенощной еще час, можно спокойно стоять и смотреть на иконы, убранные цветами, на огоньки лампад, мерцающие среди зелени молодых березок. Ими украшена солея и столбы. Народу не очень много, все стоит свободно, спокойно. Многие склонились к молитвенникам. Мы следуем их примеру. Мне еще до этого удалось прочитать проповедь владыки Антония Сурожского на день Святой Троицы. В ней понравилось то, что Владыка подчеркнул нашу **отчаянную** необходимость в осенении Духом Святым. Вообще-то, мне редко нравятся проповеди в этот и в Духов день. Кажется, что не хватает в них огонька или соли... А может быть, это в моей душе их не хватает? Если бы меня кто-то спросил: чего же ты хотела бы услышать? — смогла бы четко сформулировать? Думаю, что ответила бы так: хотела бы услышать, **как** приблизиться к такому состоянию, которое дает в душе место Святому Духу. Беседа с Мотовиловым кое-что приоткрывает, но не все. И Мотовилов говорил преподобному Серафиму, что не знает, как определить — в Духе ли Божиим сейчас душа... Преподобный объяснять не стал, помолился, и все стало ясно Мотовилову, ярко и живо пережившему наитие Святаго Духа. А нам как? Об этом не говорят в проповедях. Да и трудно, конечно, говорить об этом. Личный опыт важен — и говорящих, и слушающих.

Задвигались служащие, учащиеся пришли петь. По всему видно, что будет служить Патриарх^{CVI}. Духовенство вышло его встречать. Странно: в такой праздник собор, в общем-то, небольшой, кажется просторнее, вместительнее. Косые лучи солнца пронизывают купол. Такая красота! Такие здесь иконы! Очень люблю здешнюю Одигитрию^{CVII}, которую, правда, больше знаю по фотографии. Видеть ее можно лишь вблизи и при хорошем освещении. Наверное, потому здесь находится именно Одигитрия, что в келии Преподобного в числе его молельных икон была тоже Одигитрия (конечно, меньшего размера). К счастью, она и образ святителя Николая уцелели, дожили до наших дней. А здесь, у местной иконы Матери Божией, особенный, запоминающийся лик: сочетание глубокого покоя, мудрости, ясности и простоты. Все вместе сливается в ощущение надежности. Только б молиться! Слава Богу, что можно снова и снова видеть это, вслушиваться, впитывать кто сколько может. Под звон лаврских колоколов начинается всенощная. Народ собрался, но давки не было. Мы стояли у левого столба, хор рядом. Мощные молодые ребячьи голоса, как стеной, загородили, защитили от того мира, где остались не всегда радостные воспоминания, заботы, дела, суета. Все это подождет. Сейчас перед нами замечательный иконостас с древними иконами, напоминающими

недоступный иконостас Благовещенского собора в Кремле, сейчас здесь другая жизнь. Светится тысячами бликов от пылающих на подсвечнике свечей серебряная рака преподобного Аввы. Кажется, от нее струится свет, высветляя даже ближайшие (в верхнем ярусе) иконы. Икона Святой Троицы — хорошая копия с подлинника преподобного Андрея Рублева^{CVIII} — украшена цветами. Много их и много зелени всюду. Свет золотой — от свечей, лампад и свет небесный — солнечный говорят всякому, способному видеть и прислушиваться: **быть** в Церкви — великое счастье! Даже просто стоять и по силе вникать дай Бог всем, того жаждущим, а **жить** тем, чем живет Церковь, — тем более. В этот день — день Святой Троицы — празднуется основание Церкви, ее день **рождения**. Совсем скоро все собравшиеся после пасхального перерыва запоют «*Царю Небесный...*». Как радостно снова все это видеть и слышать. Отец Владимир Назаркин запекает, и храм подхватывает: «*Царю Небесный...*». Всенощная пролетает мгновенно. Стараемся вслушиваться в чтение канона. Впереди начинается движение — идут прикладываться. Поредет там народ, станут пускать и всех остальных. Мы не спешим, зная по опыту, что приложившихся сразу же выдворят на площадь. Из канона мне особенно нравится тропарь, содержащий слова: «*разлучения вам не будет, о друзи! Аз бо на Отчем вышнем Престоле соседу, излию Духа, возсияти желающим благодать независтную*» (песнь 1-я). Хорошо бы, конечно, предварительно перечитать всю Службу, все «пожевать», но годами это желание так и отодвигается в область мечты. В Службе можно найти ответы на многие вопросы, но надо для этого много собранности, настойчивости, терпения... и все-таки подходящих условий. Без них тоже многого не добиться. Пришло время и нам двигаться к выходу. Прикладываемся и выходим. Направляемся в Успенский — там служба еще во всю. Постоять немного можно, потом идти на ночлег, чтобы не заставлять ждать. Рано утром снова в Лавру. Странно — свободно пускали в Троицкий собор, чтобы желающие могли приложиться к Преподобному. Мы идем в Академический Покровский храм. Там одна литургия и сразу вечерня с молитвами святителя Василия, которые читают «*преклоньше колена*». На литургии антифон праздника обещает: «*Услышит тя Господь в день печали...*». Казалось бы, о чем печалиться в такой праздник, если ты в Церкви? Наверное, о своем состоянии — о запущенности, суетности, рассеянности, о своих бесчисленных грехах и греховных привычках? И об этом же говорит Святитель, Церковью не случайно названный Великим: «*Помяни нас, смиренных и осужденных, и возврати пленение душ наших (избавь от плена)*». Среди самых изысканных определений: «*Нескверне, Безначальне, Невидиме, Непостижиме...*» (апофатическое богословие^{CIX}) звучат такие понятные всем слова: «*исчезоша в суете дние наши, обнажихомся Твоя помощи, лишихомся всякаго ответа...*». И дальше такое нужное: «*Посети нас благостию Твоею, избави нас от насильства диаволя*». Теперь это «*насильство*» переходит все границы, мучит едва ли не всех. Но более других прошений по душе одно из заключительных: «*всех собери в Твое Царствие*». Меняются священники, читающие частями эти длинные молитвы. Весь храм на коленях. Кончилась служба и здесь, выходим. И опять тот же вопрос: вот не по тебе проповедь, а чего же ты хочешь? Хочу услышать о том, что все мы, сознаем или нет, но живем и движемся — все вместе и каждый в отдельности — **силою и действием** Святой Троицы. Это трудно объяснить, трудно понять, тем более пережить, но говорить об этом надо. Может быть, хоть кто-нибудь (хотя бы из будущих «отцов») задумается, просто запомнит на первых порах, удивится, захочет узнать об этом побольше. И то, что «*Царь Небесный*» — **жизни** Податель, тоже достойная тема для дня Святой Троицы. И то, что **стяжание** Святаго Духа — цель жизни каждого христианина, — тем более. И почти никогда ни слова об этом не услышишь. Считается, что это само собой разумеется? Или все это давно знают? Сомневаюсь. И примеры здесь нужны, простые и запоминающиеся. Какие? Если постараться обратить внимание на то, как Господь действует в жизни не только святых, но и обычных, только не безразличных людей, то можно собрать не так мало примеров. Даже не задумываясь можно назвать книгу об отце Арсении^{CX},

воспоминания архимандрита Спиридона «Из виденного и пережитого», появившиеся впервые в печати в 1917 году в «Христианской мысли»^{СХI} «Мемуары» архиепископа Луки^{СХII}, книгу архимандрита Софрония о старце Силуане^{СХIII} и много других. Кто не может по молодости и малоопытности сразу вспомнить что-то подходящее, заслужил бы искреннюю благодарность слушающих, если бы рассказал об особенностях Службы, обратил бы внимание на то, что поется и читается, поделился бы своим переживанием, своей радостью о том, что дает нам Господь через Свою Церковь. Главное — позаботился бы кто от души и увидел в пришедших на праздник не безликую равнодушную толпу, действительно в большинстве своем невежественную и охладевшую ко многим «вечным» истинам, но прежде всего людей духовно немощных, пищи духовной требующих (даже если этого и не осознают). Где еще, если не в Церкви, услышать им «слово», Духом Святым Животворным пронизанное? Но это уже другой вопрос, всегда открытый и всегда обращенный к себе прежде всего: так ли живешь, чтобы Дух Божий осиял твою душу и мог коснуться кого-то, с кем ты общаешься?

Возвращались мы на свое место, на свои дела, радуясь и благодаря Бога за то, что побывали в Лавре и что празднику этому отведен не один день. Нужно время, чтобы впечатления прижились, вошли поглубже в душу, закрепились памятью.

Слава Богу за все!

Троица

11 июня 1995 года

Как всегда — волнения, мысленное обращение: «Господи, помоги, чтобы ничто не помешало попасть на праздник к Преподобному!». И к нему тоже: «Аввущка, устрой, чтобы ничто не задержало!». Вполне реальные тревоги: Ольга Николаевна^{СХIV} чуть жива. В любой момент все планы и желания могут рухнуть. С замиранием сердца жду момента, когда щелкнет замок и мы двинемся в путь. Появляется какая-то ясность. На улице страшная жара. В электричке разморило, продремали всю дорогу. В Посаде небо посерело, закапали первые крупные капли дождя, расплывшиеся на горячем тротуаре, потом припустил дождик, и мы даже некоторое время постояли под густым старым тополем. Конечно, он скоро кончился, но воздух стал чище и свежее, прибило пыль, полило огороды к празднику. Мы спускаемся узким и крутым переулком, даже выбирая, где ступить, потому что веселые ручейки разлились в удобных им местах в широкие лужи. Мы идем в Лавру с запасом времени: неизвестно, что придумают распорядители и блюстители порядка, пустят ли в Троицкий собор. В этот день хочется попасть именно сюда. Смотрим — открыты все входы: и в притвор, и в храм. Что за чудеса? Не вдаваясь в ненужные рассуждения, входим в собор и сразу налево — там чуть прохладнее: окно вверху и дверь для духовенства, хора. Душно, конечно, но было бы еще тяжелее, если бы не было этого дождичка, прямо Преподобный покропил. Все как-то устроились, ждут службы. Хорошо, вообще-то, приходиться в храм до начала службы — прийти в себя, собраться с мыслями или отрешиться от тех, которые мешают думать о предстоящем славословии Святой Троицы. Смотрю с жадностью на давно знакомый иконостас, большие иконы на столбах. Перед нами как раз икона «Сошествие Святаго Духа на Апостолов». Почему такое состояние? От желания сначала видеть, потом слышать службу и еще не прошедшего страха лишиться всего этого. Вспоминаю всегда в это время, как в детстве, в самом начале своего второго десятилетия, искала в иконе «смирение». Анюта сказала, что есть в Троицком соборе икона, где само смирение явлено миру. Вот и искала, где оно, это смирение. Не так-то легко его заметить. Почему-то мне показалось, что огненные Херувимы, окружающие Новозаветную Троицу на огромной иконе правого столпа, хврят его в себе.

Конечно, имелась в виду «Троица» Рублева, но мне в те годы было это трудно понять. Теперь снова, как много раз в жизни, вижу «Троицу», пусть не ту, рублевскую, но очень хорошую копию. Вижу — всю в цветах, вижу через привядшую листву

молоденьких березок. Пахнет пионами, которые стоят на солее, травой, березками, — словом, Троицей. Слава Богу, что мы здесь. Где бы я ни была — везде будет чувство неполноты, недостаточности... Здесь, и только здесь, чувствуешь себя так, как может быть лишь тогда, когда ничего другого не надо, никуда больше не тянет. Здесь — всё. Не говоря о внутреннем — да и нельзя о том говорить, оно слишком индивидуально, каждому в свою меру отпущено, — нельзя не говорить о всем доступном. Храм Святой Троицы поистине храм **Красоты**. Не зря красоту считают одним из выражений, явлений Бога человеку. Архитектура, иконы, богослужение — все прекрасно. А в этот праздник — тем более. Могущественная, на века созданная рукотворная красота дополняется хрупкой, быстро вянущей, но живой красотой земли. И серебряные блики, позолоченные мерцанием свечей, зелень берез поют душе чуть слышно, но вполне доходчиво: «*Царю Небесный...*». Еще не произносишь этих слов прежде общего пения, но они где-то совсем рядом. Как хорошо, что наши одухотворенные предки любили, понимали и творили эту красоту, которая как-то отодвигает наши будни и помогает отложить шатание тревожных мыслей и всего ненужного, чего так много в жизни. Кстати и рассказы о паломничестве на Синай, особенно у Валерии Алфеевой^{СХV}. Они приближают горы, слышавшие голос Божий. Но тогда — в огне и буре, теперь же ждем *глас хлада тонка*⁶⁶. Теперь мы знаем: чтобы его услышать, надо до конца или хотя бы до возможного для каждой души предела забыть, выбросить, отказаться от своего «я», то есть признаться, что больше я уже ничего сделать не могу. Все, что было в силах, сделано, что можно было глупостью и гордостью испортить — испорчено. Теперь «Ты, Господи, можешь разбитое собрать и восстановить, испорченное исправить, все мучительное и вредное обратить на пользу...». Только Бог может, и Он делает. В этом и вера наша: доверить Ему исправление нами разрушенного и не усомниться, что Податель жизни сумеет это сделать лучше, чем мы можем мечтать. В этом и основание мира души: ненужного, вредного Господь не попустит, а попущенное сможет чудесным образом исправить: и дела рук наших исправи⁶⁷! В этом и возможность самого желанного утешения: Господь знает **каждого** человека и ведет Сам тем путем, какой находит для него более всего подходящим... Одно для всех неизбежно: всякое опытное знание доходит лишь тогда, когда обстоятельства хорошенько пообтешут.

Мысли эти, беспорядочно возникая и меняясь, мгновенно сдуваются ветерком. Начинается звон. Просто слушать его, смотреть на все, ни о чем не думать — и то подарок на праздник. Слава Богу, мы его получили. Вместе со звоном вливается в собор суета: мелькают иподиаконы, дежурные, бегают отцы. Будет служить Патриарх, надо все держать в порядке. Патриарх, видимо, уже входил через Никоновский храм, а хор молчал. Надо петь тропарь. Кто-то двумя руками отчаянно напоминает об этом регенту. Запели не очень стройно, но это не вызывает досаду: молоденький студент небось в первый раз в такой роли, немудрено и забыть от волнения. Но главное, что будут петь ребята, а не профессионалы и специалисты. Пусть где-то собьются, но это поправимо. Есть среди них люди искренние и любящие богослужение, отсюда и характер звучания. В общем — пропели вполне подходяще, хотя иногда и не совсем так, как хотелось бы. А как хотелось? Например, услышать концерт С. А. Дегтярева «*Преславная днесь видеша вси языцы...*». Сил хватило бы, спевок, наверное, нет. А работы с ним много, зато когда поют, например: «*и вси начаша глаголати...*», ощущаешь волновое движение мелодии, получившей свой импульс от почти видимой вспышки — язычка Божественной энергии, претворившей «рыбарей» в Апостолов. Далеко не всё из «концертов» мне нравится, но кое-что — несомненно. Удивительно то, что формы, меняясь, могут вмещать **неизменное**. Служба быстро движется к своему завершению. Здесь хочется, чтобы она замедлила ход, но это решаем не мы. Мы даже тянем время, не спешим подходить к помазанию, потому что тогда нас тут же выставят за дверь. Очень хотелось бы, чтобы отец Владимир, как раньше, после чтения Евангелия обернулся к народу и вместе со всеми запел «*Царю Небесный...*».

⁶⁶ 3 Цар. 19, 12.— *Ред.*

⁶⁷ Пс. 89, 17.— *Ред.*

Он был на службе, но «Царю Небесный...» пел хор, и не так дружно и на подъеме, как ожидалось. Что еще осталось в памяти? Светлый, теплый, радостный вечер, гаснущий закат, огромный Успенский собор рядом, исповедь в нем. На исповеди говоришь свои грехи, увы, повторяющиеся, и вдруг слышишь: «И у меня так бывает». Бывает или нет, может быть, священник говорит это в ободрение, но правда хочется сказать все, не заботясь о том, как воспримется. Простое человеческое сочувствие и понимание рождает желание стараться исправлять в себе все, что мы в силах исправить. Какое великое чудо дал нам Бог — Церковь и в ней — Таинства!

Утром, когда уже тепло, но нет еще тяжелой жары, в Успенском поет хор отца Н. Где угодно он бы сошел, только не в Лавре и не на Троицу. Почему-то от него веет таким деревенским приходом, что мы идем в пустой пока Троицкий. Десяток студентов спели бы куда более подходящим для этого образом. Ничего против прихода не имею, но не в Лавре!

В Троицком служат молебны, все преграды разрушены — иди прикладывайся к Преподобному каждый, кто хочет. Постояли у Преподобного, пошли в Академический храм. Хочется, чтобы в такой праздник стройно звучал хор, именно **славя** Святую Троицу, чтобы хор вел за собой, поднимал душу ввысь.

Открыли храм пораньше, мы могли устроиться у окошка. Важная деталь. Пока не началась служба, можно с высоты второго этажа видеть рассыпающиеся и осыпающиеся кусты пионов, зеленеющий подстриженный газон, разноцветные кусты у ограды, слышать крики грачей и галок. И все это вместе объединено одним общим сознанием: мы в Лавре! В толпе мелькают очень хорошие лица. Среди служащих обращает на себя внимание лицо скромно присутствующего, не сослужащего даже епископа Василия. Может быть, он будет служить позднюю. Ничего не скажешь — человек только прошел, только стоит в храме — и уже как-то иначе, праздничнее становится на душе. И это — при полном отсутствии всякого общения. Да, много значит все-таки личный пример. В Церкви значение личности возрастает. Прошло время, кончилась и литургия, и вечерня. Надо, как всегда, спешить домой. В электричке спим, думая сквозь сон: теперь только Ты, Господи, можешь сотворить чудо. Хочется, чтобы и в наших несогласиях светлый лучик, пусть незримый, каким-то образом подействовал и оплавил острые углы несовпадения наших желаний. Бог это может. Только Бог и может. Все человеческие силы исчерпаны, а жить и терпеть надо еще и еще. Господи! Помоги! Без всякого внешнего изменения внутри что-то, видимо, подвинулось. Возможно, Бог дает передышку. И за это слава Богу! Она бывает совершенно необходима... Слава Богу за все! За все, что позволило нам быть в Лавре, а если мы не умеем ценить это в полной мере — прости, Господи, и помоги исправиться. А как же обещанное Богом: *излию от Духа Моего на всякую плоть*⁶⁸? Паремии напоминают это обещание, но ведь хочется на деле, в своей душе, в жизни своей почувствовать жизненность и вечную действенность этих слов. Сказать, что знакомо действие Духа Божия, особенно почитав преподобного Симеона Нового Богослова, не решишься. Сказать — не имею понятия о таком знакомстве, как говорили Апостолам (в книге Деяний), — не будет ли это самой черной неблагодарностью? Как соединить вроде бы несоединимое? Пророк, каясь, просил: *Духа Твоего Святаго не отыми от мене*⁶⁹. Значит, в покаянии самое **явное** откровение душе Духа Святаго. Об этом же писал и святитель Феофан Затворник. И если в праздник любой душе станут виднее и противнее, ненавистнее свои грехи, значит, Бог дал это как милость. Значит, лучик Божественного света упал и хотя бы на миг осветил греховную бездну. Дай Бог, чтобы понимание этого укрепляло надеждой на заботу Творца о каждом из нас и душу нашу, защищая от расслабления, уныния и лени. Это **подарок**, достойный Бога, и он дается нам, потому что без него мы бы не смогли ни понять свою греховность, ни раскаяться в ней. И еще

⁶⁸ Иоил. 2, 28; Деян. 2, 17.— *Ред.*

⁶⁹ Пс. 50, 13.

милость, если встретишь священника, который в немногих словах сумеет это почувствовать, понять и простить именем Божиим.

Слава долготерпению Твоему, Господи!

Розы на Владимирскую

1990 год

В этот раз была возможность под праздник быть в Лавре на всенощной, остаться ночевать в Посаде и утром пойти на литургию. Вечером стояли в Покровском храме. Служба хорошая, Владимирская икона Божией Матери — самая любимая. А вот голова моя плохая, еле держится. От духоты нехорошо. После службы идем теплым вечером через Березки. Решили проведать А. Н., принести ей воды из колонки. У нее была дочь, воды наносила. Посидели на террасе, поговорили для приличия о политике (пришлось говорить о выступлении Э. А. Шеварднадзе, отвечать К. на вопросы...), стали прощаться. Дали нам пучок зеленого лука, несколько вареных картофелин, и К. срезала нам несколько роз. Замечательных, классически розовых, крепких, крупных. Таким место только в раю. Мы идем ночевать. Еще светло. Пока самые светлые вечера и есть возможность не спешить, идем медленно и молча. Нам обоим трудно, потому и не говорится. Общая наша боль и тягота от слов не ослабевает. Знаешь, что одно спасение в таком случае — терпение, но трудно... Около четырех просыпаюсь, вспоминая, что праздник любимой моей иконы, что мы скоро будем в Лавре на службе и что у нас есть розы. Они пахнут нежно и трогательно. В их запахе слабенький лучик надежды. На что? На милость Божию, на помощь Царицы Небесной... Идем в Троицкий собор к Преподобному. Впереди пусто. Стоим у входа в нерешительности. Прошел приложиться отец Матфей, возвращаясь, пригласил: «Уже открыто». Он шел начинать литургию. Редко его приходилось видеть служащим в праздник. Но вот и служба к концу. Вышел отец Н. В его проповеди был рассказ бывшей сотрудницы Третьяковской галереи, которая еще до революции ходила в Успенский собор Кремля и помнила, с каким благоговением относились все к Владимирской иконе Божией Матери. Когда собор закрыли и икону без ризы, без всякого уважения поставили в запасник, она не могла успокоиться, все думала о том, как бы так сделать, чтобы икону поместить в действующий храм. Поговорила с начальством — не против (это было еще до ее реставрации). Поговорила со священником одной из церквей (не говоря, о какой именно иконе она хлопочет) — и он не против. Стала усердно молиться Матери Божией, прося открыть ей Свою волю. В последнюю ночь перед тем, как она хотела передать икону в храм, видит во сне эту икону и понимает, всем существом ощущает, что Матери Божией это не угодно. Просыпается с мыслью: если так — пусть все остается как есть. И успокаивается на этом. Через некоторое время узнаёт, что тот храм, куда она хотела отнести икону, взорвали ночью... Владимирская икона Божией Матери до сего дня находится в Государственной Третьяковской галерее. О ней пишут книги и статьи, печатают снимки. С ней знакомится весь мир — читающий, неравнодушный к красоте мир, оторванный от Церкви. Ему Она светит этим образом, чтобы окончательно не заблудился.

После службы можно поставить розы перед фотографией этой иконы, которая с XII века известна на Руси, любима и особенно почитаема. Розы вытерпели дорогу и службу, даже не привяли, стоят во всей красе и струят тонкий аромат. Боль в душе притупляется, но до конца не проходит. Читаю канон монаха Феостирикта^{CXVI}, прошу его словами: «*Радости мое сердце исполни, Дево...*», зная, что до радости еще далеко. Хотя бы терпимо было. И все-таки острие боли сломлено. Слава Богу и благодарение Царице Небесной! Не сразу затянутся старые раны, но было бы неблагодарностью сказать, что все так и осталось беспросветно темным и горьким. Мне тяжело, потому что это связано с другими, потому что видишь одну за другой победу не просто безрассудства, самолюбия или чего-то еще, но хитрого, сильного, злобного противника Божия, который легкомысленно вьет из нас веревки и торжествует победы. Мы горды и самолюбивы — не удовольствие ли это ему?

Кто нам поможет и защитит? Разве только Владычица Милостивая... От сознания вины и ошибок несладко, но можно молиться, просить прощения и помощи. Хуже, если других винишь. Пусть еще не радость, но просишь помощи и чувствуешь, что где-то глубоко намечается трещинка, будет перелом, минует кризис, ослабнет боль, поможет Господь по молитвам Своей Матери. Гляжу на прекрасные розы, которые, хочется верить, дал Бог как знамение надежды, дал для ободрения, укрепления в терпении. Дал, чтобы не падали духом, в молитве не ослабевали.

Пресвятая Богородица, помоги нам!

Отпевание

8 июня 1991 года

На первой неделе Петрова поста внизу при входе в Покровский храм появилось крупно и четко написанное сообщение о том, что в субботу, перед празднованием памяти всех Русских святых, Патриарх благословил совершить отпевание погибших в лагерях, ссылках, тюрьмах в годы репрессий. Наконец-то! Слава Богу, что это будет открытым, всенародным отпеванием тех, кто и не мечтал, что о них когда-нибудь вспомнят. И вот дожили! Теперь думаем: давно пора, а несколько лет назад и мысли такой допустить не могли. Слава Богу, что это стало возможным. Слава Богу, что мы можем присутствовать при этом. Патриарх благословил совершить отпевание архиерейским чином, учитывая большое число архипастырей, погибших «от Петрозаводска до Магадана, а также в Сибири и Казахстане». Об этом писала Анна Ильинская в документальной повести «Соловки»^{CXVII}: «Мученики хотят быть замоленными, отпетыми, они просят у нас поминовения». Сейчас уже изданы книги Б. Ширяева^{CXVIII}, Никифорова-Волгина, В. Шаламова^{CXIX}, С. Волкова^{CXX}, протоиерея Михаила^{CXXI} и многих других, писавших о погибших на бескрайних просторах Родины. И вот все они, чаще всего не ведомые стоящим в храме, внимают незримо торжественному отпеванию, какое редко кто из них слышал при жизни. Его предварило слово Владыки ректора, сказавшего о благословении Патриарха и о значении этого для верующих в наше время, когда множатся разделения... Мне кажется, что не так страшны сами разделения, как причины, вызвавшие их. И еще кажется, что в такой момент надо подумать и даже сказать, что молитва Церкви о стольких загубленных, замученных — не только молитва для них как наш долг их памяти, но и напоминание нам всем: **страшно от умножения беззаконий**, за которые **иссякает любовь**⁷⁰! От этого умножения тысячи, даже десятки, а может быть, и сотни тысяч дошли до озверения, до потери человеческого образа. Читая об издевательствах, изощренных пытках, нельзя не понимать: не всегда на это было указание «сверху», не все призывались стать доносчиками и палачами, мучителями, находящими удовольствие в том, чтобы поиздеваться. Многое делалось по доброй воле, от душевной пустоты, озлобленности, потерянности, тупой и разрушительной одержимости. Теперь, молясь о замученных, нельзя забыть о том, что мы должны все силы приложить для того, чтобы **не быть** наследниками темных деяний отцов и дедов. О жертвах молится Церковь, а палачи? А их дети и внуки? Не потому ли так темно живет народ, что забыто **о необходимости покаяться**. Зло, не пресеченное покаянием, продолжает испепелять души следующих поколений. И нигде никто не говорит об этом. Почему? Надо знать о мучениках, знать о тех, кто прошел этот ад, хотя их все меньше и меньше на свете, знать поименно — сколько можно, чтобы такое переживалось как **рана** на теле Церкви...

Об этом Владыка ректор не говорил. Его краткое слово потонуло в звучании первых слов 118-го псалма **Блажени непорочнии**. Другой хор тихо выдохнул: «Аллилуия». Кафизму стали читать по несколько стихов все служащие. Их было много. От кафедры до солеи все стояли в белых облачениях. Это сияние белых риз — символ торжества веры над мраком зла, сведшим в общие безымянные могилы наших мучеников и исповедников. Кафизму прочитали полностью, чинно, торжественно. Несколько стихов до и после

⁷⁰ Ср.: Мф. 24, 12.— *Ред.*

«Славы» пропели два хора. Чин архиерейского отпевания, кроме положенных стихир, тропарей, ектении, включает и пятикратное чтение Апостола и Евангелия с предварительным прокимном. Когда прочитали последнее Евангелие, запели ирмосы великопостного канона «Волною морскою...». Эти ирмосы поневоле возвращают Страстную Седмицу, где Голгофа Христа венчает голгофу каждого замученного. От ектении о всех архипастырях, пастырях и верных чадах Русской Православной Церкви мороз по коже... После нее запели действительно умиленные слова святого Иоанна Дамаскина — самогласны^{СХХII}. Некоторые из них знакомы, некоторые нет, но все они подчеркивают одно: какое это благо для каждого верующего — Церковь! С VIII века Церковь утешает, объединяет, успокаивает и примиряет словами преподобного Иоанна, обращенными и к нам с убеждением ценить Небесное Отечество более «*житнейской сладости*». В этот миг казалось, что вся Небесная Торжествующая Церковь приникла к земле, чтобы мы услышали внутренним слухом: нельзя жить равнодушно, нельзя не заботиться о чистоте сердца, нельзя терять время на пустыки и тратить силы зря. Надо спешить учиться молиться и жить по заповедям Божиим.

Постриг в Троицком соборе

8 июля

Не раз удавалось быть на постриге в Лавре. Постригали при нас как-то старичка одного... Не осталось особенно в памяти, разве только убеждение: лучше это делать в юности, когда еще есть что-то впереди (хотя бы по человеческим представлениям), можно что-то обещать. Когда же вся жизнь прожита... Правда, возможно одно замечательное исключение: если человек всю жизнь сознательно шел и готовился к этому. Но сейчас, отложив все соображения, просто ждем перед Троицким собором, поглядывая и на собор, и на площадь. Вечернее богослужение под праздник Тихвинской иконы Божией Матери собрало богомольцев в храм. О постриге обычно не говорят (а то и двери закрывают, не желая пропускать), но мы знаем, что Юра Х. в этот вечер ожидает своего торжества. «Храм закрыт», — говорит старичок при входе в собор, пропуская хор и священников. Кого попросить о нас замолвить словечко, чтобы пропустили? Пробуем с этим обратиться к отцу Илариону. Он спокойно и приветливо приглашает зайти. И вот мы в почти пустом соборе. Очень непривычно. Собор и без людей (то есть паломников, всегда движущихся к Преподобному) не кажется безжизненным. В середине ковер, никакого ограждения, если не считать тонкого шнурочка, отмечающего пространство, приготовленное для пострига. Только две уборщицы сметают с ковра последние пылинки. Отцы проходят в алтарь или занимают стасидии по углам. Мы тоже становимся в стасидии, чтобы не маячить перед глазами сторожа и не подвергать себя опасности оказаться за дверью. Как хорошо, несравненно хорошо в соборе в такие минуты! Незаметно собрались все, вышли из алтаря и тихо, медленно и величаво спустились вниз. Обычно ожидающий пострига находится или в Никоновской церкви, или в Серапио-новой палате. Хор запел «*Объятия Отца...*». Очень тихо и очень слаженно. Интересно: сколько раз приходилось слышать эти слова и эти звуки, и всегда они звучат по-разному! От состава хора или регента это зависит? Или еще от каких причин? В этот раз было на редкость хорошо. Так тихо пели и вместе с тем выразительно, будто звуки, минуя всех и всё, от души лились и поднимались над миром. Казалось, ничего нет на свете, кроме души, молящейся о раскрытии этих объятий, и Отца, молча и призывно их отверзающего. Удивительное ощущение, что все вокруг исчезло, затихли все шумы земли, ушли посторонние. Правда, в храме было на редкость тихо. Бывали мы не раз на постригах, и всегда они по-разному проходили. Были торжественные и обычные, были величественные и до того скромные, что как-то ясно было, думаю, всем: чего-то очень важного не хватает. Были и такие, которые всех присутствующих как бы приобщали к таинству (хотя постриг и не причислен к ним, но по силе своей многими переживается как таинство, открывающее вход в **иные** отношения со всеми и со всем). Отец Венедикт^{СХХIII}, постригавший Юру, прочитал положенное, назвал его Филаретом,

облек «во всеоружие», вручил отцу Илариону, поздравил, даже слово сказал. Что именно сказал — не запомнилось, но это не такая уж потеря. Главное, основное впечатление от этого вечера — редкостная сосредоточенность, полное отсутствие какой бы то ни было суеты, тишина. Благоговейная, ничем не нарушаемая. Даже когда кончилось все, кто-то входил, где-то гремели ключами, не сразу отступила эта тишина. Она как завеса отгораживала от всего, что «там», за невидимыми пределами как бы спустившейся с небес на нашу землю той особой собранности, которая исключает все лишнее. Не зря говорят: «Молчание — **таинство** будущего века». Молчание не одних уст, молчание при самом сосредоточенном внимании, необходимом для молитвы.

Уже все кончилось, но уходить не хотелось. И слава Богу, никто не мешал молчать. Мне вспомнилось предание, вряд ли где записанное, что в день празднования Тихвинской иконы Божией Матери подается людям особое утешение—умягчается, утишается душа, вздыхая облегченно, благодарно и радостно. Тогда так и было.

В один из будних дней

(у могилы преподобного Максима Грека)

4 июля 1996 года

4 июля 1996 года, 15.40. Над Лаврой мерный праздничный звон. В честь чего бы? По времени рано благовестить ко всенощной... Все, кто оказался поблизости, потянулись к Духовскому храму. С северной стороны он огорожен, решетки перекрыли дорожку, ведущую в Троицкий собор. Приходится обходить Духовской храм с южной стороны. На северной — большой глубокий раскоп. Теперь везде ремонт, строительство, реставрация... Никого ничем не удивишь, но звон, толпа у решеток, золотые блики на хоругвях, свежее золото фонов вновь написанных икон в руках у вышедшего к дверям храма духовенства... Это без объяснений говорит о том, что предстоит что-то необычное. Звон лился на нас не переставая. Мы жмурились на солнышке, радуясь теплу, сменившему холодные серые дни. Легкие облака на светлом голубом небе. Звон усилился. Подъехала машина, из нее вышел Патриарх и направился в Троицкий собор. Из Духовского храма для него вынесли дорожку и ковер, быстро расстелили, освободив широкий проход. Народу не так много, все стоит спокойно, никуда не рвутся. Патриарх шел в Духовской храм, благословляя общим благословением. Впереди — милиция. От этого сопровождения, вклинившегося в богослужение, как-то неприятно. Патриарх вместе с ожидавшим его духовенством (прибыл еще епископ Алексей Орехово-Зуевский^{CXXIV}) прошел в раскоп. Там на носилки поставили черный гроб и в него сложили все, что осталось от захоронения, вместе с землей, покрыли простым, черным же, с крестами покровом и внесли в Духовской храм. Сколько лет прошло со времени похорон святогорского монаха Максима — он скончался в 1556 году! У Духовского храма были приделы. Один в честь Филарета Милостивого — у южной стены. Другой называли «Максимова палатка». Он — у северной стены. Под ним и был погребен преподобный Максим Грек.

Очень скоро после кончины преподобного Максима его стали почитать в числе местночтимых святых.

В советское время, еще до Второй мировой войны, сломали приделы, и мы, того не ведая, ходили по могилам преподобного Максима и святителя Филарета. В прошлом году сняли настил, сделали раскоп и собрали оставшиеся косточки. Они были свалены вместе, явно наспех, после осквернения захоронений. По рассказам старушки уборщицы, бывшей очевидцем происходящего, заведующий музеем в довоенное время приказал вскрыть гроб митрополита Филарета и других, рядом похороненных. Надеялся найти золото и драгоценности. Ломом вскрыли кипарисовый гроб Святителя. Ни золота, ни драгоценностей... Директор в ярости, убедившись, что и у других похороненных рядом, а это были преподобный архимандрит Антоний (Медведев)^{CXXV} и святитель Иннокентий^{CXXVI}, нет ничего ценного, велел все сжечь и пригрозил, чтобы не разглашали. Сжечь что-то помешало, тогда велено было вырыть яму и все закопать, что и исполнили.

Когда встал вопрос о канонизации митрополита Филарета, в раскопе монахи Лавры разложили косточки по принадлежности, собрав остов и митрополита Филарета, и святителя Иннокентия, и архимандрита Антония, многолетнего наместника Лавры при митрополите Филарете. Вызвали специалиста, который подтвердил верность решения^{СХХVII}. Митрополитам Филарету и Иннокентию сделали раки, и теперь каждый может поклониться чтимым святителям. Летом раки стоят в Успенском соборе, зимой — в Трапезном храме. Теперь предполагается открыть доступ и в Духовской храм, где будут покоиться останки преподобного Максима Грека.

Конечно, преподобному Максиму славы наше почитание не прибавит, но нам это чествование будет напоминать о человеке, который много претерпел на нашей земле. Из афонского монастыря Ватопед его послали на Русь по просьбе царя, благословив потрудиться над проверкой уже сделанных переводов многих богослужебных книг и восполнить недостающее. Ученый монах, не сразу свободно овладевший русским языком, был оклеветан. Его обвиняли в сознательной порче книг.

Клевета гоняла его из одной монастырской темницы в другую не один десяток лет. Ему ни здесь не давали работать, ни на Афон, к себе, не отпускали и, из-за чего он особенно переживал и мучился,— не допускали причаститься Святых Таин^{СХХVIII}. Только в Лавре преподобного Сергия к нему отнеслись сочувственно, и последние пять лет своей жизни он провел спокойно. Теперь для нас он мученик за свою стойкость. Мучители его — невежество и страстность. Вековечная вражда между духом и буквой, вклинившаяся в судьбу человека, может быть тяжелой и страшной. Верность букве, усиленная собственным самомнением, ослепляет сердце и не дает видеть очевидное: нельзя мучить, нельзя издеваться над человеком, даже если он в чем-то ошибся — вольно или невольно, даже если он о чем-то думает иначе. Но как часто в истории люди рвутся доказать свое невежество силой и властью. Особенно страшно невежество, облеченное властью. Слепое и злобное, оно находит странное удовольствие помучить свою жертву.

Это мне думалось под пение хора, расположившегося на ступеньках у входа в Духовской храм. Руководил им отец Матфей. Патриарх сказал, что мы, ходившие много лет по могиле преподобного Максима, теперь исправили эту ошибку и через некоторое время будем иметь доступ к его святым мощам. Краткий молебен сменился краткой панихидой. Раскапывая землю здесь, как и на всей территории Лавры, невольно нарушаем захоронение не столько ведомых, сколько неведомых покойников. Им-то и служит панихида. Высокое солнце грело землю, давно закрытую брусчаткой, а до нее — и асфальтом. Хор дружно пел *«Вечную память»*. Все ли воспринимали ее — память вечную — как дар Божий всем, кто жив душой, вне зависимости от жизни временной?.. Эта панихида и тем более молебен из обычного дня сделали праздник. История оживала на глазах. Память о подвижнике, мученике, почти никому не известном при жизни (да и не более известном теперь), пережила все интриги, все скорби, волнения, вспыхнула среди забывших о нем людей. Она расширит мир тех, кто помнит нашу землю и любит ее, кто трудился для ее детей, кто сумел простить неразумных своих преследователей и оценить сочувствие других. То, что безвестная местная канонизация станет общецерковной (включая и Греческую Церковь, родную для преподобного Максима), говорит о примирении и конечном торжестве истины и добра. Раскоп еще огорожен, но к празднику Преподобного, надо думать, от него не останется и следа. Слава Богу, что имя преподобного Максима Грека снова оживет для многих посетителей Лавры и к нему можно будет обратиться со своей просьбой и надеждой на понимание и помощь.

Праздник преподобного Сергия в Лавре

18 июля 1986 года

На праздник — любой — к Преподобному всегда хочется. На праздник Преподобного — тем более. Поскольку день этот — 18 июля — рабочий, то просто физически оказаться в Лавре — проблема. И хотя была возможность заранее заработать

два дня отгула, не было никакой уверенности в том, что их дадут в нужное мне время. К счастью, случилось так, что предварительные работы, целиком лежащие на мне, выгодно отличались от предложенного смежной организацией. Мое ближайшее начальство было этим довольно, и мне спокойно дали желанные отгулы тогда, когда этого более всего хотелось. Итак — на всех парусах к Преподобному!

По дороге из лохматых туч хлынул дождь с градом. За минуту можно было вымокнуть до нитки, но он быстро прошел, и на остановке, которая открывает прямой путь к Лавре (то есть за одну остановку до Сергиева Посада, когда хочется выйти и какой-то отрезок пути пройти пешком), я даже не намочила ног. Солнце в сияющей зелени, только что омытой дождем, не жгло, только грело спокойно, лучисто, приятно, можно сказать, приветливо. Народу встречается мало — хорошо. В лесу, у самой обочины, кое-где вдруг вспыхнет огоньком яркая алая земляничка. Ближе к дороге попадается малина, радостно зреющая на солнце и зовущая к себе. Малина эта ничья, просто кто-то со своего участка выбросил кусты в канаву за забором, они прижились и жили, радуя взор, а иногда и вкус. Не зря, кстати, на одной древней иконе рай изображен как сад, где блаженство — рвать малину. Почему именно малину? Наверное, потому, что эта пора — теплая, ясная, тихая. К малине не надо наклоняться до земли, как к каждой земляничке. Малина кустиста и сразу предлагает сладкие, сочные, ароматные ягоды по горсти. Не жизнь, а малина!

Но нельзя отвлекаться, впереди Лавра. О ней не забудешь ни в каком малиннике. Почти вприпрыжку по дороге — и вот уже иду по территории Лавры. Впереди со свитой грузинский Патриарх направляется в отведенные ему покои. Теперь надо не зевать, пока пускают в Троицкий. Пускают группами, не сразу. Пока-то пройдешь через открытую створку двери («блюстителю» специально устраивают эту щель, чтобы поменьше народу смогло попасть) — надрожись. Можно, конечно, и на ступеньках у братского входа стоять, как мы не раз стояли, но там можно и не услышать службу, если рядом окажутся разговорчивые богомолки. Хочется слышать службу, хочется в этот день в Троицкий, по крайней мере попытаться. Слава Богу, удалось попасть в притвор. Здесь душно и шумно. Вход в храм закрыт стасидией. Из-за толпы, жмущейся к входу, стасидию не видно, все рвутся вперед в надежде войти в храм. Храм почти пуст, а туда не пускают. Это многих раздражает. Да и людей можно понять. Мы привыкли, а кто в первый раз с этим столкнулся? Приехать к Преподобному издалека (а ведь едут со всех концов страны) и встретить на каждом шагу заслоны. Зачем они? Вроде бы для порядка... Помню, что при Патриархе Алексии I никаких преград не было — приходи и решай сам. Храм маленький, народу много. Сможешь выстоять — стой, нет — можно пойти в Успенский, Трапезный, в Покровский храм. И тише было, спокойнее... Теперь же надо терпеть «деятельность» как на подбор грубых и не в меру ретивых вышибал, которые только устраивают шум и беспорядок. И кто придумал такое? Чья инициатива? От таких причуд недалеко до мысли: нарочно что ли так устраивают, чтобы испортить людям праздник? Впереди хоть ложись, а здесь люди давятся. Какой смысл не пускать в почти пустой храм?

Началась служба, шум немного стих, но не до конца. Появился еще один активный деятель, поседевший на своем поприще (помню его в этой должности с кудрями, теперь заметно поседел и полысел). Многие, видимо, знают результаты его усердия и стихают. Он вежлив, но от одного его присутствия тяжело... а если у таких власть и сила? Но это, слава Богу, все-таки не до конца заслоняет службу. Мы ее слышали не раз, она знакома довольно хорошо, и это помогает и через шум улавливать слова стихир, паремий.

Притчи напоминают о блаженстве тех, кто обрел премудрость. И там же: *Аз Мене любящая люблю, ищущии же Мене обрящут благодать*⁷¹. Это от Лица Божия звучат нам призыв и уверение. Хорошо, если есть такая любовь, но хоть сколько-нибудь-то Бог каждому дал, иначе что же привело всех нас, теснящихся, ворчащих, недовольных начальством, устроившим эту бессмысленную давку, и друг другом — и все-таки

---

⁷¹ Притч. 8, 17.— *Ред.*

стремившихся в храм, чтобы *войти в радость*⁷², буквально перешагнуть порог деревянной решетки в Успенских вратах Лавры и наполнить до отказа три ее храма и еще Академический. В тех же притчах *незлобивии* призываются разуметь коварство. Нам бы хотелось вовсе его не встречать и не думать о нем, но жизнь — даже в пророческие времена — полна коварства, его нельзя сбросить со счетов, его надо умело видеть и обходить, чтобы не исключить себя из числа незлобивых по простодушию и неопытности.... Кончается эта паремия бодро и обнадеживающе: *Да будет о Господе надежда ваша и исполнитесь Духа.*

Следующий отрывок из Притчей восхваляет правду мужей праведных. Правду их жизни, целостность мыслей, устремлений и дел. Ублажается как раз то, что так трудно хранить в жизни, особенно повседневной, никому не ведомой, внутренней. Да и во внешней не так-то просто всегда делать только так, как велят совесть и разум. Разум, а не расчет. Это вроде бы строки, которые больше относятся к нам. А к Преподобному — из Премудрости Соломоновой. Там строчка: *во время посещения их воссияют*. По свидетельству Епифания^{СХХХ}, Преподобного посещала милость Божия, и он *сиял* и во время совершения литургии в сослужении Ангелов, и во время посещения Богоматерью, и во время молитвы, когда дано было ему увидеть множество птиц как знак многовекового (как мы теперь знаем) служения его обители миру и Богу на избранном им месте. И дальнейшее чтение: *и воцарится Господь в них во веки* продолжает ту же тему, как и заключительная строчка: *Благодать и милость в преподобных Его и посещение во избранных Его*. Нам же и то *благодать и милость*, что под кровом обители Преподобного можно хотя бы на какое-то время забыть обо всем окружающем, о суете своей, о вечных своих заботах и обязанностях, просто стоять и слушать эти слова на соборе, где хорошо, покойно и никуда больше не тянет. Это, конечно, не значит, что так и будешь стоять до конца службы. Нет. Об этом позаботятся все те же «блюстители порядка». Отодвинув (опять же сделав небольшую щель) стасидию, они будут пропускать по человеку, чтобы каждый мог пройти через еще одно заграждение, наскоро перекреститься, приложиться к мощам Преподобного и после помазания тут же оказаться на площади. Кто-то хитрый направляется в свободный угол, чтобы перевести дух после давки, чуть-чуть постоять спокойно, попросить Преподобного о своем... Но подгоняющие не зря стараются, хотя вроде бы и нет особой нужды. Служил отец Кирилл^{СХХХ}, на полиелей вышел во главе служащих отец наместник. Но... вот и с крыльца прогнали, не дадут дослушать службу. Если это не раздражает — слава Богу. Вечер теплый, благостный. В Трапезном храме душно, но зато так хорошо достоять до конца всенощной у открытого братского входа, где ребята никого не гонят! Поют здесь тоже хорошо (хор семинаристов). Вышел молодой иеромонах на исповедь. Баском прочитал молитвы, сказал несколько слов. Коротко, по делу. Уже одиннадцатый час. Маша предложила переночевать. Еще не было двенадцати, когда «простили и отпустили» меня, и мы с Машей безлюдным Посадом пошли к ней. Небо гаснет, но медленно, еще по-летнему светло, тепло, очень приятно. Совсем немного осталось до ранней праздничной литургии.

В четыре часа уже светло. Идем в Лавру безлюдными улицами. Они бегут вниз, а над ними на древнем холме красуется Лавра. Она все ближе и ближе, и вот мы совсем растворяемся в ней. Первую раннюю литургию служат в Успенском соборе. Обычно в это время народу меньше, нет давки, хождений, беготни иподиаконов. Служат большей частью приезжие отцы, возглавляемые местным архимандритом (или тремя даже). Поют ребята. Очень хорошо на ранней — молись уж как можешь. Впереди стоит образ Преподобного в рост. О нем или о таком же говорил покойный отец Иосиф, что до революции его долго еще потом, после праздника, носили по храмам Посада и обителям, близ Лавры расположенным. Теперь его ставят два раза в год — в дни праздников Преподобного его выносят на молебен на площадь перед надкладезной часовней. Нам, обычным богомольцам, он недоступен, так как отцы отгородились от нас везде, где только

⁷² Ср.: Мф. 25, 21, 23.— *Ред.*

можно. Образ ставится перед Царскими вратами, где отгорожено, а после праздника убирается опять до следующего торжества. В толпе, заполняющей храм, образ практически не виден, как и большинство икон. Вроде они все крупные, их трудно не видеть, но это действительно так, потому что впереди стоящие заслоняют спинами местный ряд и стоящие за ними люди остаются как бы предоставленными самим себе. Кстати, эта изолированность одних и безразличие к ним других горько сказываются на тех и других, только мало кого это волнует...

Служба проходит быстро, даже слишком быстро. Народ будет спешить к поздней. Хорошо бы, конечно, еще постоять в храме, потом — на молебне, который будет на площади, но уж очень хочется побыть в тишине. Это такая редкая возможность — в праздник не спешить на работу! Слава Богу, что все так было...

Летний праздник Преподобного

18 июля 1989 года

Праздники эти внешней стороной похожи, и, казалось бы, нет необходимости снова касаться уже известного. Но каждый из них оставил в памяти что-то неповторимое, и за это хочется снова и снова сказать: «Слава Богу!», тем более что каждый раз празднику Преподобного преподносил урок. Учиться не так легко, а забывать нельзя, даже если такие уроки не дали заметных результатов. Не о них речь, а о том, как стремится Господь донести до сознания что-то нужное, используя все возможности. Участие, хотя и незримое, в этом самого всероссийского Игумена особенно дорого, и потому стоит вспомнить, и не раз, все, что было послано для вразумления, утверждения и утешения.

Так и этим летом, как и прежде, мы, отстояв акафист Преподобному в Покровском храме, идем к Троицкому собору. Около входа толпа, правда, не очень густая. У братского входа гуще. Там и уже поседевший, изрядно полысевший «блюститель порядка», которого помню еще с кудрями. От его металлического голоса хочется уйти подальше. Уходим. Понемногу одни выходят из собора, другие потихоньку туда просачиваются. И мы в том числе. Народ терпеливо ждет. В притворе тоже толпа. Все сгрудились у входа в храм, закрытый громоздкой стасидией. Не так-то просто у нас «прикоснуться к святыне»! Пока-то еще все запоры снимут... Слышен голос митрополита Владимира^{СХХХI}. Поет хор отца Зотика. Теперь приложиться к Преподобному пустят из притвора только после того, как выпроводят на площадь всех, кто находится в самом соборе.

Когда это делается спокойно, без лишней суматохи,— терпимо, но чаще давку создают сами распорядители. Пропели «Хвалите имя Господне», прочитали Евангелие, читают канон. Стою, понимая, что ни на что не способна. Нет сил думать, даже желать. Но надо собрать последние силы, чтобы отрешиться от всего того, что тяжестью и болью ложится на душу. Стоять бы и помнить, что этот собор сейчас — центр праздника, что есть у этого центра живое сердце: не служащие в сияющем алтаре, а сам Преподобный. Стоять бы и слушать обращенные Церковью к нему слова. Это сознание, очень ослабленное всеми предшествующими переживаниями, неожиданно поддерживается внутренним почти повелением, входящим как иглы в душу,— **все** оставить сейчас (то есть не вспоминать, не перебирать подробности, не повторять для себя даже прошедшее, не пробовать решать: зачем, почему и так далее). Пробую, стараюсь... Только бы удержаться, не сорваться и не плюхнуться, как в болото, в свои рассуждения! И на это приходит «ответ». Без звука, без слов, но ясный: «Господи, помилуй!». Только молитвой как-то еще можно держаться. И нужно читать, из последних сил читать и читать...

Зашевелилась толпа в притворе, отодвинули стасидию, нас стали пускать. Теперь уже слышно: «Не задерживайтесь!». Подгоняемые шумноватым помощником «охраны порядка», наскоро подходим к Преподобному, к архиерею и — на площадь. Направились к А. И., с которой заранее договорились, что придем, и где рассчитывали на крышу. Там тихо, никто не отвечает на стук. Надо подождать. Сидим на терраске. Маленький огородик и садик рядом. Такая патриархальная простота: буквально все здесь дышит

прошлым или даже позапрошлым веком. Терраска увита уже отцветшим душистым горошком. По боковым стенкам устроены металлические узкие корытца, в которых цветут бархотки. Кусты малины, смородины, яблоки с наливающимися плодами. А через овраг, который перед ее окнами,— «наш» мир: сплошная цепь новых высоких домов, где в окнах горит электрический свет, а на улицах шумят машины. Благо, шум их едва различим. Здесь — почти полная тишина. Сколько ждать? Домой ехать поздно. Здесь ночевать — замерзнешь. Надо идти... в Лавру, куда же еще? Темнеет. Ворота еще не закрыты. Тихо. Народ группами устраивается около Успенского, перед Троицким собором. Поют негромко, но складно. В Трапезном храме и Успенском соборе идет исповедь. Кому-то стало нехорошо в духоте Трапезного. Отец Н. вышел с крестом и Евангелием на гульбище, попросив принести стул для женщины, почувствовавшей дурноту. Так необычно стоять на исповедь под открытым небом, уже потемневшим, но теплым, спокойным, благодатным. Когда нас «простили», был уже новый день, второй час ночи. Мы не рассчитывали ночевать в Лавре и потому ничего не взяли постелить на пол. Лечь хочется, чтобы дать немного отдохнуть ногам. Нашли местечко, постелили пакетик, а под голову сумку. Над головой большая роспись: «Изгнание торгующих из храма». Поют акафист, каноны, величание Преподобному. Все такое знакомое, привычное... Даже хорошо, что так получилось, что в этот момент мы оказались здесь. Пожалуй, **отсутствие** такой ночи ощущалось бы потом как недостаток. Уже пятый час. Скоро начнется первая в этот день литургия. Хорошо на ней. Еще нет сутолоки, толкучки, беготни иподиаконов. Народу не так много. Служат большей частью приезжие священники. Поют ребята. Слова Херувимской песни: *«всякое ныне житейское **отложим** попечение»* мгновенно напоминают вчерашнее... Отложить бы, не обдумывая... Кончилась литургия, и мы идем на электричку. Хочется спать и хочется тишины. Поехать бы в лес, то есть просто сойти по пути на какой-нибудь станции, но нет сил, самых обычных сил. Еще за то слава Богу, что не надо маяться на работе, как было прежде, когда надо было быть «в форме» в такой день, после ночи и ранней литургии — работать... Слава Богу — все было, и Бог давал сил. Слава Богу за все!

Осенью на Преподобного

8 октября

Перед началом всенощной такхочется, как всегда, выйти на остановку раньше, пройти мимо знакомого озера и наконец, после всех спусков-подъемов, выйти прямо на улицу, ведущую к почти разрушенной городской больнице, здания которой когда-то принадлежали Лавре (теперь там восстановлен храм, классы и помещения Семинарии).

Мы стояли всенощную в Покровском храме. Как бы в подтверждение слов стихиры: «Монахов множества. ...» в числе служащих больше было монахов — пятнадцать (и девять — из белого духовенства). Ребята поют неплохо, но хор заметно поредел (лучшие силы в этот момент в Германии).

Как всегда, спешим на электричку, чтобы утром успеть к началу исповеди, то есть к семи. Поднялись задолго до рассвета и приехали еще до открытия ворот (в Академический храм). Через решетку было видно, как священник вышел исповедовать, но там — ни души. Все наши души плотной толпой стояли у решетки. Нерасторопный дежурный еле-еле шевелился с ключами. Наконец открыл заветные ворота, не догадавшись извиниться за то, что заставил стольких людей зря волноваться. Старушки бежали на исповедь!.. Общую исповедь провел отец Ростислав, подошли еще четыре священника. Все спешили к аналоям, ведь уже начали читать часы, нас ждать не будут, а внизу, где исповедь, службы не слышно. Служили литургию те же архиереи, что и всенощную: митрополит Филарет^{СХХХII}, архимандрит Симон и ректор — владыка Александр^{СХХХIII}. Да, за всенощной проповедовать вышел отец Никон. Говорил он свободно, но если знаешь, что он историк, то хочется услышать более четкую, конкретную проповедь, в которой прозвучало бы то, что преподобный Сергей — не

просто чудо, Богом посланное в мир, раздираемый страхом, болью, недоверием друг к другу, вечной боязнью физического уничтожения не только каждого в отдельности, но и всего поселения, города, области, даже страны... Нет, главного он не сказал, как не сказал в проповеди и отец Владимир К., который говорил браво, не смущаясь неточностями и даже искажением фактов. Например, он говорил, что Преподобный ушел в леса от обеспеченной жизни в семье боярина. Но ведь не от хорошей жизни родители Преподобного оставили Ростов и перебрались в скромный Радонеж, а от притеснения воеводы. Не от причуд или по прихоти боярский сын ушел спасаться в глухую лесную сторону, когда можно было уйти в столичный монастырь, а по внутреннему побуждению **возобновить подвиг**. В годы татарского владычества страх разорения, бедствия, неуверенность в завтрашнем дне лишали людей самого обычного чувства надежности той земли, на которой они жили. И юный Варфоломей идет в глухой лес, подальше от всех дорог и селений, чтобы можно было думать о душе, о Боге, о молитве. Думать, не вздрагивая от каждого шороха. Конечно, там были свои трудности, и очень значительные, но самое первое — выбрать условия, которые хотя бы в какой-то степени помогали молиться, *не вздыхающе*⁷³, как предупреждает Апостол, чтобы душа без оглядки могла отдаться Богу. Преподобный Авва чувствовал, что подвиг умного делания не должен совсем забыться на Руси, что молитвенное трезвение должно быть в основе всех подвигов духовных. Традиции духовного внимания к святоотеческому опыту были прерваны варварским нашествием, но не искоренены окончательно. Преподобному Сергию предстояло их возродить, вернуть духовным запросам их прежнее место. И не случайно довольно скоро около него образовалось братство. Приходящие чувствовали в общении с Преподобным тот мир и устойчивость, которые нужны для жизни как воздух. Не все легко было для братии. Во всем недостаток. И даже — в единомыслии. Все хотели от Преподобного помощи, но не все умели и хотели считаться друг с другом. Годы страха, недоверия, стремление уйти от беды наложили на души современников Преподобного печать напряженности, скованности, замкнутости. Не будь этого — летописец не отметил бы, что братия совсем не желала общежительного устава, который рекомендовал Преподобному Патриарх^{CXXXIV}. Узнать о подвижнике он мог от будущего митрополита Алексия^{CXXXV}. Братия не спешила делиться друг с другом последней краюшкой, иначе как бы случилось, что один три дня не ел (да кто — игумен обители!), а у другого хлеб позеленел от сырости. Не за один день он мог превратиться в такой ломоть, от которого дымом поднимались споры плесени. Нет, никогда Преподобному не было легко в тиши своего уединения. И не для особой славы Господь утешал Своего угодника хотя бы видением птиц, а ответил этим на многодневные и, должно быть, долгие ночные молитвы о братии, которые Преподобный с болью душевной возносил к Богу. Только любящий болеет душой за других, невзирая на недостаток их любви и понимания; только Бог может утешить такую душу, и только молитвой один будет стоять и держать других. Это не домыслы, а естественный результат предположений, которые сами по себе возникают, когда думаешь о фактах, сохраненных летописцем. Будь братство преподобного Сергия единокорным и искренне чтущим своего игумена, не мог бы Стефан^{CXXXVI} и рта открыть о своем первенстве в обители. Это все важно понять не для осуждения братии, а как условия жизни Преподобного, всегда трудные. Да и не мог быть легким его путь и путь его учеников, которые уходили в другие края, не менее глухие, чтобы жить в уединении. Они не думали, что несут свет подвига в глухие дебри Севера, но каждый шел, видимо, зная душой, что должен идти. Северная Фиваида была создана учениками — лучшими! — преподобного Сергия. Это они, имея в виду его пример, будили в людях жажду подвига, желание жить по заповедям Божиим и не думать только об одном материальном благосостоянии. Оно — без святости в жизни, без света Христова — как тело без души. Ничего подобного не сказал ни отец Никон, ни отец Владимир.

В Лавре, конечно, многолюдно. И слава Богу! Тянутся к Преподобному! Любят его.

---

⁷³ См.: 2 Кор. 5, 1–5.— *Ред.*

После службы так хочется... в лес. В обстановку, любимую Преподобным. В лесу хорошо бродить чуть заметными тропами, удивляться и радоваться красоте земли, даже с мыслями собраться легче, оттолкнуться от всего житейского. Научиться бы молитве! Иногда и время есть, и лес манит через окно электрички, а попасть невозможно... Надо и это принять спокойно, принять как урок и упражнение. И лучше не думать о том, что сейчас невозможно, но благодарить Бога за то, что есть. Особенно — за Церковь! Многие этого не имеют, а не иметь — такое лишение, равного которому нет, как и самой жизни. Слава Богу за все!

* * *

Несколько слов о праздничном вечере. Такой же праздник был, такая же служба, потому, избегая повторов, хочется сказать только о вечере. В Троицком соборе кончилась всенощная, мы вышли к Успенскому собору. Из открытых высоких окон доносилось пение. Оно наполняло собой все вокруг, было слышно даже в самой далекой части территории, за храмом Смоленской иконы Божией Матери. Стало темнеть. Одна звездочка вспыхнула почти у горизонта с северо-западной стороны и будто растаяла. Вечер теплый и ветер теплый. Народу мало, все стоят в храмах или сидят на лавочках вокруг Успенского собора. Повеяло откуда-то ароматом маттиол. С ним связано представление о чем-то несбыточно-прекрасном, когда уже нечего желать. И здесь, теперь, не спеша прохаживаясь по дорожке, обсаженной кустами, глядя на знакомые с детства стены соборов, силуэт храмов преподобных Зосимы и Савватия и Смоленский, под перебор часов на высокой колокольне как бы растворяешься в потоке невыразимого словами, но такого мирного приятия всего, что есть в жизни. И пусть не все только радуется, не все так уж беззаботно и легко, но есть Церковь, есть Лавра, есть праздничные службы и тихие теплые вечера, которые дает Господь для отдыха душе, дает как подарок, дает в утешение, ободрение и для укрепления надежды на Его милость. Хорошо и от запаха ночных цветов, и густых теней, и глубокой зелени, ярко вспыхивающей у фонарей. Все хорошо, если с Богом!

Еще об одном осеннем празднике Преподобного

8 октября

Во всех записях одно — вечная спешка, занятость текущими делами. Иногда небольшая возможность выбора: успеть на акафист перед всенощной или пройтись одну остановку пешком. Выбираем последнее. Очень хочется взглянуть на красоту природы не только из окна электрички, но и собственными ногами пройтись по еще не везде жухлой траве, посмотреть на краски осени и вдохнуть ее запахи. Хочется увидеть безвременник кавказский — и он мягким сиреневым огоньком вспыхнул на чьей-то клумбе среди опавших листьев и еще свежей зеленой травы. Такие маленькие радости, слава Богу, еще способны приятно волновать. Это несколько утешает, особенно среди переживаний, о которых говорить не стоит, а забыть нельзя. Много приходится встречать такого, что по справедливости можно назвать вражьи делом, можно жалеть всех, попадающих в его сети, из которых так непросто выбраться. Конечно, все это из-за недостатка смирения и по немощности нашей молитвы. Но вернусь к дороге.

Стелется кое-где дым. Это жгут кучи опавших листьев, ботву и хворост. Тихо и спокойно вокруг. В первый раз в этом году увидели пару снегирей, вроде бы рано им еще быть в наших краях. Синицы нас не удивляют, шныряют в кустах, звонко посвистывая. Совсем редкость: две-три ягоды малины заждались нас, высунувшись между досок забора. Впереди сияют купола Лавры. Если на душе мирно, если тепло от сознания, что идешь к Преподобному, если кругом такое *«благорастворение воздуха»*, такая щедрая напоенность каждого закутка теплым солнцем, такое разнообразие оттенков, такое ясное небо, то можно поверить святым, говорившим, что рай и ад начинаются здесь. Что ад — всем известно, а вот рай — это реже, этого еще дай Бог! И дает по Своей великой милости и предстательству преподобного Аввы. Вот мы уже в ограде. Как и следует, народу много.

Идем в Смоленский храм. Обычно он закрыт, а по случаю ремонта Академического Покровского храма служат в Смоленском. Он много меньше закрытого Покровского, но в нем своя удивительная атмосфера: ребята, учащиеся Духовных школ, стоят вместе с народом, хор тут же. Все и всё рядом. Когда поют в алтаре и на клиросе, кажется, что весь мир погружен в море церковных песнопений, что ничего больше нет, кроме праздника в Лавре. Возглавлял службу владыка Анатолий (Кузнецов)^{СХХХVII}. Он постарел, изменился внешне, но глаза и голос остались прежними. Хорошо очень звучали стихиры Преподобному: «*Мира мятеж, Преподобне, оставив...*» и еще две на «*Господи, воззвах*». Служба быстро кончилась. Опять бегом на электричку, чтобы утром, еще при луне, выйти и снова направиться туда же.

За окнами электрички занимается заря. С низин поднимается пар и тает в лучах восходящего солнца. Мы успели к литургии в Смоленском храме. Служил владыка Анатолий, говорил «слово». Вкратце: преподобный Сергей за долгие годы подвига так мог сочувствовать всем, любить всех, болеть душой за всех, что к нему тянулись не только окрестные жители, но и князья, страдающие от междоусобиц. Теперь многое в жизни не так, но и теперь много скорбей, многое разделяет людей, многие страдают от притеснений и страха. Тогда, при жизни, преподобный Сергей возвел простой деревянный храм в честь Святой Троицы, чтобы укоренилась мысль о величии, силе, любви взаимной всех Лиц Святой Троицы и при воззрении на Нее побеждался страх розни... Теперь стремясь в обитель Святой Троицы, мы должны, начиная каждый с себя, стремиться одолеть все недобрые мысли, недостойные христиан желания и тем паче — поступки...

О проповеди, о празднике, о себе надо бы подумать, но это легче в тишине, одиночестве, лучше на природе, но у нас нет такой возможности. Еще и то хорошо, что мы видим в пути, опять из окна электрички, желтые березы, золотые от солнца, желтеющие лиственницы, бронзовые дубы. Кое-где и совсем голые деревья. Небо светлое, голубое. Только бы молиться, глядя на такую красоту. Но... разговаривая или слушая, не помолишься, а не говорить и явно молиться на людях — нагресишь больше, да и не по мне это. Дай Бог хотя бы помнить в душе о празднике, не раздражаться на все помехи, которые, как сговорившись, так и норовят испортить все, что можно, только бы заслонить собой и праздник, и Лавру, и красоту... Слава Богу, что хоть как-то, но стоит в памяти светлый осенний праздник Преподобного, с годами теряя исключительность каждого отдельного празднования, но оставаясь общим ощущением чуда и жаждой как-то выразить благодарность, но чем и как?

Сергиев день

8 октября 1991 года

В этом году нам удалось перед праздником преподобного Сергия побывать в Дивеево. Когда вернулись оттуда — а были мы там всего два дня — еще острее ощущалось то, что вот здесь мы, тем более в Лавре, **дома**. К этому дню мы все получили подарок: ко всеобщей на фасаде вокзала укрепляли щит, где крупными буквами, немного стилизованными под славянскую вязь, было написано: **Сергиев Посад**. Нельзя не вспомнить при этом наших русских монахов на Афоне, борющихся за особое внимание к звучанию дорогого **Имени**. Пусть они не сумели оформить это строго по форме, но смысл их стремлений понятен^{СХХХVIII}. Поневоле в звучании дорогого имени слышится особая глубина. Даже в электричке услышанное объявление: «Поезд следует до Сергиева Посада» радует. И пусть никто в Лавре не ждет, не встретит, не приветит, но от самого Аввы вопреки здравому смыслу ждешь чего-либо хорошего, какого-либо подарочка в утешение. Утешения хочется, чтобы хоть немного приподнять крылышки, отяжелевшие от налипшего мусора ежедневных огорчений, переживаний, назойливых печальных воспоминаний.

Чтобы от всего оторваться, переключиться, забыть текущее, несколько километров до Лавры иду пешком. Местами удивительно хорошо, особенно там, где озеро. Народу

мало, лесная дорога пустынна. Зеленые ели приветствуют тишиной и запахом хвои, синички — радостным писком и неунывающим характером. Все кажется сказкой, особенно приятной, если долго не видишь эти края. К пяти часам со всех концов собираются богомольцы в тесную кучку у входа в Троицкий собор. Снова та же тревога: пустят — не пустят. Хочется не думать об этом, но трудно отвлечься, ведь в этот день особенно хочется к Преподобному. Вскоре стали пускать понемногу. Опять душа неспокойна: успеешь ли просочиться? В любой момент может прийти другой распорядитель и приказать закрыть дверь, чтобы никого не пускать. Так и было, но, слава Богу, уже после того, как мы попали в притвор и даже, к великому нашему удивлению, в сам храм, как всегда в такие дни защищенный громоздкой стасидией.

В этот вечер, может быть, еще и после фанерного, без икон, иконостаса в Дивеево наш, Троицкий, заиграл таким богатством красок, от которого захватывает дух. Не устаешь удивляться, как щедро и продуманно, ненавязчиво оформлены тябла иконостаса, как гармонирует с его серебром сияние разноцветных лампад. И еще одна особенность замечена: в момент прилива грустных мыслей, горестных воспоминаний те же, бесчисленное число раз виденные иконы в иконостасе начинают ярче светиться, будто они действительно окна, через которые проникает к нам **свет незримый**. Когда об «окнах» пишут в умных книгах, этому веришь, но умом, а вот сердцем увидеть дается, видимо, в утешение... Пока не начали праздничную вечерню, думаю, что не столько видеть глазами, сколько всей душой ощущать красоту,— дар Божий. Можно смотреть и не видеть, не отзываться ни на какое проявление красоты. Это так знакомо, видимо, большинству. Когда читали шестопсалмие и погасили свет, я обратила внимание на то, что и тогда краски икон не подернулись серой пеленой полумрака, но продолжают гореть удивительно слаженно, гармонично, радостно. Какое это благо всем верующим — Лавра! Служат в праздничные дни особенно быстро, после помазания тоже быстро выпроваживают на площадь. Мы к этому приучены и потому тянем, жмемся в углу сколько можно, чтобы подольше побыть на всенощной. Но дошла очередь и до нас, и мы оказались за дверью. Идем в Трапезный храм. Там только еще читают канон.

Решили заглянуть в Успенский. Из собора валит толпа. Значит, могут скоро начать общую исповедь. И начали. Вышел иеромонах и стал очень тихо читать молитвы перед исповедью. Хорошо, если они знакомы, а то не услышишь ни слова и, значит, не поймешь ничего. Пристраиваемся к единственному аналою, у которого стоит священноинок. Он отпускает своих «чад», которые, разумеется, подходят и подходят, не считаясь ни с кем. Возможно, пришли и другие отцы, но всех теперь окружает плотная толпа, так что надо ждать, терпеть, не теряя надежды. Дошла очередь, «простили» и нас.

Мы выходим в ночь, идем Посадам. Погода на редкость хорошая для такого времени года. Чья-то или ничья большая собака холодным носом касается руки. В этом движении чувствуется доверие, и даже от этого собачьего доверия теплеет на душе. Нам обещали крышу, где вряд ли удастся заснуть, но можно будет хотя бы полежать, дать отдых ногам. Темно и тихо на окраине Посада. И пришли мы во тьме, и уходим так же. Надо успеть к ранней литургии, которая начинается в 4.45.

Входим в Успенские ворота. Окна собора уже светятся. Кто собрался исповедоваться утром, жмутся к ступенькам Предтеченского храма. В этот ранний час народу меньше, меньше и сутолоки. Служат обычно многое множество приезжих отцов-протоиереев. Во главе — кто-нибудь из лаврских архимандритов. Поют семинаристы, что тоже неотъемлемая часть лаврского торжества, хотя позже будет служба и со смешанным хором. Здесь в такой день его вовсе не хочется слышать. В храме, особенно во время причащения, неизбежное движение, разговоры. Это, конечно, мешает, но это и радует: люди приехали к Преподобному, люди тянутся к празднику, праздник неотделим от причащения, и слава Богу — **есть** куда приехать.

Мы после ранней идем на электричку. У меня мечта: побыть в тишине, на природе — то есть выбраться в лес. Выпиваю наскоро чай и еду в Лосиноостровский заповедник.

Там ищу неведомые края. Неожиданно нахожу одинокую дорогу, по которой иду час — и ни души. Красота несказанная! Тишина. Души, конечно же, есть, но не часто встречаются, гуляют сами по себе, никому не мешая. Один встречный поинтересовался, какая здесь ближайшая станция железной дороги. От него узнала, что это территория больничного комплекса. Дорожка асфальтирована, лес — рядом (правда, очень сыро), впереди поворот на Ярославское шоссе. Мне казалось, что это шоссе совсем близко, но до него пришлось идти несколько километров. Здесь еще глуше. Уж тут, действительно, ни души не попало мне. Иду и радуюсь ясному дню, чистому лесу, безлюдью и... ромашкам. Живые, крупные ромашки, уцелевшие в это время каким-то чудом. Вот-вот могут ударить морозы, потому нельзя пройти мимо и не набрать себе букет. Дорога огибает бетонные плиты глухого забора, который охраняет колючая проволока. За забором, надо полагать, военчасть. От колючей проволоки как-то не по себе. Показались жилые дома-коробки, оглядываю невзначай и читаю: «Владение N... Проход и проезд запрещен». Если б такая надпись встретилась мне на повороте, я бы предпочла вернуться, но ничего не было, никого не было. Потому и ромашки уцелели, и гуляющих не было видно, и пустынно, глухо, тихо было. В другой раз не пойдешь, а тогда, когда я ничего этого не знала, было хорошо. Очень хорошо, будто в рай пригласили ненадолго ради праздника Преподобного. Лес этот ему знаком, ведь дорога-то эта — Ярославское шоссе — Троицкая. Ею или где-то близко от нее не раз ходил сам Преподобный в Москву, ею шли к нему веками тысячи богомольцев. Шли с молитвой, с покаянием, с надеждой. В дороге оседала муть житейских попечений, отдыхала душа, подкреплялась. Упование на близость Преподобного, его молитвы, его защиту множило силы и терпение. И мы, слава Богу, могли побывать в Лавре на службе, да еще душу отвести путешествием в мир красоты на лоне природы. И день был на редкость светлый, радостный, золотой день поздней осени, теплый и ласковый.

А к вечеру можно было поехать в Донской монастырь, где будут особенно вспоминать Патриарха Тихона^{СХХХХ}. Память его празднуется на второй день Сергиева торжества.

Малый собор, посвященный Донской иконе Матери Божией, как и Большой, стал больше известен как Сергиевский. Такое не раз бывало в истории. Праздник преподобного Сергия там читается, и туда собираются многие из тех, кому обстоятельства помешали поехать в Лавру. Праздничным вечером, хотя внимание уже переключилось на святителя Тихона, но память о Преподобном еще не отступает, сосуществует. Да и святитель Тихон любил Преподобного, любил Лавру, болел душой, когда ее закрывали, пытался сделать все, что мог; но бывают периоды в жизни человека и целого общества, когда остается только **терпеть** и **каяться**. И конечно, молиться, чтобы Господь укрепил веру и зажег в душе надежду.

К сожалению, в тот день Малый собор был закрыт. Говорят, что там ремонт. Все равно хорошо было побывать в этом древнем монастыре, порадоваться, что его вернули Церкви, постоять и послушать всенощную, благодаря Господа и святых Его за великое благо — быть в Церкви.

Праздник Преподобного

18 июля 1996 года

Лавра! Как всегда, она живым чудом стоит на нашей земле, возвышаясь над всякой житейской суетой устремленностью в небо золотых крестов. Лавра — это место подвигов, молитв Преподобного, место, освященное благословением Богоматери. Этим, прежде всего незримым образом, своего Игумена она привлекает доселе. И вполне может быть, что суета житейская, человеческие слабости и общая духовная расслабленность не миновали современных насельников (не утверждаю, а лишь допускаю), но ничего подобного не несет сам образ **основателя**. Слава Богу! Он, более всего он сам, влечет сердца многочисленных паломников в свою Лавру. Может быть, кому-то хотелось

ощутить себя в самой гуще паломников, почувствовать рядом неведомых, но того же ищущих, кто-то хотел особенно усердно помолиться о своем наболевшем, кто что хотел, но любое желание было неизменно связано с образом Преподобного. И это — главное. Им полна Лавра, а что сверх того — то от лукавого.

Мы рады, что Троицкий собор открыт вечером. Открыт для входа. Нельзя уже подойти к раке Преподобного, но зато можно пробраться в уголок и слушать всенощную. Не буду говорить о гостях, которые с разных сторон прилетели (в том числе из Америки — митрополит Феодосий^{CXL}, члены яковитской церкви^{CXLI}, не считая архиереев нашей страны, которая раскинулась на многие тысячи километров), — об этом сообщит ЖМП. Дороже то, что в уголке древнего храма сиянье свечей и лампад несет Преподобному память любящих душ. Многим стало труднее добираться сюда — и дороги дороги, и хлопот больше из-за глупых разделений на «заграничных» православных из Украины, Белоруссии и других «стран» бывшего Союза. Да и здесь нельзя рассчитывать ни на какие минимальные условия, разве что уголок на полу в храме ночью да глоток воды из Сергиева источника. Справедливости ради надо сказать, что теперь под Трапезным храмом кормят паломников. Мы не ходили туда, потому что мы «не дальние», всего-то 70 километров до нашей столицы. Нам совестно пристраиваться к действительно проголодавшимся и дальним, приехавшим из разных уголков страны. И все-таки людей много. В Троицком, когда подходили к Преподобному, на многих одежду хоть выжимай, в Успенском — битком народу, в Трапезной церкви поменьше, но и она не пустовала. И в Покровском храме Духовной Академии был народ, тоже почти полный храм, хотя и без давки.

Вечером многие остались на исповедь. Общее «слово» перед исповедью не прозвучало так, как хотелось бы, но... покаяться можно, слушали всех. Утром мы собрались было пойти в Успенский храм, уже пришли, присели на приступок у стены, пока не начинали часы, но, увидев, что подходит смешанный хор, быстренько направились в Трапезный храм. Пусть он и правильно поет, но звучание этого хора превращает лаврский храм в приход. Возможно, это неверно, но ничего не могу поделать с этим ощущением. Привычка ли, понятия ли такие... но вот подавай мне здесь мужской хор! В Трапезном пели учащиеся Духовных школ не так мощно, как на всенощной у Преподобного в Троицком, но вполне подходяще. Службу возглавлял Святейший. Литургия прошла, как обычно в такие дни. Вышел отец Андроник^{CXLII} говорить проповедь. Говорил грамотно, даже интересно, в плане постановки вопроса: он подчеркнул, что **преподобный** — это выражение высшей степени **подобия** человеческой души Богу, заданное еще в Ветхом Завете как цель человеческих стремлений. Когда прозвучало: «С миром изыдем» — и молитва затем, мы вышли на площадь, со вчерашнего вечера огороженную железными сборными решетками, всегда и везде мне ужасно не нравящимися! Идея эта неприятна: решетки, милиция. Загородили такое пространство, что можно и молебен не услышать. Слава Богу, устроили «техпомощь» — теперь будет слышно во всяком уголке. В Успенском служба еще не кончилась. Из Трапезной церкви вышло духовенство во главе с тринадцатью архиереями, из Троицкого (говорили, что всего сорок архиереев примет участие в торжествах) ждут Патриарха с со-служашими. Громогласный протодиакон запевае *«Верую»*. Микрофон усиливает его мощный голос, и пение *Символа веры* будит каждого — молящегося и просто любопытного, привлеченного слухом о лаврском празднике. После духоты храма на просторе площади перед надкладезной часовней даже прохладно. Поднимается ветерок, уносит тепло солнечных лучей, щедро льющих с ясного, чистого, высокого голубого неба. Вчерашний ливень промыл каждый листик на деревьях и кустарниках. Небо, белые легкие облака, зелень, здания удивительно хороши вместе. Вот здесь, рядом, сейчас. И когда зазвучала колокольня, когда из Успенского собора вынесли высокий, в рост, образ преподобного Сергия, когда все духовенство заблестало парчой облачений, золотыми бликами окладов, рипид, митр, то даже самый равнодушный человек, здесь стоящий, не смог бы отрицать,

что **красота** — великая сила, живительная и животворная. Подтверждали это и ласточки, со щебетом носящиеся над этим собранием. Этот молодняк радовался жизни. Их здесь много. Еще бы одно — не смешанный, а ребячий хор — и лучшего желать нельзя!

И все-таки это непрестающее чудо — Лавра преподобного Сергия! Когда в толпе говорят о благодати (намяли бока, чуть живым выбрался человек — какая благодать!), то нельзя не сказать с некоторой долей грусти: благодати надо еще уметь открывать душу, чтобы не была она, как асфальт или железная крыша, по которой сбежит дождик, не изменив ничего. Как в Евангелии: дорога утрямбованная, сорняками заросшие ложбины, кое-где кочки с тонким слоем земли и хорошая, обработанная земля. Только четверть всей площади годится для посева. Нам бы благодать везде и готовый чудесный результат без труда и терпения. Что унесем мы в свои края, покидая Лавру? Будет ли душа полна благодарности и решимости изменить себя к лучшему, чтобы образ Преподобного засиял еще ярче лучами незримого света и жизнь стала серьезнее и строже?

О паремиях в день памяти преподобного Сергия Радонежского

Праздничные паремии в этот день составлены из разных стихов разных глав Притчей. Это две первых паремии. Третья — из Книги Премудрости Соломона. Вслушиваясь в знакомые строки похвал праведнику и обращение самой Премудрости ко всем, кто готов слушать Ее, мы легко понимаем, как духовный образ Преподобного раскрывается перед всеми. В начале первой паремии⁷⁴ в древних словах мы находим объяснение тому, что в этот день собирает в храм толпы почитающих память Преподобного: **Память праведнаго с похвалами...** Почему вспоминают праведного? — Потому что понимают (иногда с опозданием, не понимая и не ценя при жизни, что чаще всего сопутствовало жизненному подвигу праведника), какая **радость** жить вместе, на одной земле, в одной Церкви с человеком праведным. И похвалы **памяти** праведника — это благодарность Богу за то, что Он дал праведному Свою благодать и силу стать таким, и за то, что Он дал всем нам в какой-то мере хотя бы понять и оценить такой дар Божий нашей земле.

Что же в первую очередь мы видим в праведнике, чью память творим? — **Благословение Господне на главе его...** С благословения он все начинал, благословил его Господь и его примером учит нас в **благословении** Божиим искать источник успеха и всякого благополучия. Тот же, кто нерадит об этом, пожнет плоды своего неразумия: и силы зря потеряет, и успеха не увидит, потому что все делал без Бога.

Блажен человек, иже обрете премудрость. Праведность неотделима от премудрости. В понимании древних это была не просто высшая степень мудрости, но более того — особый дар Божий, который так меняет все человеческие понятия, что одаренный им уже не ищет того, что так ценят люди, далекие от понимания духовных ценностей. Потому и говорится здесь о **блаженстве** того, кто обрел этот дар Божий. Чтобы понятие это укоренилось в сознании всех слышащих, следующие строки призывают со всех сторон увидеть и уразуметь глубокую истину этих слов. **Лучше бы сию куповати, нежели злата и сребра сокровища.**

Образ купли (то есть торговли) знаком всем и по Евангелию (**куплю дейте, дондеже прииду**⁷⁵). Если сравнение с торгом понятно было тогда каждому, все знали, что торговля неизменно сопряжена с трудом, напряжением воли, сообразительностью, то и теперь всем доступно это сравнение. Не все только действительно считают, что трудиться для приобретения мудрости стоит больше, чем для умножения сокровищ, то есть богатства (**злата и сребра**). Следующая фраза прибавляет и сравнение с драгоценными камнями. Украшенный мудростью ценнее и уважаемее тех, кто считает для себя достаточным жизненное благополучие и выражает внешнее довольство своим богатством, которое в глазах других сияет блеском золота и драгоценностей. Если богатство, добытое трудом, не

⁷⁴ Притч. 10, 7, 6; 3, 13–16; 8, 6, 34–35, 4, 12, 14, 17, 5–9; 1, 23; 15, 4.— *Ред.*

⁷⁵ Лк. 19, 13.— *Ред.*

стоит духовных благ, из которых премудрость — наиболее ценное, то нечего и говорить о тех, кто лукавством добывает себе житейские блага.

Долгота бо дней, и лета живота в деснице ея... Премудрость здесь как бы приобретает свойства личности, образ таинственный и наделенный Божественной силой. Божественная премудрость в дальнейших словах, уже как бы спускаясь с высоты, подходит ближе к людям и обращается ко всем: **Послушайте убо мене...** Почему к такому приему прибегали в древности? — Чтобы активнее слушали и запоминали главное.

Блажен муж, иже послушает мене. Здесь призыв слушать поддерживается обещанием блаженства. В чем оно может заключаться? Слушать, думать, оценивать свои поступки — всегда труд, труд нерадостный, и он многим кажется бессмысленным. Считается важнее **делать**. Делать без оглядки и не задавая себе вопроса: зачем? В противовес такому положению мы слышим другое: если **слушать** то, что открывает Божественная премудрость, и делать так, это приведет тебя к блаженству. Заключено оно в полноте жизни, о чем говорит следующая фраза: **Исходи бо мои — исходи живота.** Как может исходить премудрость? — Она как бы приближается к ищущему ее, и тот, кто нашел ее, знает, как велика радость жить полной жизнью, не ощущая никакого недостатка, не испытывая неудовлетворенности, тревоги, сомнений. На примере святых, особенно таких близких нам, как преподобный Сергей, мы знаем, что это внутреннее богатство добродетелей, его блаженство в общении с Богом привлекало к нему при жизни и после кончины, свидетельствуя об истине древних поучений.

Далее в обращении к нам премудрости мы слышим мольбу. Она молит нас все делать с советом. Не как кому вздумается, а посоветовавшись, чтобы все было разумно, осмысленно. Продолжая обращение, Божественная премудрость уверяет: **Аз мене любящая люблю.** Как можно любить премудрость деятельно, не на одних словах? — Искать ее. Кто найдет, тот получит благодать, то есть обогатится духовными благами, и даст ему Бог разум, чтобы во благо пользоваться и житейскими. В словах **разумейте убо, незлобии, коварство** мы слышим предупреждение: мало быть бесхитростным, простодушным. Надо уметь быть предусмотрительным, осторожным, догадливым там, где можно встретить коварство. Тем, кто не хочет этого знать, закрывая глаза, премудрость советует учиться понимать и отличать истину от притворства, чтобы по неопытности не спутать добро с подделкой под него, не попасть в сети лжи.

Послушайте мене... Снова и снова мы призываемся слышать премудрость, которая утверждает: **честная бо реку,** то есть скажу о ценном, важном, очень нужном для всех. Что же это? — Это снова подтверждение того, как мерзка ей ложь, чем бы она ни прикрывалась. Дальнейшее из этой паремии повторяет опять то, как мудрости, которую любит Бог, чуждо распространенное (особенно теперь) стремление хитростью, изворотливостью что-то себе присвоить, уйти от ответственности, воспользоваться чьей-то неопытностью. Все это мерзко пред Богом. Тем же, кто привык так жить, не понять, что **не в силе Бог, а в правде.**

Вторая паремия⁷⁶ опять возвращает нас к праведнику, уста которого **каплют премудрость.** Здесь и указание на то, что праведник незримо сияет среди окружающих, каждое слово которого действует как капля живительной влаги на иссохшую землю. Здесь же и объяснение того, что праведник не спешит бурным потоком слов обрушить на слушающих множество высоких понятий. Нет. Каждое слово истинно праведного взвешенно, полноценно, неспешно, без суеты и примеси человеческой страстности. Потому и дальше усиливается эта мысль: **устне мужей праведных каплют благодати.** Праведный, стяжавший благодать, становится проводником ее для всякого, кто с ним общается. В обращении с людьми такой никого не обидит, не унижит, не подчеркнет своего превосходства, не хвалится, не грубит, не допускает ничего, что могло бы хоть как-то огорчить другого. Следующие строки другой главы Притчей сразу же ставят нас перед тем, что привычно людям, но мерзко пред Богом: **Мерила льстивая, мерзость пред**

⁷⁶ Притч. 10, 31–32; 11, 1–2, 4, 3, 5–12.— *Ред.*

Господем. Здесь все, что меряется не по правде,— будь то обман в торговле неверными весами, будь то просто нарушение обещания, вообще любой обман и любые его формы мерзки. Всякое притворство, вымогательство, вредительство людям, обман, ложь в любых видах потому так противны Богу, что не только заставляют одних страдать от других, но и разрушают **доверие** друг ко другу. Этим подрывается искренность, уничтожаются многие добрые качества людей. Тот, кто боится верить людям, кто переживает боль от обмана или коварства или даже от равнодушия других, будет страдать. Тех же, через кого **внидет досаждение**, ждет бесчестие. Чем высокомернее и самолюбивее такой человек, тем ощутимее для него любое слово, не по нему сказанное. Он не будет никогда знать покоя душевного, потому что душа покойна только у смиренного.

Следующие четыре стиха продолжают ту же мысль: для благополучия внешнего, а тем более для душевного мира необходим честный путь труда и добросовестности. Кто ищет кривых путей, тот окончательно разорится.

Умер праведный, остави раскаяние. Кто здесь вынужден каяться? — Тот, кто лишился праведника. В чем же ему каяться? — В невнимании к нему, в безразличии к тому, что Бог посылает миру праведников как **свет Свой**, чтобы люди любили свет и тянулись к нему. Обычно каждый из нас мало ценит то, что имеет. Для контраста, чтобы еще больше подчеркнуть эту мысль, говорится о нечестивом, о тех, кого зовут обидчиками. Кто вынужден был терпеть от таких, тот со смертью их лишь свободно, облегченно вздохнет и постарается больше не вспоминать о них.

Правда непорочно исправляет пути. Чьи? Всех тех, кто привык к мысли, что жить по правде невыгодно, что правдой ничего не добьешься, что никто ее не оценит и что вообще по правде не проживешь. Пример праведника — это противоядие таким укоренившимся мнениям. Постоянное внимание к правде жизни, к действиям по совести венчается от Бога, в то время как соблазненный идеей добиться всего в жизни обманом, ложью, хитростью в конечном счете будет несчастен здесь, на этом свете. Трудно будет ему надеяться и на оправдание перед Богом. Эта мысль варьируется в следующих стихах, пока не заканчивается восхвалением мужа праведного и мудрого, умеющего молчать.

Молчать по смирению.

Молчать, когда хвалится безумный.

Молчать, когда его бесчестят.

Молчать, когда кто-то спешит выставить себя на вид.

Молчать потому, что в Боге вся его надежда и Господь его не посрамит ни в сей жизни, ни в будущей.

Третья паремия⁷⁷ говорит нам о том, что давало силы праведникам выстоять среди всех искушений и переживаний. Это то, что **праведных души в руце Божией**. Праведных всегда сопровождали ненависть нечестивых сограждан, притеснение правителей, иногда страдания и муки, кончающиеся насильственной смертью. И все-таки со времен царя Соломона звучит для них радостное уверение: **не прикоснется их мука**, так как душа праведника с Богом. В Боге все их блаженство. В дальнейших словах этой главы говорится о том, что нечестивые, мучая праведных, уверены только в одном: здешняя жизнь для них — это всё. О душе, которая получит себе воздаяние по делам, они не хотят думать. Они не верят, не желают верить, чтобы ничто не мешало им жить по своим прихотям. Праведным, если и приходилось терпеть муку, не изменяло упование на милость и помощь Божию. Когда кто-то недоумевал, почему Бог попускает страдание праведным, что кажется несправедливостью, сами они принимали попущенное как очистительное лекарство. Никто не чист пред Богом. Чем более праведен и свят человек, тем очевиднее для него эта истина, тем горячее желание очиститься в испытаниях, попущенных Богом.

---

⁷⁷ Прем. 3, 1–9.— *Ред.*

От чего же очищаться праведнику? — В любви к Богу, не очищенной страданиями, есть примесь самолюбия, от которой надо освободить свою душу. Потому мы и слышим: **Яко золото в горниле искуси...** то есть в огне сгорает все, все примеси («пустая порода»), и золото становится ценнейшим слитком. И душа, пережившая страдания, больше открыта любви Божией. Кого же смерть настигнет в муках, тоже ничего не теряет: он будет жертвой самоотвержения. Память пострадавших будет разгораться как костер, в который бросают сухие ветки (**искры по стеблюю потекут**). Если гнали праведников во все времена, то, по слову пророка Даниила⁷⁸, не всегда будет так: придет время, когда **воцарится Господь... во веки**.

Это время в некотором отношении пришло в новозаветный период, когда во Христе исполнилось **чаяние языков**. В совершенстве это будет, конечно, за пределами земной истории. Но и сейчас все желающие могут найти дорогу к Богу через Евангелие, которое стало известно во всех уголках земли.

Заканчивается эта паремия словами о благодати и милости для преподобных. Верные Господу в любви, всегда на Него надеющиеся, они всегда и Господом любимы. О них Он промышляет, их невидимо посещает, их радуется незримо для мира, но очень ощутимо для самих преподобных.

Слова эти, звучавшие в торжественные часы всеобщего бдения под праздник преподобного ав-вы Сергия, читались им более пятисот лет назад, воодушевляли его, ободряли и вдохновляли на труд и терпение. Многие из них приближают к нам его образ, говорят о том, о чем умалчивают все его Жития,— о его последовательности учению Святой Церкви и умению **слушать** ее голос в чтении и пении молитвенных слов. Обращенные ко всем верным слова Божественной премудрости приобретают особую силу и доходчивость, когда соединяются с образом почитаемого аввы Сергия, им приближаются и как бы благословляются для руководства и утешения.

В праздник Апостола любви

9 октября

Удалось быть на всеобщей под этот праздник, и даже на литургии. Мы были в Смоленском храме. Хорошо стоять в лаврских храмах, особенно если душа спокойна. Но у меня в тот момент была тревога, даже боль — и все оттого, что в жизни «от любви» столько переживаний. Не себе любви ждешь, не о себе вроде бы думаешь, а о других, но надеде эти думы всем несут массу огорчений, если не хуже. Ольга Николаевна советовала молиться Апостолу любви — святому Иоанну Богослову, чтобы по его молитвам дал Бог чувство истинной христианской любви. Не умею молиться как надо. Смотрю на образ, положенный на аналое. Кто-то, возможно, и внимания не обратит, а мне он кажется не совсем удачным. Написанный, скорее всего, в прошлом веке, он не выражает того, что знаем мы об Апостоле. Орел здесь — скорее чучело птицы, а вовсе не символ. Но чтобы не отвлекаться, стараюсь больше не разглядывать эту икону. Звучат такие знакомые и как-то особенно нравящиеся мне слова: **«Святый Боже...»** по-гречески. Господи! Как хорошо! На службе хорошо, а в голове все те же мысли о неспособности и неумении любить как надо. А как надо? Святые объясняют коротко: **«Силу любить дает Дух Святой»**. Нет сил — значит, далеко до Бога. Все так, но от этого не легче.

После литургии есть возможность посмотреть на другой образ того же Апостола. У него необычное название: **«Апостол Иоанн в молчании»**. Изображается обычно святой Апостол уже в преклонных летах. Пальцами правой руки он касается подбородка и нижней губы. Состояние раздумья — и, возможно, скорбного. Ему-то о чем скорбеть? Может быть, о том, что его проповедь, его слова, его призыв любить не просто не услышаны, а скорее отброшены как что-то нереальное, нежизненное? Не знать, не видеть этого он не может. И тогда, и теперь трудно верить в силу любви. Трудно и потому, что

---

⁷⁸ Царство же и власть и величество царей, иже под всем небесем, дастся святым Вышняго; и царство Его царство вечное, и вся власти Тому работати будут и слушати (Дан., 7, 27).

мир лежит во зле, и потому, что каждый ждет **себе** любви... Прорваться через тьму зла, греха, пропитавшую все в мире, можно только верой. Потому он и сказал: *сия есть победа, победившая мир,— вера наша*⁷⁹. Вера в то, что любовь даст Бог, когда найдет нужным и в каких Ему ведомо обстоятельствах, было б сердце чисто... и открыто Ему; в то, что силен Бог все исправить и даже наши ошибки обратить нам же на пользу, что самое нужное — бороться с самомнением и полностью положиться на Господа! Да, Господи, умножь нам веру! И дай Духа Святаго Утешителя, Вдохновителя и жизни Подателя!

Праздник Преображения

19 августа 1976 года

Так люблю это время, этот праздник! Вечером, естественно, особенно тянет в более тихую и спокойную обстановку, чем городская толкучка. Решившись пораньше отпроситься с работы, лечу на всех парах на вокзал, на электричку. Времени мало. Но и оно, малое, даст душе хоть немного «воли». Еще бы: над рельсами дрожит теплый воздух, стрекочут кузнечики, так медово пахнет таволга у канав, пестреет иван-да-марья, цветет клевер. Небо ясное, голубое, чуть розоватые облака. Жаль, что нельзя не спешить. Жаль и пропустить что-нибудь из всенощной, тем более что до конца стоять ее не удастся. Довезла электричка. Звон зовет к службе. Народу еще не очень много, потом набьется полный храм. Когда какое-то время не бываешь в Лавре, то хочется, ни о чем не думая, просто стоять и слушать монастырскую службу, по силе вникая во все. Сил, правда, мало. Предшествующая суета, напряженность и усталость, следующая за всем, не дают целиком уйти в службу. На помощь приходит... новопостриженный монах! Кто он — не знаю, да и нужды нет знать. Он стоит на солее, к нам спиной, держит зажженную свечу. Она волея-неволей приковывает к себе внимание. Разумеется, вместе с ним. Вокруг бегают послушники, что-то поправляя, внося-унося... В положенный момент — на литию, затем на полиелей — чинно выходит отец наместник^{CXLIII} с сослужащей братией, а новый монах стоит, будто ничего вокруг не происходит и никого рядом нет. Вот бы так: суетятся вокруг, спешат, волнуются, раздражаются, кипят... а стоять бы, не обращая ни на что пустое, лишнее, мелочное внимание, не рассеиваться, не гасить свою свечу. И в делах, и в толпе, и везде, всюду — не отрывать бы мысленного взора, памяти от **предстояния** Богу! Конечно, как не вспомнить такой же праздник много лет назад в другой обители и тоже с постригом. Тогда мне была дана неповторимая радость находиться вдали от всякой суеты. Была келия, пусть на время, совсем не на долгое, но все-таки она была... Было солнце и голубые лесные дали. Было четыре стены и два окошка. Было дело, была тишина, удивительно наполненная жизнью, светом, памятью о Господе. И было все это как дар, незаслуженный, чудесный. Стены видимые ограждали от всякой суеты и всего внешнего, но были и стены невидимые — молитвы старцев, почему-то вдруг, безо всякой с моей стороны заслуги, оградившие от утомительной мелочности всего земного, открывшие красоту нездешнего мира и радостной тишины. Глубокой, внутренней, в сердцевине которой **свет**. Самое обычное дело — не отнимало ничего, не мешало, не утомляло так, как будет все потом, без этой огражденной старческими молитвами обстановки. Никогда ничего подобного больше уже не было, но и за то, что было в Глинской пустыни, — слава Богу^{CXLIV}! «Слава Тебе, показавшему нам **свет!**» Не мне судить, что осталось от него в душе в последующие годы. Слава Богу, что хоть как-то он пробивался через все тучи. И теперь, у Преподобного, он горит огоньком свечи, сияет радостным воспоминанием. Как выразить всю благодарность **Светодавцу** за то, что было, за хотя бы приблизительное понятие о том, что **хорошо** быть с Господом, что при этом можно забыть себя совершенно, помня, правда, о необходимости кущи или сени для Господа, чтобы Он всегда был рядом. **С Ним хорошо!** Не забыть бы об этом в неизбежной суете, не потакать бы своей слабости, лени... Пронести бы память **о свете**, как огонек свечи, через все

⁷⁹ 1 Ин. 5, 4.— *Ред.*

невзгоды, трудности... благодаря непрестанно **Господа и ныне, и присно, и во веки веков...**

К празднику Преображения

19 августа

Не все мои листочки-воспоминания хранят даты. Конечно, это лучше бы исправить, но время ушло, да и писалось в этих отрывочных воспоминаниях не многое, даже не всегда главное. Писалось чаще всего с одной целью — выразить благодарность Богу и преподобному Авве. Даже мысль собрать их и как-то объединить пришла много позже, потому и не следую точно времени их написания, а стараюсь сохранить отдельные штрихи празднований, которые могли бы оттенить и ярче выявить основную идею замысла — **благодарность** Богу. Так, могу сказать, что в Лавре, еще в детские годы, когда наместником был отец Пимен (Извеков)^{CXLV}, в будущем Патриарх, впервые услышала о том, что **фаворскому** свету посвящены целые книги! Это очень удивило. Как о таком невыразимом явлении, как **нетварный** свет (что он — такой, узналось, естественно, позже), можно много говорить и писать?! Удивило и запомнилось имя святителя Григория Паламы^{CXLVI}. Обо всем этом — о святителе Григории и его творениях — мы узнали из проповеди будущего Патриарха. Тогда же вспыхнуло желание прочитать написанное святителем Григорием, хотя не было никаких надежд на его исполнение. Прошли годы, но не прошло стремление в такой праздник бывать на службе в Лавре. Слава Богу, что это удавалось.

На всенощной светлее от белых с серебряным люрексом облачений духовенства. Заметно уходит лето. У икон уже осенние цветы — белые гладиолусы и густо-малиновые флоксы. Паремии уносят на Синай и в глухую пустыню, где пророк Илия спасался от гнева Иезавели. Все хорошо, никуда не тянет, ничего другого не хочется, и если еще о чем-то можно жалеть, то только о том, что нет соответствующей подготовки к празднику, что многое из службы убегает от внимания или скользит по поверхности. Наверное, об этом всегда будет болеть душа. Никто не попался нам, к кому можно было бы попроситься на ночлег, и мы поспешили на электричку. Не близко, конечно, но ничего, не привыкать. Утром уже значительно темнее и прохладнее. Луна и звезды! Быстро собираемся и идем на вторую платформу, как написано в расписании. Электричка подходит к третьей! Народу мало, времени тоже. Прыгаем, вспомнив молодость, с одной платформы, карабкаемся впопыхах на другую. Машинисту, наверное, смешно смотреть на нас, а нам бы только успеть... Успели! Слава Богу, медленно ползем вместе с электричкой, но в 6 часов уже идем по Посаду в серо-голубом рассвете. Над головой протрубили молодые лебеди. Низко летят. Видны их длинные белые шеи. Они покружили над речкой и исчезли, улетели на юг.

Мы успели к началу литургии и даже до литургии успели поисповедоваться. Многие из учащихся причащались. Это особенно приятно, когда много причастников. Пусть лично незнакомые люди стоят рядом, идут потом чинно к одной Чаше, главное — **она** всех объединяет. Церковь собирает и возносит к Богу. Литургия в праздники так быстро проходит! Вынесли поднос со всем великолепием плодов земных: виноград, персики, яблоки, груши. Осветили их, потом покропили всех присутствующих. Обычно в храме в этот день к запаху ладана прибавляется густой аромат зрелых яблок, будто храм переместился в сад. Нам опять надо спешить на электричку. Там, если удастся сесть, можно будет вздремнуть и сквозь дрему думать о свете, фаворском свете, который может одним своим лучиком, хотя бы самым маленьким, преобразить все в душе... Но если и не испытает душа такого чуда, уже то, что была возможность помолиться на литургии в Лавре, стоит признания: ***Хорошо нам здесь, Господи!***⁸⁰

⁸⁰ Ср.: Мф. 17, 4; Мк. 9, 5; Лк. 9, 33.— *Ред.*

Преображение

19 августа 1994 года

Жара быстро сменилась значительным похолоданием. Небо затянуло плотным серым пологом. Только накануне Преображения появились разрывы и радостная голубизна сверкнула в них. На всенощную поехала в Данилов монастырь: очень хотелось дружного, согласного и мужественного звучания тропаря и кондака празднику. Пели неплохо, но как-то вяло, без огонька. Прочитанная накануне Служба по Минее оживила в памяти слова и воспоминания о прежних службах в этот день, но в храме всегда хочется снова получить искорку, оживить ею уставшую душу. Надо в Лавру! Хорошо, что удалось законспектировать воспоминания Дубовой о виденном на Фаворе в 1993 году. Теперь все мысли устремлены к Лавре. Надо пораньше встать, чтобы успеть уже к поздней литургии, к ранней никак не получится.

Утром вышла в золотой восход. Ни единого облачка на ясном голубом небе! Светло, тепло, тихо, будто и не было никаких туч. В электричке подобрался спокойный народ, все сидели тихо. Это всегда хорошо, особенно в праздничный день. Уже видно блестящую чашу с крестом, венчающую лаврскую колокольню. Она мелькнула слева, ненадолго укрылась за холмами и скоро во всей красе вместе с Успенским собором встала на шоссе. Электричка делает крюк, объезжает древнюю Ярославскую дорогу и подвозит паломников с восточной стороны. Идешь старым Посадом, видишь всю Лавру с пригорка. Всегда она удивляет, всегда стоит на земле немеркнущим чудом, к которому привыкнуть невозможно. Лаврский звон созывает к праздничной литургии. На территории Лавры все цветет, много зелени. К Преподобному в Троицком соборе большая очередь. В Успенском прочитали часы, открыли Царские врата. Столп яркого солнечного света устремился на престол. От фимиама — воздух голубой. Ярко горят в потоке света бледно-лиловые флоксы, стоящие около семисвечника. Слабым голосом начал отец Кирилл литургию. Служащих много, в основном молодые архимандриты, игумены и иеромонахи. Из диаконов старшим был отец Ювеналий. Хором, видимо, руководил Бульчук: тон он дает высоко, не все могут его взять, и поэтому нередко у ребят срываются голоса. Напряженность и некоторая крикливость сопровождают его усердие. Но вот он несколько успокаивается, и над толпой плывет мое любимое: *«Агиосо'Феос...»* («Святой Боже.....» по-гречески). И мелодия, и греческое традиционное звучание этих обращений примиряют со всеми недостатками, и уже ни на что постороннее не хочется реагировать. Только бы слушать и ни на что не отвлекаться. Замечаю, что здесь, в этом соборе, уже не в первый раз все внимание забирает, собирает и даже защищает от привычной рассеянности икона Успения Божией Матери. Очень хорошая, заметно отличающаяся от остальных, сравнительно недавно вернувшаяся к нам из далеких веков (то есть освобожденная от позднейших записей) усердием реставраторов. Жаль, что другие иконы местного ряда этого огромного иконостаса смотрятся темными контурами на тяжелом золоте фона.

Служба очень хорошая, и в соборе хорошо, как нигде. Не хочется ни о чем думать, ни на что отвлекаться. Только бы подольше сохранить эти воспоминания! Времени у меня, как всегда, в обрез, но так хочется прибавить к службе и время молчания, время созерцания дивной красоты, которая встретит, если выйти из храма и сразу пройти пешком одну остановку до электрички. На это уйдет часа два, но зато над головой голубое небо, впереди — пустынная дорога мимо домиков Посада и дач, тропинка через лес, дорожка через поселок, лепившийся к платформе своими меленькими палатками и раскинувшийся свободно и правильно на многие километры. Ускоряя шаги, жадно вглядываюсь в знакомые места и слушаю тишину. Посадская улица кончается спуском к небольшому болотцу. Рядом, у самых зарослей ольхи, растет куча мусора. Через дорогу поднялся уже почти городок двух- и трехэтажных коттеджей. Все это хочется скорее миновать, чтобы с облегченным сердцем подняться к участкам, огороженным слева, и полю, уходящему вдаль. На небе появляются светлые и легкие облака. Вспоминается

строчка из Евангелия: *Облак светел осени их*⁸¹. Можно идти и радоваться тишине, красоте родной подмосковной природы: раздольно, безлюдно... Всплывают в памяти отдельные моменты проповеди, совсем недавно произнесенной отцом Исаией (Беловым). Он напомнил слова святителя Григория Паламы о том, что при Преображении Апостолам дано было увидеть Господа таким, каким Он был всегда. Не Он изменился, а они смогли воспринять Его свет, услышать беседу их Учителя с теми, кого уже давно нет на земле. Дано им было это на время и с определенной целью. «Свет присносущный» (то есть всегда существующий) светит в мире до сих пор. Опытом это дано знать не всем, видеть — не всегда, но главное даже не в этом. Главное — в *Светодавце*. Его ощутить в своей жизни, Его слышать, Его слушать — **всегда Живого** — и всей своей жизнью **исповедовать** это — вот бы дал Бог! На деле же, увы, ничего подобного. Вспоминается выражение старца Силуана: «грешная земля». Да, человек такой, как есть, — земля только, и земля грешная. Говорим мы о трудностях, жалеем себя, возмущаемся... а ведь не этого надо. Все мы стоим перед выбором, серьезным и честным: или идешь узким путем Евангелия, или делаешь вид, что идешь, потихоньку устраиваясь в тенечке, чтобы пожить в свое удовольствие. Но и тем, кто делать вид не хочет, нужно много терпения, мужества и трезвости. Их подстерегает опасность противопоставить себя другим, взлелеять в душе фарисея с его: *я не таков, как прочие*⁸². Тесно отовсюду, помоги, Господи! Сам исправь и спаси!

Дорожка моя сбежала вниз, повернула направо. Из-за молодой веточки на старом малиновом кусте глянули спелые ягодки. На дороге куст, когда-то высаженный, чтобы освободить место на участке, — ничей, значит... и ягодки тают во рту. Трудно верить, что может еще на нашей земле быть так тихо и безлюдно! Кто-то копается на участке, но скрыт зеленью. Как хорошо! Да, свет фаворский надо пережить хоть в какой-то мере, надо с ним встретиться, ощутить его касание. Без этого все сравнения, символы, образы ничего не дадут. Здесь, среди этой красоты, нельзя не подумать о том, что видеть красоту природы, радоваться ей, ощущать величие Творца через нее — тоже дар Божий и милость Его. Как цвет — любой — тогда цвет, когда есть **свет**. Ночью, без света нет цвета и красоты, есть один мрак. Свернув налево и пройдя мимо нескольких дач, выхожу к металлическому мостику через овраг. Уже видно озеро. Ярко-голубое, в обрамлении зеленых берегов, на которых, немного отступив, возвышаются ели. Народу около озера мало — пятница. Потому и так тихо здесь, хорошо. Не верила почти, что все это наяву. Прохожу дамбу и поднимаюсь в лес. Елки, посаженные рядами, кое-где кустарник. Под ногами сверкнула яркая земляничка. Пока поднимаюсь к заветной тропинке, раз пятнадцать, если не больше, пришлось кланяться до земли, срывая запоздавшие душистые ягоды. Тропинка моя любимая, вся в солнечных бликах, хранит самые желанные молитвы, напоминает о них. Взгрустнется, когда вспомнишь, что не все желанное получилось. Надо, наверное, и это пережить. Жизнь — только путь. Силен Бог все трудное, грустное, даже ошибочное преобразить так, что поймешь глубокую правду нашей пословицы: не было бы счастья, да несчастье помогло. Если бы только Господь вошел в душу, в жизнь как **Солнце**, все Собой оживил, всех примирил, все преобразил! Господи, умножь нашу веру!

Поселком придется спешить, а пока еще раз хочется поднять глаза к небу, такому безмятежно глубокому, без единого облачка, еще раз глубоко вдохнуть свежесть соснового запаха, порадоваться последней погожей теплой поре, освещенной, в золотых солнечных пятнах, тропе, тишине и безлюдью. *Господи! Хорошо нам здесь быть*⁸³. Только бы с Господом — всегда, везде — и нам, не мне. С Ним и в Нем мы едины со всеми. Дай Бог, чтобы было это не одними правильными словами, а живым ощущением, личным опытом.

---

⁸¹ Мф. 17, 5. — *Ред.*

⁸² Лк. 18, 11. — *Ред.*

⁸³ Мф. 17, 4. — *Ред.*

Под последней елкой у самой опушки ждала свежая и крепкая сыроежка — подарок любимого уголка. Теперь пора спешить. Мерно стучали колеса длинного состава. Значит — товарный. Он задержит электричку, а мне подарит несколько минут, чтобы успеть в ближайшей канаве набрать букет веселой аптечной ромашки.

В электричке стало клонить ко сну. Сквозь дремоту вспоминаются случаи, когда необычный свет — и не солнечный, и не электрический, и не молния... вообще невыразимый и неопиcуемый — в одно мгновение преображал все. В столице все минувшее — казалось, только что бывшее, еще совсем близкое — воспринималось как сказка. И сказка, и быль, и свет, и сумерки, и радость — все вместе. И над всем этим — свет Преображения, и свет Лавры, и сияние красоты, и за все — слава Богу!

Перед праздником Успения Божией Матери

Чем ближе великий праздник, тем острее чувствуется собственная неподготовленность. Жаль упущенного времени, жаль того, что оно часто проходит... не без дела, нет, но без того серьезного продумывания, которое помогло бы полнее ощутить великий праздник. Предстоя мысленно образу Успения, особенно в лаврском Успенском соборе, где рядом с собой видишь очень сложный для осмысления образ Софии Премудрости Божией, поневоле думаешь, что это не случайно. Так же не случайно, как и то, что Софийские соборы в наших крупных городах издавна стали Успенскими. Не вникая сейчас в глубинный смысл этого сложного образа, можно принять самое доступное сейчас: наше бездумное пребывание в храме, в Церкви вообще несовместимо с Премудростью Божией. И пусть глубины доступны не всем, но и самому обычному христианину по силам не уклоняться от **труда** внимательного, серьезного и осмысленного отношения к духовной жизни, к жизни в Церкви. И тут же, глядя сразу на образ Успения и Софии Премудрости Божией, вспоминаешь библейское: *начало премудрости — страх Божий*⁸⁴. Мы знаем страх человеческий, страх наказания, страх потери... но мало думаем, что потерять время Успенского поста, не заметить ничего особенного в службе праздника, ограничиться лишь радостью «разрешения на вся» — тоже страшно. Когда-то православные умели долго вспоминать отдельные фразы богослужебных праздничных текстов, сравнения, образы, напевы, делились друг с другом радостью открывающегося смысла, его углубления, красоты... Куда это ушло? Только ли суета жизни, часто не зависящая от нашего желания, отупляет, очерствляет, порождает губительное равнодушие, способное угасить радость жизни? Может быть, все серьезнее и глубже: **вера** наша, скорее всего, просто легкоеверие, вера-обычай, вера по привычке. Почему перед таким праздником такие грустные мысли? Наверное, потому, что именно в праздничные дни (и предпраздничные тоже) это обнаруживается острее. Если о Матери Божией в день Успения поют: *«и по смерти жива»*^{CXLVII}, то о себе можно подумать, что и в жизни душа может быть мертва. И что же теперь? Есть ли выход, средства помочь себе? Помогать придется самим, не рассчитывая на чье-то участие и заботу. Слава Богу, что есть Церковь, в ней есть средства помочь каждому через Таинства, но беда наша в том, что ими тоже надо уметь пользоваться во благо. Умение не придет без внимания, своего собственного понуждения слушать, вникать, всматриваться в свою душу, чтобы понять и пережить свои немощи, осудить их и просить прощения, просить исцеления и освящения. Как ни трудно, но начинать придется с себя. Начинать с искреннего сознания собственного духовного бессилия, своей греховности. Тогда можно просить помощи не одним языком, а всем сердцем. Тогда будет надежда избежать наказания за легкомыслие и беспечность в деле спасения. А наказываемся мы холодностью сердца и немощью воли. Отсюда и мучающая многих пустота жизни и бессмысленность. Все это, приходящее как неизбежный результат недомыслия и недоработки, теперь, в ожидании такого праздника, хочется погрузить в море **упования** на помощь Царицы Небесной, Которой поем: *«в предстательствах непреложное Упование»*. Дай Бог, чтобы все грустные мысли о своем

⁸⁴ Ср.: Сир. 1, 15.— *Ред.*

недостойнстве, о потерях, столь многих за жизнь, растворились в надежде на милость Владычицы, Которой Церковь веками поет: «*В молитвах (о нас) неусыпающую Богородицу...*»^{CXLVII}. Дай Бог, чтобы надежды эти всколыхнули решимость делать все, что в силах, чтобы не быть рабом лукавым и ленивым⁸⁵, чтобы не стыдно было просить: «*Помилуй мир, Благая!*».

На празднике Успения Божией Матери

27–28 августа 1988 года

Успенский пост в этом юбилейном году прошел вяло. Вообще-то, с постами плохо, суета, как и всегда, всю жизнь, а тут еще и все признаки простуды. Пришлось болеть и лечиться. Правда, к субботе, перед всеобщей под праздник, уже могла ехать на электричке и даже пройтись пешком одну остановку. Серое небо, осенняя тишина. Иди и радуйся, что идешь одна, никто не говорит ни впереди, ни сзади. Никого нет, потому что накрапывает дождик, и как идти в такую погоду? Я-то иду, мне и он не помеха, очень уж наголодалась душа по «воле»... Иду знакомым поселком, осторожно петляю мимо дачных участков и выхожу наконец на асфальтированное шоссе, ведущее к Лавре. И среди этой серости купола Лавры сияют вроде бы как всегда. На акафист мы пойдем в Покровский храм. Там уже приготовлено место для Плащаницы Матери Божией, украшено белыми гладиолусами, астрами и гвоздиками. Акафист прочитали быстро, еще немного надо подождать — и начнется всеобщая. Скоро новый учебный год, собираются отцы и братия. Хор заметно полнеет. Служить всеобщую вышли все отцы в голубых облачениях. Неожиданно вспыхнуло белое пятнышко — это Б. Н. в белом стихаре! Не миновать ему, значит, завтра услышать себе: «*Аксиос!*»^{CXLIX}. Жду давно знакомого звучания трех стихир Успению («*О дивное чудо...*», «*Твое славят успение...*» и «*Дивны Твоя тайны...*»). Поют их веками распевом Киево-Печерской Лавры. Вспоминается, как отец Спиридон в своих заметках «Из виденного и пережитого» говорил о лаврском (Киевском) пении. Интересна такая подробность: почти везде эти стихиры поют именно так, как пели в Киевской Лавре^{CL}. Это объединяет молитвы во всех храмах в этот вечер в один мощный поток! Его никто, кроме Бога и святых, не слышит, но он, наверное, можно так сказать, омывает нашу грешную землю, сам воздух над нею, и становится легче дышать, даже просто жить можно, терпеть можно. Все ли об этом думают, все ли чувствуют, все ли стараются душу вложить в этот поток молитв? Сколько в них тем! Но думать о том надо заранее. Не зря великому празднику предшествует пост... подумай. К сожалению, от поста остались только грустные воспоминания о своей неподготовленности.

Вынесли Плащаницу. Среди цветов, ее окружающих, живые огоньки лампад. Все это очень хорошо, только бы еще в душе светились все и пело похвалы Богоматери. Глядя на лик Богоматери, вспоминаю другой, изображенный при входе, на откосе портала храма Успения в Гончарах. Такой он там выразительный, такая в нем покорность, предельная преданность воле Божией в жизни и смерти. Здесь до этого далеко. Хорошо, что хоть там, в Гончарах, есть. Мы стоим всеобщую не до конца и спешим на электричку. Утром, еще до рассвета (теперь ведь заметно темнее — и утром, и вечером), двинулись в обратном направлении. Народу порядочно, ведь выходной день, много грибников с корзинами. Как ни хорош лес, привлекающий дружными семейками опять во всех сырых местах, на старых пнях, но не в этот праздник. Теперь всем своим существом мы стремимся в Лавру.

Опять стоим в Покровском храме. Да, у Б. Н. хиротония. Почему-то нас это волнует... С Б. Н. мы только здороваемся, очень мало и редко приходилось говорить... Но вот слова Владыки в алтаре: «*Божественная благодать, всегда немощная врачующи...*»^{CLI} пронизывают до пят. Почему? Не знаю, но так остро это ощущалось... Служба пролетела очень быстро, проповедь не оставила желаемого впечатления... А вечером того же дня

---

⁸⁵ См.: Мф. 25, 26.— *Ред.*

обязательно надо успеть в Успенский собор на Чин погребения. В Лавре по традиции он служится вечером первого дня праздника.

Нас провели через братский вход. Мы со страхом (что выгонят) прошли вправо, чтобы приложиться к Плащанице. Лаврская Плащаница, конечно, куда более впечатляет, чем любая другая... Жаль только, что все наспех, все с оглядкой на «блюстителей порядка», которые в такой момент, кажется, больше мешают, чем блюдут благоговение и тишину. Устраиваемся неподалеку от левого клироса. Служил недавно ставший архиереем молодой совсем владыка Никандр^{CLII}. Пока у него нет еще такого отрешенного (от нас) выражения лица, которое бывает у важных персон. Кажется, сознание долга и ответственности делает его серьезным на службе. Дай Бог ему это подольше сохранить...

Стоим мы хорошо, то есть удобно для нас: и хор слышен, и чтецов, и служащих без напряжения воспринимаем. Конечно, не без сопутствующих всему и везде искушений, цель которых — рассеять, отвлечь внимание, раздражить, помешать сосредоточиться и в результате — пропустить мимо ушей такую службу. Мешали ребятишки: вертелись, разговаривали, безобразничали. Мать их печкой стояла, хотя посторонние делали им замечания. Отрешиться от этого, не замечать или хотя бы не рассеиваться, слыша и видя все, не просто. Надо уйти в службу целиком. Слава Богу, хорошо пел хор, видно было и икону Божией Матери с редким названием «Похвала Богоматери». Обычно видишь ее мельком, а тут есть время. Удивительно, как продумывали раньше всякую деталь! Крупные иконы видны с порога. Когда икону видишь, где бы ни пришлось стоять, легче отрешиться от земной суеты и прислушаться к службе. Здесь, на этой иконе, Богоматерь сидит на троне чуть склонив голову (знак внимания), Ее окружают пророки со свитками своих писаний. Жест Ее рук выражает сразу много оттенков Ее реакции на *похвалу*. Основной — это как бы передача ее Творцу (*не нам, Господи, не нам, но имени Твоему*⁸⁶...). Лик и силуэт передают открытость, преданность, внимание и служение. Когда вспыхивает белый свет — загорается золотой фон, когда хор включает свой местный свет, боковой, — блики бегут по золотой разделке, оживляя окружение Божией Матери — цветы, фигуры предстоящих. Все хорошо, и даже очень: звучание юношеского хора, высокий золоченый иконостас, местный ряд икон, убранная белыми цветами сень над Плащаницей Божией Матери, сама Служба. Требуются и свои усилия, чтобы не слышать шум толпы, возню рядом, разговоры о всяких пустяках. Усилия эти тогда увенчаются успехом, когда поможет Господь, а без того можно только устать от старания. Пока рядом канонарх, можно слушать Службу, не заглядывая в книжечку, где она напечатана, а когда все вышли к Плащанице читать *похвалы*, тут уже придется уткнуться в нее, чтобы не пропустить ни слова. Читают все служащие, естественно, по-разному — кто разборчиво и четко, а кто и нет. Но это все мелочи. Особенно хорошо звучит третья статья, где стихи псалма читает один отец Владимир Назаркин, а хор поет *похвалы* на мотив греческого «*Агиос о'Феос*». Не так легко приспособить текст, но все-таки звучит очень торжественно, душевно...

На улице дождь. Уже стемнело. При хорошей погоде медленно, под звон колоколов, двигалась процессия с зажженными свечами вокруг Успенского собора. Теперь же решили не выходить под дождь, пройти крестным ходом внутри храма. Служба так хороша, что такой штрих, сокращающий, конечно, только внешнее величие службы, особенно не огорчает. Мы ринулись под дождь на электричку, а народ — прикладываться к Плащанице. Поневоле думаешь, что слишком много суеты в жизни, но что можно изменить? Только бы не потерять надежды на помощь и заступление Царицы Небесной.

На празднике Успения Божией Матери

28 августа 1991 года

В этом году праздник Успения Божией Матери у меня юбилейный: ровно 45 лет назад мы впервые переступили порог Лавры и были на службе в Успенском соборе.

---

⁸⁶ Пс. 113, 9.— *Ред.*

Больше нигде не служили. Открыли Лавру предпасхальным богослужением в 1946 году, никто нигде о том не оповещал, но слухом земля полнится, и люди узнавали об этом друг от друга весьма быстро. И верилось, и не верилось в те годы! Пока родные прособирались поехать, промелькнуло лето. Выбрались к престольному празднику Успенского собора. Как сейчас помню сырые серые стены собора, как бы нахмурившегося от многолетнего стояния без службы, без жизни. Поблескивал тусклым золотом высокий иконостас, во всем чувствовалась плененность недавним вынужденным молчанием и заброшенностью. И вот на склоне лет снова в этом соборе. Снова смотрим на икону Успения Божией Матери, поневоле приковывающую внимание: она одна из местного чина «раскрыта», то есть усилиями реставраторов освобождена от многолетних записей, которые «поновляли» ее четыре прошедших столетия. Помню ее до реставрации: тяжелый золотой фон, на котором силуэтом выступали все, окружающие одр Богоматери. Тогда мне казалось, что это оттого, что тайна покрывает в веках событие удивительной важности, к которому нельзя приближаться, чтобы не потерять благоговение. Теперь не могу не ощущать притягательную силу этой иконы, обновленной и как бы приблизившейся к нам. Только переступишь порог храма — и к ней приковывается все внимание. С порога видишь ее целиком. Огромная — 2,15 на 1,55 — икона выделяется в иконостасе своей светосилой. Соседствующие с ней иконы еще в плену записей и лака. Их тяжелое, как металл, золото фона только в солнечные дни как бы отступает, давая видеть изображение. На иконе Успения Божией Матери такого уже нет. Золотой фон здесь мерцает и светится, давая полную свободу всему многообразию оттенков золотой осени. Радостное ощущение и от сочетания золотисто-багряных красок с глубокой лазурью, и от звучания знакомых любимых стихир, и оттого, что мы находимся здесь, под сводами этого величественного собора, и ничего другого в этот момент не хочется.

Говорят, что где-то так празднуют Успение, что кажется, будто Сама Царица Небесная сходит на землю. Думаю, что это не оттого, насколько где-то величественно и торжественно проходит праздник, а оттого, как глубока любовь к месту празднования. Кто любит этот праздник проводить в Лавре, тому уже не хочется в такой день быть где-то в другом месте. По себе знаю: где бы ни приходилось бывать в любые праздники — тянет только в Лавру преподобного Сергия. Не берусь судить о том, где сильнее ощущается присутствие Божией Матери, скорее всего это зависит от твоей души, ее настроенности, ее открытости Богу. Знаю только, что редко где можно еще встретить подобную икону Успения, где бы так явлена была «боголепная» слава Пресвятой Богородицы. Выражена она явлением Господа и жестом Его: Он держит душу Ее так, что вспоминаются слова канона: *«честь Тебе яко Сын Матери даруя»*. Держит с трогательной заботой и любованием. В верхней части иконы — восхождение горЕ души Божией Матери. Ее, восседающую на троне, Ангелы возносят к Горнему Царству. В песнопениях звучит обращение к стражам небесных врат: *«се Всецарица Богоотроковица прииде. Возмите врата...»^{CLIII}*. Белый цвет Ее риз зримо выражает то же, что мы слышим: *«гряди, Чистая...»*. Стоять бы лучше поближе, смотреть, слушать, благодарить Господа и Пресвятую Богородицу за то, что вернули Ее икону из «укрытия» поздними записями в действующий собор, где каждый может видеть ее, радоваться, всматриваться, вслушиваться и благоговеть. И конечно, благодарить, благодарить от всей души.

В этот раз как-то больше за душу тронул Чин погребения, совершаемый в Лавре по традиции в сам день праздника. Днем было серо, несколько раз принимался идти дождик. К вечеру стало светлеть. Очень хотелось увидеть на небе ясный голубой «богородичный» цвет небесной лазури. Для этого я вопреки здравому смыслу в дождь выхожу пораньше, чтобы успеть до начала службы пройти одну остановку пешком. Выхожу из электрички на почти пустую платформу. Идти по шоссе неинтересно, а поселком — мокро и грязновато, но зато какое блаженство идти одной! День будний, среда. Вокруг так хорошо, что слов не найти для описания. Такая блаженная тишь! С деревьев спадают капли недавнего дождя, небо потихоньку очищается, проступает понемногу голубец наших северных мест, такой

чистый, такой ясный, будто светящийся изнутри. Спешу пробежать тропинками поселок, чтобы медленнее пройти лесом, величественным, хвойным, где много больших елей. Они серебрятся от недавнего дождя. Внизу голубеет озеро. Редко когда оно так свободно от шума купающихся, от ярких пятен пляжных костюмов, от криков и движения. Озеро неопишуемой красоты. Мысленно представляю здесь скит, небольшую церковочку, тихий звон и молитвы иноков... Но нельзя уходить в мечты и представления себе того, чего нет, надо спешить и здесь, чтобы не опоздать к службе. Еще не так мало предстоит пройти. Последние участки позади, впереди золотой купол Успенского собора. Теперь бы не отвлекаться ни на что, когда уже на месте. Хочется, чтобы рядом не разговаривали (это неизбежный спутник нашего нечувствия, неблагоговения, неумения ценить храм как *дом молитвы*⁸⁷), меньше бы мешали «блюстители порядка», часто ведущие себя совсем не так, как надо. Но, слава Богу, мы стоим здесь, стараемся отключиться от всех помех и слушаем *похвалы*. Написаны они по типу Службы на погребение Спасителя и переведены с греческого профессором Холмогоровым 145 лет назад. Их кое-где исправил митрополит Филарет (Дроздов). Хотелось бы, чтобы местами он написал короче, четче, яснее, но... и так отдельные фразы очень хороши. Ученые мужи не хвалят эту Службу, и пусть себе — как знают... Лучшей нет, а если эту отложить на неопределенный срок (до написания оригинальной, ни на что не похожей), то будет еще хуже... Нам, тонущим в суете, нужно не раз и не два обратиться мысленно к празднику, услышать Службу, не раз повторить стихиры... Нужно задержать внимание на прославлении Богоматери, побыть в атмосфере церковного величания Пречистой, чтобы совсем не очерстветь, не задохнуться в делах и заботах. Служащие отцы во главе с отцом наместником^{CLIV} стоят вокруг легкой сени над Плащаницей. Легче следить за чтением, когда смотришь в книжечку со Службой. Неужели не придет отец Владимир к третьей статье? Он уже несколько лет читает слова псалма, а хор поет *похвалы* на мотив греческого *Трисвятого*. Этот момент по исполнению мне более всего нравится. Кажется, что лучше всего было бы, если б читал так отец Владимир всю 17-ю кафизму, и никого больше не надо. Даже многочисленных участников этого праздника, вышедших к Плащанице, беготни помощников... но, конечно, к хору, тем более мужскому, это ни в коей мере не относится. Просто не всегда, видимо, думает начальство, что лишняя суета, мелькание на сцене фигур, что-то приносящих и уносящих, мешает нам сосредоточиться, нам грешным, у кого и без этого рассеивается внимание. Кто может стать выше этих мелочей, того не отвлекает ничто, а в помощь нам заповедано благоговейное и спокойное служение...

Но вот кончили 17-ю кафизму с *похвалами*, духовенство вернулось в алтарь, с клиросов полились призывы: «*Благословенная Владычице, просвети нас светом Сына Твоего*»^{CLV}. Мольба о просвещении **светом** Сына Божия предстательством Богоматери продолжает Преображение. Только что, накануне предпразднства Успения, заканчивается во времени праздник Преображения Господня^{CLVI}, но не кончается жажда преобразиться, измениться «*лучшим изменением*». Познание нашей духовной немощи Церковь возносит над землей к престолу Владычицы прося Ее ходатайства и заступления. Даже тогда, когда явно ощутить этот свет не удастся (мешает глубоко укоренившаяся гордыня, которая и даром Божиим может питаться, принимая его как должное и возносясь в пагубном тщеславии), Господь милует человека по молитвам Божией Матери, радуя его душу красотой творения. И это — дар Божий, и он, как радость жить, двигаться, созерцать, достоин самой искренней благодарности, удивления, благоговения. Что это так, убеждают нас толпы с серыми, скучными, ко всему равнодушными лицами, иногда и в детстве не знакомые с тем, какой может быть самая обычная радость жить, видеть солнце, небо, землю, слышать шорохи и звуки обычной жизни. Об этом же **свете** мы слышим другие слова: «*во свете Твоем узрим свет*». «*Твой свет*» — это свет Лица Божия, и только в лучах такого света возможна жизнь, сознаем мы это или нет.

⁸⁷ Ср.: Ис. 56, 7; 1 Мак. 7, 37; Мф. 21, 13; Мк. 11, 17; Лк. 19, 46.— *Ред.*

Настало время собираться в обратный путь. В узких окнах собора давно сгустились сумерки. Уже прикидываешь в уме: успеешь ли на такую-то электричку. Это мешает слушать и слышать канон. Ждешь славословие, чтобы после него двинуться ближе к выходу. Зашевелились хоругвеносцы, забегали ребята, раздвигая народ, двинулось духовенство с Плащаницей вокруг Успенского собора. Над тихим городом поплыл редкий звон. Огоньки свечей в руках у людей, неспешно идущих крестным ходом. Мы одним глазом смотрим на торжественную процессию, другим на дорогу к своей электричке. Скатываясь под горку, слушаем звон на бегу. Жаль, что всю жизнь бегом и все наспех, но если иначе не получается, пусть лучше так, зато в Лавре. Помехи, конечно, неизбежны везде, но и они бы меньше вредили, если бы внимательнее, собраннее, с большей сосредоточенностью провела бы Успенский пост, не зря же он предвещает праздник. Но и при всей своей неподготовленности, своем недостатке, при всех упущениях, слава Богу, можно было в этот день быть в Лавре. Слава Богу, что в Успенском соборе теперь такая икона. Ее вполне можно считать средоточием всей духовной силы и мощи этого древнего собора, когда-то задуманного Иоанном Грозным как более достойное место нахождения святых мощей великого Аввы (по сравнению с меньшим по площади Троицким собором). Размыслив и убоявшись свою волю поставить выше воли преподобного Сергия, Грозный не отказался построить собор, а мощи преподобного Сергия переносить не дерзнул без явного соизволения на то самого Преподобного. Слава Богу, что в наше время есть возможность молиться в этом соборе или хотя бы слушать службу, даже просто присутствовать на ней. Это, конечно, и ответственно, но если есть возможность, надо ею пользоваться и благодарить.

Мы плывем в ночь на электричке. Народу уже мало. За окнами сплошная темень. Хочется, чтобы праздник не проходил, продолжался в душе, чтобы подольше звучали в памяти стихиры праздника, чтобы посторонились все преграды, отвлечения, не мешали мысленно пребывать в том, что видели глаза, слышали уши, на что отзывалось сердце. В какой бы скромной мере это ни было — слава Богу, от всей души — слава! Только бы не прошло бесследно, не погасло так, не затерялось в потоке будней. *«Благословенная Владычице, просвети нас светом Сына Твоего!»*

В праздник Воздвижения Креста Господня

26–27 сентября 1987 года

Как это часто, если не всегда, бывает, к празднику так и не удалось подготовиться как хотелось бы. А как хотелось? Во-первых, перечитать стихиры, которых хотя и нет, но найти можно было бы. Во-вторых, одолеть книгу, посвященную разбору канона Животворящему Кресту. Тема интересная, но написана книга так, что читаешь — как воз везешь. Надо было бы заставить себя сдвинуть этот воз, но не получилось. Пора и в храм. Идем в Смоленский, пока там служат. Кончится ремонт в Покровском храме, и у лаврской Одигитрии воцарится тишина. А пока — все живет и звенит: хор учащихся, слишком мощный (в каком бы составе ни был, хоть из трех человек) для такого маленького храма, заставляет дрожать каждую завитушку барочного иконостаса. Здесь всё так близко, как нигде. В открытом алтаре виден крест на престоле, украшенный белыми гвоздиками. Вопреки обычаю, всеми поддерживаемому, здесь мало цветов. Уже осень, скоро заморозки. Может быть, и это умножает желание принести в храм последние цветы, чтобы праздник был неотделим от радости жизни, цветения, красоты.

Как-то в этот день пришлось мне быть на Украине. Там крест украшают очень невзрачными, но ароматными цветами, которые зовут васильками (ничего общего с нашими не имеющими). А в России в это время в храмах обычно преобладают астры, гладиолусы, хризантемы.

Здесь, в алтаре, перед крестом горит свеча, хор поет стихиры. Хорошо поет, хотя и не без ошибок. В величании слова *«имже нас спасл еси от работы вражия»* отзываются болью, потому что *«работа вражия»* в жизни очень успешна... Много побед врагу

подготовили наше самолюбие, лень, слабая вера. Даже понимание этого доходит до сознания долго и трудно. Думать о значении Креста за богослужением не время. Обычно думается после, или в противовес проповеди, или (что реже) — в соответствии со сказанным. В этот раз проповеди не было. Служба была как бы сжата местом и временем. Хорошо, что в электричке, когда возвращались, никто и ничто не мешало думать. О Кресте и жизни. Отец Сергей Булгаков^{CLVII} говорил, что любовь Божия к миру неразрывно связана со страданием, с **Крестом**. Бог, желая вознести, поднять, возвысить Свое творение, встречается с противодействием ограниченности Своих людей, предпочитающих свое, пусть более земное и обыденное, но знакомое и легкое. Все падшее, земное, противится Кресту, боится его. Крест всегда входит в жизнь всякого любящего. Любовь и жертва неразделимы. Кланаясь Кресту, мы кланяемся и величаем любовь Божию, которая не побоялась выйти навстречу, снизойти не только ко всем вместе, но и к каждому человеку в отдельности. Вспоминается многое, но разрозненно. Мысли плавают, как золотые кленовые листья на поверхности лужи.

Не может не вспомниться и вечер того же дня в прошлом году, когда в тишине ночи вдруг страшный огонь обрушился на спящих и пятерых человек не досчитались в рядах учащихся...^{CLVIII} Не знаю, кто как переживал, но те, кто ответственен за недосмотр, за небрежность, недомыслие... должны были бы известись от сознания непоправимости происшедшего.

В самый день праздника были в столице. Литургия не отличалась особой торжественностью (или просто сказывается избалованность лаврскими службами?). Хотелось тишины и безлюдья, что позволило бы продолжить раздумья о значении Креста в нашей жизни. Время вообще набирает ход, а в праздники оно пролетает мгновенно. К сожалению, ритм нашей жизни почти целиком лишает человека возможности думать, а без этого дни укладываются в какую-то поточную систему, человек превращается в винтик огромной машины, как учили нас в школе. Еще страшнее то, что многие сами бегут от серьезных размышлений... хотя бы о Кресте. Можно ли сказать, что он — средоточие наших стремлений и источник решимости все терпеть? Можно ли себе честно признаться, что хочется постоянно и решительно нести свой крест, с которого не сходят, а с которого снимают? И вместе с тем крест — не только боль, узкий путь, бесконечное терпение... Есть и **радость** в нем. Крест **объединяет** всех, кому он дорог. А дорог он тем, кому и Господь дорог. Чувствовать себя не оторванным сухим листиком, сморщенным осенью и выброшенным на ветер, а живой клеткой единого живого организма — Церкви — это стоит лишений и жертв... Это уже **слава и сияние** Креста Христова в жизни каждого. В этом смысле Крест — **красота** Церкви, красота каждого в Церкви. Потому и украшают кресты. В церкви — цветами, в жизни иереев и архиереев — драгоценными украшениями, так как их жизненный крест заключается в забвении себя, а сияние драгоценностей — это слава Церкви. Если это не так, то никакие украшения не разгонят мрак души. Слава Богу, что среди всех текущих дел помнится бодрая мелодия, звучащая в исполнении лаврского хора: *«Радуйся, живоносный Кресте, благочестия непобедимая победа, дверь райская, верных утверждение, Церкви ограждение...»*^{CLIX}. Слава Богу, что так много было связано с Крестом и им ограждалось... Слава Богу за все!

Филаретов день

Декабрь 1966 года

Днем все как всегда. Конец года, отчет. Мелькают лица, бумаги. Скорее, как всегда — скорее. Но вот рабочий день окончен. Наступает вечер, а с ним и тревога: пустят ли за заветную дверь, которая из храма ведет в актовый зал Московской Духовной Академии? В этот день там особый праздник, посвященный памяти московского митрополита Филарета (Дроздова). Мы знаем об этом и потому рискуем появиться, стать около этой двери, надеясь лишь на чудо. Нас могут, конечно, и выпроводить. У нас нет авторитетных знакомых, нет даже кого-нибудь среди учащихся, кто бы заслонил широкой спиной от

пытливого взора дежурного. Чего же ждать в таком случае? Прошли просторные рясы и мантии, блеснули золоченые кресты именитых отцов, повеяло духами от их матушек. Улыбаясь, приветствуют друг друга, радуясь встрече. Им широко открыты все двери. Нам же — «хождение по мукам». Вся мука в неопределенности. Желающих попасть много, дежурных тоже много. Кто-то пробует провести своих обходным путем. К ним присоединяется цепочка того же жаждущих. Неумолимый студент-дежурный отрезает: «Поворачивай (своему однокашнику, а с ним и всем примкнувшим) и — через храм». Топчемся, поглядывая вверх. Наконец оттуда махнули: разрешили пустить на оставшиеся места. Толпа хлынула по лестнице, заполнила проходы. Кое-кто из студентов встал, уступив свое место гостям. Нам уж только б постоять у стеночки разрешили!.. Впереди длинный стол, над ним большой овальный портрет митрополита Филарета в профиль в полном архиерейском облачении. В прошлые годы был другой, где митрополит Филарет изображен в скуфейке, более приветливо смотрящим на собравшихся. Кое-как разместились. Вошел Патриарх (Алексий I), митрополит Пимен, архиепископ Алексей^{CLX}, ректор^{CLXI} и инспектор Академии, наместник Троице-Сергиевой Лавры^{CLXII} и другие. «Царю Небесный...» — запел хор, подхватили находившиеся вперемешку с гостями студенты, и, осмелев, включились остальные.

«Царю Небесный...» поют все так слаженно, будто и впрямь «единым сердцем и едиными усты». Нам, оказавшимся здесь сразу после совершенно другой обстановки, кажется это общее пение началом совсем **иной** жизни, ничем не похожей на только что оставленную. Мы здесь почти как в сказке. Пропели, сели. Объявили тему доклада, в котором говорили о митрополитах Платоне^{CLXIII} и Филарете как об учителе и ученике. Параллели, даты, цитаты... Восторженные похвалы современников, подчеркнутое значение обоих архипастырей для Русской Православной Церкви. Все это вне сомнения. Почему-то мне кажется, этого мало. Хочется узнать о тех трудностях, которые, конечно же, были. О том, как они их преодолевали, что им помогало. О той серьезной, глубокой внутренней работе, без которой они, кажется, не обошлись. К сожалению, докладчик этого едва коснулся. Так же, чуть ли не одной фразой, пытался обрисовать обстановку, время их жизни. Может быть, присутствовавшие все это давно знали, но мне трудно было увидеть живых людей за столбиком цифр и передвижений по этим цифрам на иерархической лестнице. По окончании доклада Патриарх добавил несколько слов, но его дополнение казалось значительнее всего доклада. Митрополиту Филарету пропели «Вечную память» победно и торжественно. Ректор МДА епископ Филарет объявил присутствовавшим, что один из студентов, теперь клирик Болгарской Церкви, написал стихотворение, посвященное памяти святителя Филарета. Теперь перевод этого стихотворения читает студент четвертого курса В. Начал студент едва слышно, потом расхрабрился, стал читать громко, даже звонко. В стихах чувствуется Родина автора — Болгария, с благодарностью вспоминающая митрополита Филарета.

Настало время вступить хору в общее празднество. Объявили, что будут исполнены стихиры праведному Филарету Милостивому, «Величит душа Моя Господа...», «Свете Тихий» и другое.

Неожиданно гаснет свет. В первое мгновение — беспросветный мрак. Приглядевшись, заметили сияние лампы в углу перед образом Спасителя, оттаявшие постепенно оконные проемы, силуэт колокольни в ближайшем окне и дальше, уже за монастырской стеной, гирлянды огней. Там — большой, шумный мир, залитый электрическим светом. Здесь — небольшая группка людей слушает при едва заметном сиянии лампы пение хора. Там — текучка, спешка, будни, здесь — праздник. Здесь не только те, кто сидит или стоит, прижавшись к подоконнику, но и те, о ком помнят. Это кажется символичным. Сейчас здесь, как в жизни. Один огонек, но — лампы. Свет, пусть не яркий, но живой. И тьма его не гасит⁸⁸. И не страшно, потому что все вместе.

---

⁸⁸ См.: Ин. 1, 5.— *Ред.*

Пусть неизвестные, но все-таки объединенные одним общим стремлением достойно почитать святителя Филарета, а значит — все в главном **свои**. И хор так хорошо поет!

Свет починили. Замигали длинные трубки дневного света, загорелись желтоватые лампочки люстры. Все сразу стало более обычным, исчезла таинственная ощутимость символа.

Ректор благодарит Патриарха, присутствующих. Патриарх сказал в ответ несколько слов. Всегда приятно слышать слова, сказанные спокойно и просто, без бумажек. Общим пением «*Достойно есть*» закончился памятный Филаретов день.

Заключение

Пора ставить точку. Не знаю, удалось ли выразить то слияние двух миров: нашего, земного, видимого с не менее реальным невидимым, какое присуще святой обители преподобного аввы Сергия, того чуда, каким она является для всех нас, живущих в таком непростом веке... Могу только повторить неизменное: Слава Богу за все! Его хватило бы для выражения благодарности и без этих страниц, но они просились из души — и вот появились на свет. И за них — слава Богу и преподобному авве нашему Сергию.

Приложение. Некоторые случаи помощи преподобного Сергия в более близкое нам время

В разных редакциях Жития преподобного Сергия есть немало случаев помощи Преподобного, но пыль веков поневоле отдаляет их. Не то что вера гасится, а все-таки реальность этой помощи видится уже как бы в тумане. Тем охотнее слышишь и читаешь о том, что помощь эта не прекращается. Вот некоторые из известных и, может быть, не очень известных случаев, свидетельствующих о жизненности и реальности участия Преподобного в судьбах к нему обращающихся.

Встреча

Стоит начать, пожалуй, с момента, о котором писал С. А. Нилус^{CLXIV}. Вкратце было так: молодой барин (сам Сергей Александрович) после окончания Московского университета по долгу службы на

Кавказе должен был пробираться тесной горной тропой. Где-то на повороте лошадь оступилась, перевернулась в воздухе, сбросила седока и исчезла в пропасти. «Все кончено!» — едва успел подумать он, но к великому изумлению своему и всех оказался в кустах. Лошадь тоже. Исцарапанные, но живые, с легкими ушибами, они скоро пришли в себя от испуга, и он увидел в этом грозное напоминание об обете, который дал перед экзаменами в гимназии: тогда он просил Бога помочь сдать экзамены, обещая сходить к преподобному Сергию в Лавру. Экзамены сдал, но про обещание забыл и вспомнил только, когда его основательно встряхнуло на Кавказе. Тут он снова пообещал при первой же возможности поехать в Лавру. Когда он вернулся в Москву, то не стал откладывать, сразу же поехал к Преподобному. Монах в Лавре рассказал ему о достопримечательностях и повел в Троицкий собор, где был молебен. Барин взглянул належавшую под стеклом схиму Преподобного и с ужасом встретился взглядом с грозным взором живого лица Преподобного в своей схиме. Он стал молиться с глубоким покаянным чувством, и взгляд преподобного Сергия теплел, потом его образ исчез. Прежнее безразличие к вере, к жизни своей души было поколеблено, но еще не сразу отпустило его. Пришлось много трудиться и пережить немало скорбей, пока он стал верующим и православным.

Начать этим видением хотелось для напоминания себе и всем, кому доведется читать об этом в жизнеописании С. А. Нилуса^{CLXV}, о том, что всех встречает преподобный Сергий, чаще всего незримо, но обязательно **встречает!** Нам надо позаботиться о том, чтобы встреча была благодатно-радостной. С нашей стороны требуется лишь покаянное сознание и расположенность к Преподобному.

Благословение Преподобного

В конце прошлого века многие жители Москвы и окрестностей считали своим долгом «сходить к Троице», именно сходить, одолевая пешком если не весь путь, то хотя бы часть его, что по силам. Так из Раменского решили идти в Лавру мать с сыном Колей и ее сестра со своим сынишкой. Дошли. Когда Коля подходил к мощам преподобного Сергия, то гробовой монах взял несколько монет, лежащих у раки Преподобного, велел Коле как бы в благословение от преподобного Сергия купить сочинение митрополита Московского Иннокентия «Указание пути в Царство Небесное»^{CLXVI} для себя, а брату — речь профессора В. О. Ключевского к 500-летию прославления Преподобного. Колю удивила настойчивость монаха, но он послушался и купил то, что было велено. Дома он положил все это среди книг и забыл о покупке. Прошло 10 лет. Коля окончил гимназию и решил поступать в институт путей сообщения. Готовясь к экзаменам, перебирая книги в шкафу, наткнулся на брошюру митрополита Иннокентия, прочитал ее и, сдав экзамен, поехал в Оптину. Там отец Варсонофий^{CLXVII} благословил его поступить в Духовную Академию. Впоследствии он стал монахом, епископом Варнавой (Беляевым)^{CLXVIII}.

Причащение

Духовник афонского русского монастыря в молодости был в России, где и мог слышать о случае в Троице-Сергиевой Лавре, о котором он, отец Кирик, рассказывал уже в Сербии, куда его вызывал сербский Патриарх Варнава в 30-40-х годах XX века. Вот его рассказ.

«В Сергиевой Лавре был такой случай: пришли к больному иеромонаху причастить, и как только открыли двери его келии, в этот момент исчезла крыша и с небес спустился в келию Сам Христос, окруженный Ангелами. Он взял из рук священника Чашу и Сам причастил больного иеромонаха, затем отдал Святую Чашу священнику и тем же путем, окруженный святыми Ангелами, вознесся на небо. Так и каждого, кто с верою и должными мыслями подходит к Святому Причастью, Господь удостаивает подобного образа Святого Причастия».

О мыслях, с которыми надо подходить к Святой Чаше, отец Кирик, памятуя этот случай, говорил:

«Подходя к Святой Чаше, потребно сказать себе мысленно: "Господи, я недостойн сладкого Твоего Причастия, но я верую, что Ты меня удостоишь"— и подходить с живой верой и сознанием, что тебя Сам Христос причащает, хотя видимо священник или архиерей, но невидимо — Сам Христос».

Ласка Преподобного

В начале XX века в Сергиевом Посаде жила Н. Верховцева^{CLXIX}. В своих воспоминаниях она делится пережитым ею волнением, охватившим ее во сне. Она запомнила дату — 20 июня 1917 года. Ей было тогда 20 лет и она жила с мамой недалеко от Лавры. Во сне она видела преподобного Сергия.

«Я увидела себя стоящей у святых мощей в вечерний, столь мною любимый час. Рака была уже полузакрыта. Вдруг вижу в ней движение: крышка отодвинута, и на край раки садится старец — сам Преподобный... Худое, изможденное, бесконечно доброе родное лицо, а у меня страх, трепет и ужас. Да, именно человеческий ужас перед сверхъестественным для слабого разума нашего явлением. Но мгновение, другое — и дух превозмог, и изгнан страх, и я у святых его ножек.

Преподобный обеими руками приподнял меня, обнял и, прижав к груди, поцеловал трижды: в угол щеки, переносицу и лоб, говоря беспредельно нежно: "Милая моя детка...". Я, бросившись вновь к его ножкам, с рыданием и мольбой: "Прости, помилуй, не оставь — Преподобный, Преподобный!". И вот от чрезмерного волнения, напряжения и слез проснулась и зову маму...».

Посещение Преподобного

С именем преподобного Сергия связано было и переживание сравнительно недавно скончавшейся москвички А. А., о котором она писала в завещании дочери. Само завещание было написано в 1956 году, задолго до смерти.

*«Когда зимой мы с тобой жили у Т. А., я спала у окна. Однажды к утру открывается дверь, входит Старец. Он наклоняется ко мне и так тихо-тихо, ласково говорит: "Только бы окрестить...". Несколько раз повторил это. Я, пораженная, проснулась, а голос так и звучит, даже сейчас его помню. Слова эти относились к папе, хотя перед этим я о нем не думала. Оделась, умылась, пошла в Лавру. Когда дошла до калитки, поняла: "Боже мой! Это же преподобный Сергий посетил меня!". Остановилась... и в этот момент не то что поняла, а явно, абсолютно познала: преподобный Сергий **жив**, как мы, существует, **есть** мир невидимый! До этого момента я так реально, точно, этого себе не представляла. Я не шла, а летела как на крыльях, в душе было так светло! **"Не забуди, якоже обещался еси, посещая чад твоих, Сергие, преподобне отче наш!"**. И я убедилась воочию, что он истинно посещает, страшно сказать, чад своих. Как мне было хорошо! Преподобный Сергий — наш покровитель! Помни его всегда, молись ему всегда, люби его, проси обо всем, отдавай ему свое сердце, как самому родному, близкому отцу, и он все тебе сделает».*

Окрестить надо было мужа А. А., что и сделали родные.

Явление Преподобного

В 60-х годах XX века Сергей Иосифович Фудель записал:

«Мне рассказывали, что во время наступления немцев на Москву три мальчика г. Загорска лет 10–11, Боря, Миша, Сережа — пошли под вечер 27 августа, то есть под Успение, в сторону Черниговской в лес за дровами. Скоро стало темнеть, и они обнаружили, что заблудились. Долго они ходили, не видя выхода. Кто-то из них сказал: "Ну что ж, надо помолиться". Это было поручено Мише: "Миша, ты помолись, ты умеешь". Миша несколько раз перекрестился. После этого они опять пошли искать дорогу, но все же не находили. И тут они увидели, что сквозь ветви уже темного леса показался мигающий огонек. "Наверное, сторож или лесник", — сказали они и пошли на огонек. На открывшейся небольшой поляне они увидели человека "в шапке, которую носят батюшки". В правой руке у него был большой крест, а в левой "что-то, чем он все время помахивал" (так они, очевидно, восприняли кадило). Тут мальчиков охватил страх, но уже другого рода. Миша оказался в середине, и они начали его толкать локтями с той же просьбой: "Молись, молись". И как только он "замолился", человек в "шапке, как у батюшки" начал осенять [их] крестом. И тогда они увидели светлую дорогу в направлении крестного осенения и побежали по ней. И когда они вышли из лесу и шли [уже] по знакомому лугу, они поняли, что никакой дороги, собственно, под ними не было, а шли они по дороге света. И, подходя к своим домам, они решили: "Завтра... пойдём в церковь". Взрослые, сопоставив их рассказ с направлением этой их обратной дороги, поняли, что Преподобный осенял не только их, но и всю Лавру, свой "град", и некоторые, уже решившие эвакуироваться, остались на месте, успокоенные в том, что город их под небесной защитой»^{CLXX}.

Призвание

О чудесной помощи преподобного Сергия рассказал и настоятель Ахтырской церкви отец Борис Можаяев^{CLXXI}.

Он работал врачом. Заболел. Лежал в палате без сознания. Жена, тоже врач по специальности, услышала от заведующего отделением приговор: «Смерть — вопрос короткого времени». Со страшной тоской поехала она к Преподобному в Лавру.

«Тяготит, камнем давит не столько то, что она, молодая, но уже с крепко подорванным здоровьем женичина, останется с двумя детьми, никому вообще-то

ненужная, обреченная на одиночество, относительную нищету, но больше тоска оттого, что уходит в вечную гибель, на вечные муки, без надежды на прощение и спасение близкий человек, с которым худо-бедно делили радости и невзгоды уже 15 лет».

Впоследствии муж ее говорил: «Видимо, горяча и искренна была ее молитва. Она восстала от раки с чувством, что камень с души упал. Ничего не изменилось, но тоска пропала». В этот день, когда она молилась у Преподобного, муж вдруг пришел в сознание. Сначала — ненадолго, а ночью — уже окончательно. И стал поправляться. Выздоровел. Стал верующим и принял священство.

«Надо молиться!»

Об образе преподобного Сергия, возникшем в детском сознании, рассказывает пенсионерка. Скорее всего, он возник во сне, но на всю жизнь сохранился очень живо.

«Чувствую, что стою у самых дверей храма, которого четко не вижу. Впереди замечаю движение среди священнослужителей, знаю, что сейчас они будут выходить на солею читать входные молитвы. Храм напоминал Всехсвятский под Успенским собором в Лавре, но был вместительнее, свободнее, без массивных столбов, но такой же низкий. Идти вперед не хотелось. И ничего не хотелось. Тяжело было на душе, очень тяжело. Не хотелось двигаться, думать, говорить. Ни на что не было сил. Все тело, казалось, стало каменным. Пальцы — каменные. Их невозможно сложить для крестного знамения, нет сил поднять руку. Что-то слышу—не прислушиваюсь, что-то вижу не глядя. Все плывет мимо сознания, и все кажется ненужным. Бессилие и безразличие полное. В какой-то момент справа, чуть сзади, ощущаю присутствие... **Старца**. Он выше меня, но не очень высок. Не глядя, знаю, что он здесь потому, что хочет мне помочь, что он меня жалеет. Знаю и то, что он очень хорошо понимает, что говорить бесполезно. Если что-то еще можно сделать, так только сердечным участием, душевным теплом, такой искренней заботой, без которых душа окаменела, оледенела. Он — я это чувствую — очень просто держится, его не надо бояться, он не прогонит, не укорит. Он знает, что очень тяжело, и потому специально подошел, не сказав ни единого слова. Он берет правую руку, складывает пальцы для крестного знамения и поднимает ее. Так взрослые маленьких крестят их ручкой. Моя тяжелая, непослушная рука с трудом повинуется. В это время к нему из алтаря выходят, прося благословения начинать литургию, какие-то важные, сияющие богатством облачения архимандриты или архиереи, не вижу точно, потому что не смотрю. Не до этого. **Мой** Старец благословляет их начинать, но не уходит. Их там много, они все прочтут как надо. А он пока меня не бросит, пока побудет. **Он** не спешит, он тут, рядом. От его присутствия, его участия начинает оттаивать душа. Свинцовая тяжесть понемногу теряет вес. Я понимаю, что он хочет сказать: надо молиться. Обязательно молиться, понуждать себя на молитву, как бы ни было трудно. В душе шевельнулось согласие. Тяжесть сползла, как подтаявшая глыба слежавшегося снега с крыши. В душе понемногу стали оживать силы. Ясно — **Старец** должен уйти. Теперь это уже не пугало. Он пойдет к тем, кому еще очень тяжело и горько. Мне уже легче, и во все существо проникает живительная теплота. Возвращается **жизнь**. Теперь я знаю — это наш **авва Сергий!** Это, несомненно, **он!** И смешанное чувство удивления, благодарности и... надежды не так быстро, но решительно возвращает из туманного, холодного, окамененного нечувствия».

«Ты здоров!»

Однажды вечером, перед закрытием Троицкого собора в Лавре, когда все богомольцы идут на службу в Успенский собор или Трапезную церковь, группа военных просила разрешения осмотреть древний собор. Отец Николай разрешил и сам рассказал о Лавре, о ее основателе — преподобном Сергии, о многочисленных чудесах при его жизни и после кончины. Военные слушали, удивляясь больше тому, что есть еще на свете странные люди, которые могут жить в этих древних стенах, интересоваться давно

минувшим, верить в чудеса, уходить в молитвы... Все это такое далекое от жизни, почти нереальное.

Послушали, вежливо поблагодарили и направились к выходу. Один их них, Евгений, на мгновение задержался и, не отдавая себе отчета, вдруг мысленно обратился к преподобному Сергию: «Если ты есть и меня слышишь, то устрой так, чтобы мне годика на два заболеть. Все просят исцеления, а мне бы — заболеть».

Вернувшись к своим делам, он забыл о командировке и об экскурсии в Лавру: сколько всяких музеев повидал он на своем веку! Однако через несколько дней он почувствовал недомогание. Решил, что в дороге немного простудился, пройдет. Других болезней не знал и в своем здоровье не сомневался. Вскоре его нашли на полу в своем кабинете без сознания. Очнулся он в больничной палате, увидел испуганные глаза жены и никак не мог понять, что же с ним случилось — тела будто не было. Не только встать — даже пошевелиться не мог. Осознав свое положение, решил: «Бороться!». Как умел, пробовал утешить жену, которую очень любил. Он совершенно не представлял себе, что его ожидает, и потому не испытывал ни страха, ни подавленности. Его переводили из больницы в клинику, из госпиталя в «центр», и не в один. Полтора года он менял места, и нигде ему не могли помочь. Наконец, исчерпав все возможности, привезли домой. Друзья, родные делали все, что где-то кому-то чудесно помогало, но здесь все было бесполезно. Евгений мог лишь полулежа читать. Он изучил все восточные и народные методы лечения, занимался гимнастикой, которую рекомендовал мудрый Восток, делал дыхательные упражнения, но ничего не менялось. Жена объездила всех знахарей и целителей — без толку.

В одно весеннее утро он проснулся спокойным, почти радостным... и вскоре вдруг почувствовал такое отвращение и ко всем упражнениям, и ко всем книжкам-лечебникам — ко всему. Он понял, что надежды нет. Захотелось умереть. Жена была рядом, пробовала уговорить, отвлечь, утешить. У Евгения приступы тоски сменялись равнодушием. Как-то жена сказала, что хочет пойти в церковь.

— Иди, — безучастно отпустил больной.

Когда жены не было, он плакал от горечи, от тоски, от своей обреченности. Жена стала спокойнее. Он удивлялся, но не расспрашивал. Заметил только, что у жены появились книги с крестиками на обложках. Евгений их не читал. Один только раз взял одну в руки, прочитал: «Житие преподобного Сергия Радонежского, чудотворца». Полистал, положил на место.

— Евгений, вставай. Сегодня исполнилось ровно два года. Ты помнишь?

Рядом с кроватью стоял незнакомый человек, пожилой. Кто он? Как вошел? Наверное, жена, уходя, забыла закрыть дверь. Но странно: от звуков этого голоса тело как бы стало наливаться теплом, оживать. Захотелось двигаться! Евгений встал.

— Теперь ты здоров, — слышит Евгений, но никого уже не видит.

Бросился к дверям — заперты. Когда вернулась жена, то увидела его на коленях перед раскрытой книгой. Он встал, обнял ее, и они оба опустились снова на колени перед книгой, с раскрытой страницы смотрел на них тот, кто совсем недавно был тут, кто сказал такие чудесные слова: «Ты здоров!».

Евгений действительно стал здоровым, обрел веру и приезжал к преподобному Сергию благодарить за исцеление. Он и рассказал это все архимандриту Никодиму, от которого мы узнали о случившемся в древнем соборе Святой Троицы в наши дни.

Деньги

В 1946 году Нина, услышав об открывшейся Троице-Сергиевой Лавре, собралась приехать из Сибири. С трудом набрала денег на дорогу в один конец. А как ехать обратно? Но не оставаться же из-за этого дома?! Приехала в столицу, потом на электричке в Лавру. Вышла на станции, пошла за всеми. Повернула к спуску, глянула вперед и ахнула: какая красота! Трудно поверить, что все это не во сне, а наяву. В несколько дней

истратила она оставшиеся пятерки, трешки, рубли. Хорошо помнила, что разменяла последний рубль. Обычно она допоздна стояла в Лавре, только на ночь приходила к хозяйке, пустившей богомолку из такой дали. Однажды поздно вечером она подумала, что надо признаться: нет денег, нечем за ночлег заплатить. Может, позволит хозяйка в огороде поработать или полы помыть, постирать... только б не выгнала! Чуть свет, когда Нина встала, чтобы идти к братскому молебну, подошла к стулу с наброшенной на спинку кофточкой, сунула руку в карман... Вчера там лежал последний рубль, теперь могут быть лишь монетки. Но рука чувствует что-то... Смотрит и холодеет от ужаса: деньги! Ее уже истраченные трешки, пятерки, рубли... Как они снова оказались в ее кармане? Нет, она их видит не во сне. Деньги как деньги... И недоумение, и страх, и вдруг радость: это же Бог послал по молитвам преподобного Сергия! Она заплатила хозяйке, купила свечи, хлеба, подала нищей. От отпуска осталось всего несколько дней, деньги она потратила. Пора уезжать, а билет покупать не на что. Просить опять чуда? Она молилась долго, до изнеможения. Проснулась до рассвета, затаив дыхание опустила руку в тот же давно пустой карман... и снова нащупала все те же свои трешки, пятерки, рубли. Ровно столько, сколько надо на билет. От волнения боялась слово проронить. Дома, в своей далекой Сибири, она решила обязательно еще раз поехать в Лавру, поблагодарить Преподобного, что не оставил ее в крайней нужде. И не только поблагодарить в молитве, но и рассказать на исповеди священнику. Рассказала она архимандриту Сергию, от которого узнали об этом и другие.

«И меня пристрой!»

В главных воротах Лавры можно видеть настенные росписи — они раскрывают жизнь Преподобного. Один эпизод особенно волновал знакомую старушку: где Преподобный строит сени. Она приехала из деревни — знакомых нет, работы нет, жилья нет, денег мало. Ходила и, глядя на труженика, просила: «Преподобный, молитвами своими пристрой меня куда-нибудь, помоги найти уголок для жилья и обязательно с огородиком, хоть маленьким». Просила от души и выпросила. Нашелся для нее и уголок, и огородик. И сама стала в Лавре работать, делала что велют, молилась усердно, радовалась и благодарила Преподобного. Дожила до глубокой старости, сохранив удивительную простоту, доброжелательность, спокойствие душевное и молитву. Если кто-нибудь скажет, что была у нее молитва непрестанной, — не удивишься, поверишь. Такими, наверное, были многие наши богомольные и смиренные предки — Святая Русь.

У Шмелёва

Особенно трогательным было явление преподобного Сергия в 1925 году, описанное Иваном Шмелевым в «Куликовом поле»^{CLXXII}.

«<...> Поехал как-то Сухов в объезд лесов, а по нужде дал порядочный крюк, на станцию "Птань" к дочери, которая была там за телеграфистом [замужем]: крупы обещала принасти сиротам [с Суховым жили внуки — дети сыновей, погибших в лихолетье]. Смотался, прозяб — был исход октября, промозглая погода, дождь ледяной с крупой, захвативший еще в лесах. Сухов помнил, что было это в "родительскую субботу", в "Димитриевскую"... <...> Гонит, ни о чем, понятно, не думает... крупу бы не раструсить, за пазуху засунул... Трах!..— чуть из седла не вылетел: конь вдруг остановился, уперся и захрапел. Что такое?.. К вечеру было, небо совсем захмурилось, ледяной дождь сечет. Огладил Сухов коня, отпрукал...— нет, пятится и храпит. Глянул через коня, видит — полная воды колдобина, прыгают пузыри по ней. "Чего боится?— подумал Сухов,— вся дорога в таких колдобинах, эта поболее только". Пригляделся... что-то будто в воде мерцает, подкова что ли? — бывает, к счастью. Не хотелось с коня слезать: какое теперь счастье! Пробует завернуть коня, волю ему дает — ни с места: уши насторожил, храпит. <...>

Слез Сухов с коня... нагнулся к воде, пошарил, где мерцало, и вытащил... медный крест! И стало повеселей на душе: святой крест — добрый знак. Перекрестился на крест, поводья выпустил, а конь и не шелохнется, "как ласковый". Смотрит Сухов на крест: видать, старинный, зеленью-чернотой скипелось, светлой царпиной мерцает — кто-то, должно, подковой оцарапал. <...> Стал крест разглядывать. Помене четверти, с ушком — наперсный; наось — ясный рубец, и погнуто в этом месте: секануло, может, татарской саблей [по каким-то своим приметам Сухов определял, что было это на самом Куликовом поле]. И тут в мысли ему пришло: барину переслать бы, редкости тоже собирал, с барышней копал... она и образа пишет,— какая бы им радость! <...> ...Барин из Тулы выехал, бросил свою усадьбу и отъехал в Сергиев Посад: там потише. А теперь везде одинаково: Лавру прикончили, монахов разогнали, а мощи Преподобного... Гос-поди!.. в музей поставили, под стекло, глумиться.

Смотрел Сухов на темный крест, и стало ему горько, комом подступило к горлу. И тут, на пустынном поле, в холодном дожде и неуют, в острой боли ему представилось, что все погибло, и ни за что.

"Обидой прожгло всего...— рассказывал он,— будто мне сердце прокололо, и стала во мне отчаянность: внуки малые, а то, кажется, взял бы да и..."

Опомнился — надо домой спешить. Дождь перестал. Смотрит — с заката прочищает, багрово там. Про крест подумал: сунув крупу лучше, не потеряется. <...>

"Гляжу — человек подходит, посошком меряет. Обрадовался душе живой, стою у коня и жду, будто тот человек мне надобен".

По виду из духовных: в сермяжной ряске, лыковой кузовок у локтя, прикрыт дерюжкой; шлычок суконный, седая борода, окладиком, ликом суховат, росту хорошего, не согбен, походка легкая, посошком меряет привычно, смотрит с приятностью. Возликовало сердце, "будто самого родного встретил". Снял шапку, поклонился и радостно поприветствовал: "Здравствуйте, батюшка!". Подойти под благословение воздержался: благодатного ли чину^{CLXXIII}? До слова помнил тот разговор со старцем — так называл его. Старец ласково "возгласил голосом приятным": "Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь. Мир ти, чадо".

От слов церковных, давно не слышимых, от приятного голоса, от светлого взора старца... повеяло на Сухова покоем. Сухов плакал, когда рассказывал про встречу. В рассуждения не вдавался. Сказал только, что стало ему приятно-радостно, и — "так хорошо поговорили". Только смутился словно, когда сказал: "Такой лик священный... как на иконе пишется, в себе сокрытый". Может быть, что и таил в себе, чувствовалось мне так: удивительно сдержанный, редкой скромности... <...> Такие встречаются в народе.

Беседа была недолгая, но примечательная. Старец сказал: "Крест Христов обрел, радуйся. Чесо же смущаешься, чадо?". Сухов определял, что старец говорит "священными словами, церковными, как Писание писано", но ему было все понятно. И не показалось странным, почему старец знает, что он нашел крест: было это в дождливой мути, один на один с конем, старца и виду не было. И нисколько не удивило, что старец и мысли его провидит,— как бы переслать крест барину. Так объяснял Сухов: "Пожалел меня, словно, что у меня мысли растерянны, не знаю, как бы сберечь мне крест...— сказал-то: чесо же смущаешься, чадо?".

Сказал Сухов старцу: "Да, батюшка... мысли во мне... как быть, не знаю".

И рассказал, будто на духу, как все было: что это, пожалуй, старинный крест, выбили с-под земли проезжие, а это место — самое Куликово поле, тут в старинные времена битва была с татарами... может, и крест этот с убиенного православного воина; есть словно и отметина — саблей будто посечено по кресту... И вот взяло раздумье: верному бы человеку переслать, сберечь чтобы... а ему негде беречь, время лихое, неверное... и надругаться могут, и самого-то заматают; пристани верной нет: допрежде у господ жил, потом у купцов... "а нонче у кого живу — не знаю".

И когда говорил так старцу, тесно стало ему в груди от жалости и к себе, и ко всему доброму, что было... — "вся погибель наша открылась..." — и он заплакал.

Старец сказал "ласково-вразумительно, будто хотел утешить": "Не смущайся, чадо, и не скорби. Милость дает Господь, светлое Благовестие. Крест Господень — знамение спасения".

От этих священных слов стало в груди Сухова просторно — "всякую тягость сняло". И он увидел: светло кругом, сделалось поле красным и лужи красные, будто кровь. Понял, что от заката это багровый свет. Спросил старца: "Далече идете, батюшка?" — "Вотчину свою проведать".

Не посмел Сухов спросить — куда. Подумал: "Что я, доследчик что ли... непристойно доспрашивать, скрытно теперь живут". Сказал только: "Есть у меня один барин, хороший человек... ему бы вот переслать, он сберег бы, да далеко отъехал. И здешние они, у самого Куликова поля старое их имение было. В Сергиев Посад отъехал, у Троицы, там, думалось, потише... да навряд".

Старец сказал: "Мой путь. Отнесу Благовестие господину твоему". Обрадовался Сухов и опять не удивило его, что старец идет туда, — "будто бы так и надо". Сказал старцу: "Сам Бог вас, батюшка, послал... только как вы разыщете, где они на Посаде проживают?... скрытное ноне время, смутное. Звание их — Егорий Андреевич Среднев, а дочку их Олей... Ольгой Егоровной звать, и образа она пишет... только и знаю". — "Знают на Посаде. Есть там нашего рода". Радостью осияло Сухова — "как светом-теплом согрело", и он сказал: "Уж и поклончик от меня, батюшка, им снесите... скажите — кланяется, мол, им Вася Сухов, который лесной объездчик... они меня давно знают. А ночевать-то, батюшка, где пристанете... ночь подходит? Позвал бы я вас к себе, да не у себя я теперь живу... время лихое ноне, обидеть могут... и церковь у нас заколотили".

Старец ласково посмотрел на Сухова — "весело так, с приятностью" — и сказал ласково, как родной: "Спаси тя Христос, чадо. Есть у меня пристанище". Принял старец от Сухова крест, приложился с благоговением и положил в кузовок, на мягкое.

"Как хорошо-то, батюшка... Господь дал!" — радостно сказал Сухов: не хотелось со старцем расставаться, поговорить хотелось: "Черные у меня думы были, а теперь веселый я поеду. А еще думалось... почтой послать — улицы не знаю... и доспрашивать еще станут, насмеются... да где, скажут, взял... да не церковное ли утаил от них... заканителей, нехристи".

Сказал старец: "Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь". И помолился на небо. "Господь с тобой. Поезжай. Скоро увидимся". И благословил Сухова. Приложился Сухов со слезами к благословившей его деснице. И долго смотрел с коня, пока не укрыли сумерки.

Когда Сухов рассказывал, как старец благословил его, — плакал. Тайный, видимо, смысл придавал он последнему слову старца — "увидимся", — знал, что недолго ему осталось жить. И правда: рассказал мне в конце апреля, а в сентябре помер, писали мне.

<...> ...Месяца через три, попав в Сергиев Посад, я неожиданно столкнулся с другими участниками "случая", и мне открылось, что тут не "случай", а знамение свыше. И рассказ Сухова наполнился для меня глубоким смыслом. <...> ...В Сергиевом Посаде, в августовский вечер, в той самой комнате, где произошло **явление**, вдруг озарило мою душу впервые испытанное чувство **священного**, и я принял знамение с благоговением.

[Шмелёв из Тулы уехал в Москву, где «устроился нейтрально — по архивам: разыскивал и приводил в порядок судебно-исторические дела в уездной секции».]

«<...> ...Работавшие по архивам часто говорили о "Троице": там ютилось много известных "бывших" людей — В. Розанов^{CLXXIV}, А. Александров^{CLXXV}, Л. Тихомиров^{CLXXVI}, работали в относительной тиши художники, навещался Нестеров^{CLXXVII}, решал перелом жизненного пути С. Булгаков в беседах с о<тцом> Павлом Флоренским...

<...> Приехал я в Загорск утром. <...> Иду к Посаду. Дорога вдоль овражка... <...> И тут я увидел солнечно-розовую Лавру. Она светилась, веяло от нее покоем.

Остановился, присел на столбушке у дороги, смотрел и думал... Сколько она пережила за свои пять веков! Сколько светила русским людям! Она светилась... и, знаете, что почувствовал я тогда, в тихом, что-то мне говорившем, ее сиянии?..— "сколько еще увидит жизни!". Поруганная, плененная, светилась она — нетленная. Было во мне такое... чувство ли, дума ли... "все, что творится,— дурманнный сон, призрак, ненастоящее... а вот это — живая сущность, творческая народная идея, завет веков... это — вне времени, нетленное... можно разрушить эти сияющие стены, испепелить, взорвать, и *ее* это не коснется". <...> Впервые тогда за все мутные и давящие восемь лет, почувствовал я веру, что — **есть защита**, необоримая. Инстинктом, что ли, почувствовал, **в чем — опора**. Помню, подумал тут же: "Вот почему и ютились здесь, искали душе **покоя, защиты и опоры**".

Лавру осматривать не пошел, **не мог**. <...> В грусти бесцельного блуждания нашел отраду — не поискать ли Среднева. Я его знал, встречались в земстве. Про Сухова расскажу, узнаю — донес ли ему старец крест с Куликова поля. У кого бы спросить? И вижу: сидит у ворот на лавочке почтенный человек в золотых очках...».

[От него Шмелёв узнал адрес Среднева и направился к нему.]

«<...> На меня повеяло спокойствием уклада исчезнувшего мира, и я сказал со вздохом: "Все в прошлом!". <...> Олечка отозвалась из другой комнаты: "Нет, **все** с нами, **есть**". Сказала спокойно-утверждающе. Среднев подмигнул и стал говорить, понизив голос: "Прошлого для нее не существует, а все вечно, и все — **живое**. Теперь это ее вера...".

Осматривая кабинет покойного профессора [в его доме поселился Среднев с дочерью], я заметил медный восьмиконечный крест, старинный, вспомнил Сухова и спросил, не этот ли крест прислал им Вася с Куликова поля.

— А вы откуда знаете? — удивился Среднев.

Я объяснил. Он позвал Олечку:

— Для нее **это** чрезвычайно важно... Знаете, она верит, что нам **явился**... Нет, лучше уж пусть сама вам скажет. Нет, это профессорский, а тот она укрывала в надежном месте... Тот был меньше, и не рельефный, а изображение Распятия вытравлено, довольно тонко, несомненная старина. Возможно, что "боевой", от Куликовской битвы. В лупу видно, как посечено острым чем-то... саблей?.. Где посечено — зелень, а все остальное — ясное.

— Ка-ак?! Ни черноты, ни окиси? — удивился я...

— Только где посечено... а то совершенно ясное.

Вошла Олечка, взволнованная: видимо, слышала разговор.

— Скажите... все, что знаете... Хочу поехать, узнать **все**, как было. Для папы **в этом** ничего нет, он только анализирует, старается уйти от очевидности... и не видит, как все его умствования ползут... А сами вы... верующий?

Я ответил, что маловер, как все, тронутые "познанием".

— Маленьким земным знанием, а не "познанием",— поправила она с жалеющей улыбкой. <...>

Я постарался передать рассказ Сухова точно, насколько мог. <...>

Заинтересованный происшедшим **здесь**... я попросил обоих рассказать мне, **как** они получили крест. <...>

Оба помнили, что весь день лил холодный дождь "с крупой",— как и на Куликовом поле! — но к вечеру прояснело и захолодало. Тот день оба хорошо помнили: как раз праздновалась восьмая годовщина "Октября"... <...> Среднев ходил с толпой по Посаду — "часа два грязь месили под ледяным дождем". Уклониться никак нельзя — бухгалтер! — заметили бы: "здесь всех знают". <...> Вернулись домой усталые... <...> Слышали оба, как в Лавре пробило семь... <...> Вдруг кто-то постучал в ставню, палочкой,— "три раза, отдельно, точно **свой**". <...> Оля приоткрыла форточку..... и негромко спросила: "Кто там?". <...> На оклик Оли кто-то ответил "приятным голосом": "С Куликова

поля". Обоим им показалось странным, что постучавшийся не спросил, здесь ли такие-то...— знает их! Сердце у Олечки захолонуло, "будто от радости". И тут же крикнула в форточку "радостно-радушно": "Пожалуйста... сейчас отворю калитку!"— "И стремительно кинулась к воротам, не накрылась даже",— добавил Среднев.

Небо пылало звездами, такой блеск...— "не видала, кажется, никогда такого". Оля отняла кол, открыла, различила высокую фигуру в монашеской наметке поверх скуфьи, и — "очевидно, от блеска звезд",— вносил свои объяснения Среднев,— лик пришельца показался ей "как бы в сиянии".

— Войдите, войдите, батюшка...— прошептала она с поклоном, чувствуя, как ликует сердце, и увидала, что отец вышел на крыльцо с лампочкой — посветить.

Хрустело под ногами от морозца. Старец одет был бедно, в сермяжной ряске, и на руке лукошко. Помолится на образа — "Рождество Богородицы" и "Спаса Нерукотворного" — по преданию, из опочивальни Ивана Грозного — и, "благословив все", сказал: "Милость Господня вам, чада". Они склонились. То, что и он склонился, Среднев объяснял тем, что... "как-то невольно вышло... от торжественных слов, возможно". Он подвинул кресло, молча, как бы предлагая пришельцу сесть, но старец не сел, а вынул из лукошка небольшой медный крест, "блеснувший", благословил им все и сказал "внятно и наставительно": "Радуйтесь **Благовестию**. Раб Божий Василий, лесной дозорщик, знакомец и доброхот, обрел сей Крест Господень на Куликовом поле и волею Господа посылает во знамение Спасения".

— Он,— рассказывала Олечка,— сказал лучше, но я не могла запомнить.

— Проще и... глубже...— поправил Среднев,— и я невольно почувствовал какую-то особенную силу в его словах... затрудняюсь определить... проникновенную, духовную?..

Они стояли "как бы в оцепенении". Старец положил крест на чистом листе бумаги— Среднев накануне собирался писать письмо и так оставил на письменном столе — и, показалось, хотел уйти, но Оля стала его просить, сердце в ней все играло: "Не уходите... побудьте с нами, поужинайте с нами... у нас пишенная похлебка... ночь на дворе... останьтесь, батюшка!". <...>

С Олей творилось странное. Она залилась слезами и, простирая руки, умоляла, "настойчиво даже", по замечанию Среднева:

— Нет, вы останьтесь! Мы не можем вас отпустить так... у нас чистая комната, покойного профессора... он был очень верующий, писал о нашей Лавре... с вами нам таклегко, светло... сколько скорби... мы так несчастны!

— Она была прямо в исступлении,— заметил Среднев.

— Не в исступлении... а я была... так у меня горело сердце, играло в сердце! Я была... вот именно, **блаженна!**

Она даже упала на колени. Старец простер руку над ее склоненной головой, она сразу почувствовала успокоение и встала. Старец сказал, помедля, "как бы вслушиваясь в себя": "Волею Господа, пребуду до утра zde".

Дальше... "все было, как в тумане". Среднев ничего не помнил: говорил ли со старцем, сидел ли старец или стоял... "было это как миг... будто пропало время".

В этот "миг" Оля стелила постель в кабинете профессора, на клеенчатом диване: взяла все чистое, новое, что нашлось. Лампадок они не теплили, гарного масла не было: но она вспомнила, что получили сегодня подсолнечное масло, и она налила в лампадку. И когда затеплила ее — "вот эту самую, голубенькую, в молочных глазках... теперь негасимая она...",— озарило ее сияние и она увидела — **лик**. Это был образ преподобного Сергия. Ее потрясло священным ужасом. До сего дня помнила она сладостное горение сердца и трепетное, от слез, сияние.

В благоговейном и светлом ужасе тихо вошла она в комнату и, трепетная, склонилась, не смея поднять глаза.

— Что было в моем сердце, этого нельзя высказать...— рассказывала в слезах Оля.— Я уже не сознавала себя, какой была... будто я стала другой, **вне** обычного — земного... будто я — уже не "я", а душа моя... нет, этого нельзя словами...

— Она показалась мне радостно-просветленной, будто сияние от нее! — определил свое впечатление Среднев.

А с ним ничего особенного не произошло: "только на душе было как-то необычайно легко, уютно". Он предложил старицу поужинать с ними, напиться чаю, но старец "как-то особенно **тонко** уклонился, не приняв и не отказав":

— Завтра день **недельный**, повечеру не вкушают.

Среднев тогда не понял, что значит — "день недельный". Оля после ему сказала, что это значит — "день воскресный".

По его объяснениям, Оля тогда "была **где-то**, не сознавала себя". Она не шевельнулась, когда Среднев сказал ей поставить в комнату гостя стакан воды и свечу: ему хотелось, "чтобы гостю было удобно и уютно". <...> Приглашая старца движением руки перейти в комнату, где приготовлена постель, Среднев ..... ничего не сказал..... а лишь почтительно поклонился. Старец — видела Оля через слезы — остановился в дверях, и она услышала "слово благословения":

— Завтра отыду рано. Пребудьте с Господом.

И благословил пространно, "будто благословлял **все**". И затворился.

Оля неслышно плакала. Среднев недоумевал, что с нею. Она прильнула к нему и в слезах шептала: "Ах, папа... мне так хорошо, тепло..." И ответил он ей шепотом, чтобы не нарушить эту "приятную тишину": "И мне хорошо".

— Было такое чувство... безмятежного покоя,— подтвердил Среднев,— что жалко было его утратить, и я говорил шепотом. <...> Стараясь не шуметь, Оля на цыпочках подошла к столу, перекрестилась на светлый крест и приложилась. Ей казалось, что крест **сияет**. <...>

Среднев не спал в ту ночь: всякие думы думались, "о жизни". Чувствовал, что не спит и Оля.

Она лежала и плакала неслышно. Эти слезы были для нее "радостными и светлыми". Ей "все вдруг осветилось, как в откровении"... что **все — живое, все — есть**: "будто пропало время, не стало прошлого, а все — **есть**". Для нее стало явным, что покойная мама — с нею, и Шура, мичман, утопленный в море, в Гельсингфорсе^{CLXXVIII}, единственный брат у ней,— жив и с нею; а все, что было в ее жизни, и все, что она помнила из книг, из прошлого, далекого — "все родное, наше",— **есть**, и — с нею; и Куликово поле, откуда **явился** крест,— **здесь**, и — в ней! Не отсвет его в истории, а самая его живая сущность, живая явь. Она страшилась, что сейчас забудет это чудесное чувство, что это "дано на миг"... боялась шевельнуться, испугать мыслями...— но "**все становилось ярче, светило, жило...**".

Ночи она не видела. В ставнях рассвет...

Она хотела мне объяснить, как она чувствовала тогда, но не могла объяснить словами. И прочла на память из апостола Павла к Римлянам: **и потому, живем ли, или умираем, всегда Господни**⁸⁹.— "Понимаете, **все живет!** У Господа ничего не умирает: **а всё — есть!** нет утрат, а... всегда все живет". Я не понимал.

И вот утро. Заскрежетал будильник — шесть. Среднев вспомнил — "завтра отыду рано", и осторожно постучал в кабинет профессора...

Молчание. Оля сказала громко: "Войди — увидишь: он ушел". **Но он не мог уйти!** Оля сказала уверенно: "Как ты не понимаешь, папа... это же было **явление Святого!**..".

Среднев не понимал. Он вошел в комнату — постель не тронута, лампадка догорала под нагаром. Оля взяла отца за руку и показала на образ Преподобного: "Ты видишь?! И — не веришь?!". Среднев... не видел, не мог поверить... <...> Только один был выход из кабинета профессора — через их комнату. Они не спал и и — не видели **ухода**... Парадная

⁸⁹ Рим. 14, 8.— Ред.

дверь была на щеколде... **ушел**, а дверь оказалась на щеколде! <...> Оля упорно повторяла: "Это было **явление!** Он ушел, для него нет преград". Для Среднева — **чудо** было гораздо невозможней. Среднев открыл парадное. В ночь навалило снегу, но никаких следов не было. <.....> Оля смотрела на отца с грустной, жалеющей улыбкой... <...>

— Эта находка Васи! Только вообразите: крест с Куликова поля!.. какой же символ!.. Этим крестом можно укрепить падающих духом, влить надежду... Заметьте торжественность его слов Васе и нам: "Господь посылает **Благовестие!**". Пять веков назад, с **благословения** преподобного Сергия, русский Великий князь разгромил Мамаю, потряс татарщину, тьму... и вот голос с Куликова поля: **уповайте!** — чудо повторится, падет иго настрашнейшее, Крест победит его! И он принимает на себя миссию, идет к нам, в **вотчину** Преподобного, откуда **вторично** и воссияет свет! <...>

Нет, **чуда** Среднев принять не мог. Я... почти верил. <...> ...Никогда за всю мою службу следователем я не испытывал такого явного участия в жизни "благой силы", что все слова и действия старца так поражают неземной красотой и... **простотой**, таким благоговением, что я испытываю чувство **священного**, — испытываю впервые в моей жизни. <...>

Наши обмены мнениями продолжались дня три-четыре. <...> С утра тянуло меня в голубой домик, казавшийся мне теперь таинственным. <...>

— Ну, хорошо... допустим: было **явление оттуда**... <...> Но! я не могу понять, почему — **у нас?**! <...> Почему я, я! удостоен такого... "высокого внимания"?!

— Но почему непременно вы, **вы удостоены?**! — невольно вырвалось у меня, и я посмотрел на Олю.— Почему не допустить, что вы тут... только посредник?.. для чего-то... более важного? <...>

— Вы правы,— сказал [Среднев] упавшим голосом,— я неудачно выразился. Я не обольщаюсь, что я... нет, говорю совершенно откровенно, смиренно: я недостойн, я... — он не мог найти слова и развел руками.

— Па-па, не укрывайся же за слова! — болью и нежностью вырвалось у Оли.— Ищете ваша душа, Бо-гаищете! но ты боишься, что вдруг все твоё и рухнет, чем ты жил! Ну, а все, чем ты жил... разве уже не рухнуло?! Что у тебя осталось?! все твои "идеалы" рухнули!.. Не может рушиться только **вечное!**.. <...>».

[Сопоставив детали и убедившись, что явление Васе Сухову и Средневу было в тот же вечер, Шмелёв продолжает.]

«Я тогда испытал впервые, что такое, когда **ликует** сердце. Несказанное чувство **переполнения**, небывалой и вдохновенной радости, до сладостной боли в сердце, почти физической. Знаю определенно одно только: чувство освобождения. Все томившее вдруг пропало, во мне засияла радость, я чувствовал радостную силу и светлую-светлую **свободу** — именно **ликованье, упование**: ну ничего не страшно, все ясно, все чудесно, все **предусмотрено**, все — **ведется**... и все — так **надо**. И со всем этим — страстная, радостная воля к жизни — полное обновление. <...>

...Из Сергиева Посада я уехал совсем другим, с возникшей во мне **основой**, на которой я должен строить "самое важное". <...> Я знал, что... Бог помог мне в моей **победе**: я одержал ее **над собой**, над пустотой в себе.

Мое предварительное заявление о дне и часе **явления** на Куликовом поле и почти одновременно здесь, в Посаде, было подтверждено документально: записями в дневнике Оли и в грязной тетрадке Среднева — о... подсолнечном масле и пшене! <...> Сколько же мне открылось **в этом!** Господи, красота какая **во всем** Твоем!.. <...>

И стало так понятно, **почему** в темную годину, когда разверзлась бездна, пытливые, испуганные души притекали в эту тихую **вотчину**, под эти розовые стены Лавры, чего искали.

В светлой грезе я покидал Посад. Лавра светила мне тихим светом, звала вернуться. И я вернулся. И до зимы приезжал не раз. <...>

Январь-февраль 1939 г. —

февраль-март 1947г. Париж».

Скорее в Лавру

Однажды в проповеди в самый праздник Преподобного отец Н. нам сказал о том, что ему поведал один из посетителей Лавры. Вечером, думая о всенощной под праздник, он колебался — ехать в Лавру из Москвы или пойти в храм где-нибудь здесь, благо, что есть храмы с пределами, посвященными преподобному Сергию. Пошел, постоял всенощную, а ночью увидел во сне Лавру Преподобного, заполненную народом. Огромная очередь выстроилась в Троицкий собор поклониться Преподобному основателю, и он сам благословляет каждого. Проснулся — и скорее на Ярославский вокзал, чтобы на литургию успеть в Лавру.

Исцеление инока, имевшего сухую руку

Наместник Лавры отец Кронид, преподобному-ченик, рассказал об исцелении инока отца Фомы^{CLXXIX}, у которого от рождения была сухая рука. Он много раз молился Преподобному, прося себе исцеления, но Преподобный будто бы медлил. И вот в 1867 году 24 сентября — в день памяти Преподобного — начальство поставило его около иконы Святой Троицы наблюдать за порядком. Отец Фома, стоя около святых мощей преподобного Сергия, всю всенощную молился со слезами, прося исцеления. Богослужение ему показалось таким усладительным, что он, вернувшись в свою келию, забыл совсем обо всем на свете. Помолившись немного, лег и скоро заснул. Проснулся оттого, что какие-то вспышки света прорезали темноту. Он решил, что где-то начинается гроза. Подошел к окну, постоял немного и решил идти спать. Вдруг вся его келия наполнилась ярким светом и в нем он увидел дивного старца. Такой добротой, милостью веяло от него, что душа инока затрепетала от радости. В старце он узнал преподобного Сергия. Тот подошел и положил руку на плечо, сказав: «Чадо! Слышу стенания сердца твоего. Молитвенный вопль твой подвигнул меня посетить тебя и даровать тебе Божию милость — исцеление во славу Его святейшего имени». При этом по безжизненной руке как будто полилась горячая вода. Отец Фома в порыве благодарности упал на колени: «Преподобный отче Сергие! Благодарю тебя за твою неопишемую ко мне милость!». Встал—никого нет. Рука стала живой, совершенно здоровой. Отец Фома пошел

к отцу наместнику Антонию, разбудил его и рассказал об исцелении. Отец Антоний пошел к митрополиту Филарету, приехавшему на праздник Преподобного, доложить о случившемся. Митрополит Филарет благословил ударить среди ночи в колокол, собрать братию и отслужить благодарственный молебен. Все, знавшие об увечье отца Фомы, не раз видевшие его иссохшую левую руку, теперь радовались с ним вместе и поздравляли исцеленного.

На венчании

Молодая девушка Ирина стояла пред аналоем вместе со своим женихом. Священник их венчал в храме родного села. Вдруг Ирине стало плохо и она упала без сознания. Привезли ее к родителям. Она очнулась, но не могла встать — ноги отнялись. Как могли, лечили, но безрезультатно. Жених, подождав три года, попросил врачей дать заключение о ее неизлечимой болезни, чтобы ему разрешили жениться, что и получил. Ирину два раза возили к преподобному Сергию. И, не получив исцеления, она продолжала молиться и надеяться только на помощь Божию.

В 1912 году она снова приехала в обитель Святой Троицы, пролежав уже более десяти лет. Ее внесли на руках в Троицкий собор и положили на полу близ святых мощей преподобного Сергия. Ей хотелось приложиться к Преподобному. Помогали ей с одной стороны послушник Георгий, с другой — солдат Фома Хокин. Ее подняли. В момент прикосновения устами к главе Преподобного Ирина почувствовала как бы электрический удар, отзывавшийся с той же силой в послушнике и солдате. Внезапно почувствовав себя

здоровой, она вскрикнула: «Пустите, я здорова!». Она встала на колени, потом поднялась, держась за решетку. Ей дали палку, и она с ней дошла до дома призрения. На другой день она уже без палки дошла до Троицкого собора и простояла всю литургию на ногах. И в дальнейшем чувствовала себя совершенно здоровой.

При разделе

В 1924 году крестьянин деревни Оборсовой Владимир Александрович Кожевников решил разделить дом с братом. При разделе его очень обидели, ему стало плохо. Когда он пришел в сознание, то понял, что онемел. В 1930 году 24 января на праздник в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» он с женой пришел в храм святых апостолов Петра и Павла в Сергиевом Посаде. Лавра была закрыта. В храме этом была чтимая икона преподобного Сергия, перед которой супруги попросили отслужить молебен с акафистом преподобному Сергию. Во время чтения акафиста Владимир Александрович особенно усердно молился преподобному Сергию, который, казалось, невидимо присутствовал здесь. Владимир Александрович просил об исцелении, о возвращении ему дара речи, и вернулся домой умиротворенным и умиленным, с ясной надеждой на милость Божию молитвами Преподобного. Желая продлить такое состояние, Владимир Александрович дома взял Псалтирь, пока жена занималась хозяйством, стал читать... и вдруг почувствовал, что язык начинает двигаться, хочется читать вслух. И Владимир Александрович вновь получил способность говорить ясно и четко, как шесть лет назад. Утром они с женой поспешили в храм и после литургии попросили отца Мирона перед образом преподобного Сергия отслужить благодарственный молебен.

Перелом

В 1935 году Варвара Ветлицкая переезжала из Мытищ в Загорск. Ее провожали внуки. По дороге она упала и сломала руку. С детства она привыкла во всех скорбях прибегать к помощи преподобного Сергия и теперь просила проводить ее в храм святых апостолов Петра и Павла, где хотела отслужить молебен. Стоя перед образом преподобного Сергия, она обратилась к нему как к живому: «Преподобный Сергий! Неужели я приехала в твой город, чтобы сломать руку? Воззри на меня милостиво, своим предстательством перед Богом и Пречистой Его Матерью испроси у Них небесную помощь мне, недостойной. Верую, Угодниче Божий, что тебе дана благодатная сила врачевать всякие болезни!». Так молясь, она почувствовала, что жгучая боль в руке пропала. До этого она не могла перекреститься, так как сломана была правая рука. Теперь же она спокойно налагала на себя правильный крест. Это ее убедило в том, что Угодник Божий вечно жив и творит дивные чудеса.

Ответ на мольбу

В конце прошлого века в Лавре служил молодой иеродиакон по имени Иаков. У него заболели и вскоре отнялись ноги. Он очень переживал и однажды ночью стал читать акафист преподобному Сергию, прося исцеления. Вдруг видит самого Преподобного, подходящего к нему в ярком свете. «Ты просишь выздоровления, но на это нет воли Божи-ей, все устрояющей к нашему благу». Преподобный стал невидим. Больной, желая знать, куда он направился, залез на подоконник. Свет указывал, что Преподобный пошел в Троицкий собор. Лежал он в это время в больничной палате и по окончании видения почувствовал полную беспомощность. Служитель, которого позвал больной отец Иаков, очень удивился тому, что увидел его на подоконнике, с которого он не мог спуститься. Отец Иаков рассказал о явлении Преподобного, стал готовиться к смерти и вскоре тихо скончался.

Рассказ ямщика

Ямщик, которого отец Кронид нанял на Ярославском вокзале, рассказал о себе.

Воинскую службу он проходил в гвардейском полку под Царским Селом. Однажды на маневрах он лег в палатке на холодную мокрую постель и утром почувствовал, что руки и ноги стали как бы деревянными. Положили его в лазарет, где он пролежал год, не получив облегчения. Как-то при осмотре главный военврач спросил его, сколько времени он здесь. Узнав, что год, рассердился на лечащих врачей и приказал принять меры и вылечить. Палатный врач предложил ему выписаться и ехать домой, говоря, что он будет получать пенсию. Но кому он, беспомощный, нужен? Решил остаться. Разговор этот навел на грустные размышления. Вспомнилось, как ходили в детстве с мамой на богомолье к преподобному Сергию, как мама его, стоя на коленях перед ракой, молилась вполголоса: «Услышь меня, Преподобный, и сыну моему в его нуждах и испытаниях помоги! Посети его, подаждь ему руку помощи в тяжких болезнях и будь заступником в сей и будущей жизни!». Больной, одинокий, он, вспомнив молитву матери, заплакал и обратился к преподобному Сергию: «Угодник Божий, помоги мне ради молитв усопшей матери, которая при жизни своей просила тебя о милостивом представительстве за грешную мою душу!». От слез подушка намочла. Вдруг ему показалось, что руки и ноги обрели чувствительность. Он попытался пошевелить ими — двигаются! Осторожно встал, чуть-чуть прошел по палате. Странная мысль вдруг возникла: «Уж не умер ли я?». Решил пройти к двери. Часовой говорит: «Нельзя». Больной спрашивает: «Скажи, я живой?». Часовой, естественно, удивился и ответил вопросом: «Ты что, с ума сошел, что ли? Конечно, живой!». Вернулся тот, сел на койку, потом опустил на колени, горячо благодаря Бога и угодника Его преподобного Сергия. «Прошло с тех пор уже десять лет!» — закончил ямщик.

На приёме у митрополита Филарета

Священник одного из сел Серпуховского уезда Московской губернии отец Евгений Любимов должен был явиться к митрополиту Московскому Филарету с докладом как благочинный. Святитель, выслушав доклад, спросил о том, что его печалит: «По лицу твоему вижу, что у тебя на сердце скорбь. Если не тайна, скажи о своем горе». Отец Евгений сказал, что его семнадцатилетняя дочь, которую жена его послала вечером в погреб за молоком, чего-то испугалась, вернулась бледная и потеряла дар речи. Так уже несколько месяцев ее трясет и она не может вымолвить ни слова. Сначала Святитель укорил родителя за то, что не позаботился заранее о дочери, надо было матери сходить. Священник объяснил это тем, что они детей с детства приучают к хозяйству. Митрополит Филарет успокоил: «Не скорби, надейся на помощь Всемилостивого Господа — и будешь утешен. Когда ты можешь быть еще в Москве?». — «Как вам будет угодно». Митрополит назначил ему явиться через месяц с женой и дочкой. В феврале отец Евгений приехал в Москву и сразу направился к митрополиту Филарету на Троицкое Подворье. Доложили Святителю, и он сразу вышел в приемную с Казанской иконой Божией Матери, благословил болящую, отца и мать, сказав: «Теперь с миром направьте стопы свои в обитель преподобного Сергия. Там вы и получите милость Божию». В тот же день прибыли они в Лавру Преподобного, пошли в Троицкий собор. Подвели девушку. Когда она устами коснулась святых мощей, вдруг прежде бледное лицо ее порозовело, на щеках появился румянец и она, обращаясь к родителям, сказала: «Чувствуете, какое благоухание исходит от святых мощей?». С этого момента она стала совершенно здоровой. Благодарные родители отслужили преподобному Сергию молебен, за которым со слезами молились Господу, исцелившему их дочь представительством преподобного Сергия.

У врача

Москвичка Ольга Петровна осенью 1906 года обратилась к известному профессору по глазным болезням Гуревичу, потому что ослепла на один глаз. Профессор рекомендовал удалить этот глаз, чтобы не заразился другой и она не потеряла бы зрение полностью. Расстроенная больная пошла в Кремль помолиться, отслужила молебен перед

иконой Божией Матери «Нечаянная Радость». По пути домой она ощутила неодолимое желание зайти в часовню на Ильинской улице, где она заказала молебен преподобному Сергию Радонежскому. Дома она, почувствовав усталость, легла и заснула. Видит во сне: входит к ней Старец с необыкновенно добрым лицом и ласково говорит: «Не бойся за глаз. Предстательством Божией Матери твой глаз будет здоров». Она проснулась, закрыла здоровый глаз рукой, взглянула больным — видит! Дома темно, уже ночь, но она видит в комнате все, что видела раньше. На другой день пошла она к профессору. Тот подтвердил, что глаз здоров, но просил приходить еще, так как бывали случаи временного улучшения. Она пришла через неделю, потом через месяц — глаз видел так же хорошо. Профессор удивлялся, просил прийти к нему еще ради научного интереса... Глаз был здоров.

«Кайся!»

В 1894 году к наместнику Лавры преподобномученику Крониду зашел односельчанин Яков Иванович. Отец Кронид сразу же обратил внимание на то, что он грустен, чем-то подавлен. На вопрос отца наместника о причине его переживаний Яков Иванович рассказал о странных припадках сына Васи, мальчика восьми лет. Он вдруг начинает так сквернословить, что страшно слушать, а лицо делается черным, смотреть жутко. Когда отец, рассердившись, начинает его «учить», бросив в подвал, он и оттуда выкрикивает страшные ругательства, хуля все святое. Отец Кронид сказал отцу мальчика, что есть особая причина, позволившая диаволу приблизиться к невинной душе мальчика. «Скажи по совести,— обратился он к отцу,— не ругался ли ты сам так и не слышал ли этого твой сын?» — «Да, мой грех. Трезвым я не ругаюсь, а как выпью — первый сквернослов на улице и дома при детях». — «Кайся, Яков Иванович! Со слезами кайся. Кайся и не падай духом. Ты сейчас в обители Преподобного, проси его ходатайствовать перед Богом о даровании вам исцеления. Веруй, что по вере будет дана тебе радость».

Видимо, горячо молился Преподобному Яков Иванович. Уехал он на Родину спокойным и радостным. Через год отец Кронид был на родине. Там в храме встретил Якова Ивановича. Спросил его о домашних делах. «Слава Богу! Не забыл меня Господь по молитвам Преподобного. Когда я вернулся из Лавры, Вася заболел. Болел два месяца, таял, как свечка. И ни разу никто не слышал от него худого слова. За два дня до смерти попросил позвать священника. Исповедовался, причастился и умер в полном сознании. Перед смертью со всеми простился, всех поцеловал и, как бы уснув, скончался. Сам же я, вернувшись от Преподобного, перестал пить и сквернословить». Отец Кронид заканчивает замечанием: «Яков Иванович после свидания со мной прожил еще двадцать лет, ведя трезвую образцовую христианскую жизнь».

В горе

Мария Николаевна, выйдя замуж, убедилась, что муж пьет и не собирается бросать, не стремится бороться с этим недугом. Измучившись, она дошла почти до отчаяния. В таком состоянии, сидя одна дома, она взмолилась преподобному Сергию. Вдруг вся комната засветилась, и ей предстал дивный Старец. «Успокойся, молитва твоя услышана, и муж твой нетрезвым к тебе не придет, жизнь твоя будет мирная». Мария Николаевна поклонилась ему, он ее благословил и стал невидим. Вскоре раздался в квартире резкий звонок, как обычно звонил муж. Мария Николаевна открыла ему, со страхом взглянув на всегда грозное его лицо. В этот раз он стоял перед ней совершенно неузнаваемый. Пройдя в переднюю, опустился перед ней на колени и просил прощения, уверяя, что больше не будет пить. И сдержал слово: все тридцать пять лет дальнейшей совместной жизни они прожили в мире и согласии.

«Не делайся слугой диавола!»

В 1907 году лаврскому иеромонаху Анфиму, особенно заботливо относящемуся к богомольцам, один из них рассказал о себе следующее.

Его обокрали. Он был так расстроен, что готов был отчаяться. Решил все-таки съездить к Преподобному. Когда уже он увидел главы святой обители, вдруг на него навалилась такая тоска, от которой, казалось, ему было не избавиться. В голове настойчиво звучало: «Помочь тебе некому, сам ты прежнего не наживешь, чем всю жизнь мучиться — сверни с дороги в лес и удавись...». Он не мог противиться, ему было очень тяжело от всего. Он пошел в лес, снял с себя пояс... Вдруг зашевелились кусты, к нему вышел Старец. Он очень внимательно, строго и вместе с тем с таким состраданием взглянул на несчастного и сказал: «Не дерзай убить себя, не делайся слугой дьявола! **Покайся**, и Господь поможет тебе». Старца не стало. Появление его, взгляд, его слова так потрясли несчастного, что он бегом побежал в Лавру и там долго рыдал около раки, чем обратил на себя внимание отца Анфима. Ему он это рассказал, когда успокоился, добавив, что около Преподобного он совершенно изменился, стал смотреть на все другими глазами. Впоследствии дела его поправились и он постоянно благодарил преподобного Сергия за спасение жизни и души своей от непоправимого.

Наказание за насмешку

Молодые барышни слышали невнятное бормотание: это немой мальчик силился сказать что-то. По виду его поняли: нищий, просит милостыню. Одна из них, Мария, дочь священника, стала насмехаться над ним. Мальчик заплакал и ушел.

Вероятно, никто не обратил бы внимания на это, если бы Мария утром не оказалась... немой. Все перепугались, позвали ее отца, и он повез ее к врачу. Врач нашел, что у девушки нет никаких нарушений, и недоумевал, почему она не может говорить. Тогда решили молиться особенно усердно об исцелении Марии. Прошло несколько месяцев. Однажды ночью родители слышали, что дочь их заговорила с кем-то во сне. Тихо стали у ее кровати, ожидая пробуждения. Она вскоре проснулась и радостно рассказала, что видела во сне Старца, очень доброго и благостного. Он ей сказал: «Ты наказана за то, что посмеялась над немым мальчиком, но предстательством преподобного Сергия Бог возвращает тебе дар речи. В благодарность сходи с родителями пешком в обитель Преподобного и благодари Бога за милость».

У Марии были сестры. На всех это чудо повлияло: все дети отца Димитрия Муретова стали очень осторожно обращаться с окружающими. Сам отец Димитрий с женой и Марией в июне 1881 года пришел в Лавру и рассказал об этом архимандриту Леониду^{CLXXX}, бывшему тогда наместником Троице-Сергиевой Лавры.

За нерадение

В храме великомученицы Варвары (при лаврской больнице) служил диакон отец Иоасаф, поступивший в Лавру в начале 1870-х годов из белого духовенства.

Однажды после ектении перед *Херувимской* он вошел в алтарь, шагнул к престолу и упал без чувств. Его отнесли в больницу, где он пролежал три дня в беспомощности. Придя в сознание, он рассказал духовнику, что в алтаре у престола увидел Ангела с мечом в руках. Он подошел к Иоасафу, снял орарь и стихарь, ударил мечом по рукам и ногам и сказал: «Изъял бы я твою душу за нерадение к иноческой жизни, но смотри, кто предстательствует за тебя пред Богом». И указал на жертвенник, около которого на коленях стоял преподобный Сергей и горячо молился. Иеродиакон Иоасаф около года лежал без движения, усердно каясь. Видимо, ему открыт был день кончины. Утром этого дня попросил достать погребальные одежды и одеть на себя, причастился Святых Таин и, обращаясь к невидимым посетителям, радостно воскликнул: «Пришла!» — и скончался.

Схимник

В 1892 году архиепископ Ярославский Ионафан^{CLXXXI} прибыл на торжества по случаю 500-летия со дня кончины преподобного Сергия в Троице-Сергиеву Лавру. Во время крестного хода его внимание привлек Старец в схиме, шествующий впереди образа

преподобного Сергия. При виде Старца сердце архипастыря взыграло от радости, и он решил узнать у отца наместника его имя. Рассказав об этом отцу наместнику, услышал в ответ, что в Лавре есть один схимник, но участвовать в крестном ходе он не мог по старческой немощи.

— Кто же был тот Старец?

— Видимо, сам преподобный Сергей!

Вразумление свыше

Архимандрит Кронид рассказал о своем искушении, которого не мог одолеть, оставшись после смерти отца Никодима без руководства и вразумления. Дело в том, что в 1879 году, когда скончался духовник, отец Кронид стал мучиться расслаблением воли: не хотелось читать правило. Совесть обличала, но воля ослабла, и он не находил в себе сил преодолеть свое нежелание. И вот однажды он видит себя в Троицком соборе. Он полон народа, который стремится приложиться к раке мощей преподобного Сергия. Волной народной и его прибило почти к самой раке. Его охватил страх: вдруг преподобный Сергей при всех обличит его в нерадении? Подходя, он услышал тихий голос самого Аввы: «Чадо! Что же ты перестал молиться? Если наступит время испытания, откуда ты будешь черпать утешение, силы и крепость душе своей?». Проснулся он в слезах и на всю жизнь запомнил это обращение своего небесного Игумена.

Сокращения:

ДА — Духовная Академия

ДС — Духовная Семинария

ЖМП — Журнал Московской Патриархии

ЛДАиС — Ленинградская Духовная Академия и Семинария

МГУ — Московский Государственный университет

МДАиС — Московская Духовная Академия и Семинария

МП — Московская Патриархия

ОВЦС — Отдел внешних церковных сношений

РПЦ — Русская Православная Церковь

СПбДА — Санкт-Петербургская Духовная Академия

ТСЛ — Троице-Сергиева Лавра

Примечания издателей

(Несколько авторских примечаний помечены: *Авт.*)

^I Имеется в виду Михай (Хархаров; р. в 1921), архиепископ Ярославский и Ростовский. Прибыл в Лавру к моменту ее открытия, но в августе 1946 отправился вместе с ее первым настоятелем, епископом Гурием (Егоровым), в Ташкентскую епархию. В 1947 рукоположен в сан иеродиакона, в 1949 — в сан иеромонаха. В 1951 окончил МДС. В 1955–1956 входил в число братии Глинской пустыни. Священническое служение проходил в Ташкентской, Саратовской, Днепропетровской, Минской и Ярославской епархиях. Архиерейская хиротония в 1993. С 1995 в сане архиепископа. С 2002 на покое.

^{II} Иннокентий (Орешкин; 1870–1947), иеросхимонах. В Зосимовой пустыни нес послушание заведующего гостиницей для паломников, помогал преподобному иеросхимонаху Алексию (Соловьеву) в окормлении паствы. Ученик схиигумена Германа (Гомзина) Зосимовского. После закрытия монастыря жил под Москвой, окормляя монахинь закрывшегося Алексеевского монастыря. Иногда посещал богослужения московского Высоко-Петровского монастыря, где подвизалась зосимовская братия. Сам почти не служил, имея очень слабое зрение, но исповедовал — в основном монахинь. В 1934–1937 находился в ссылке в Оренбурге. По возвращении жил на подмосковной станции Сходня, где и скончался 10 марта 1947. См. о нем: *Пыльнева Г. А.* Воспоминания о старце Зосимовой пустыни иеросхимонахе Иннокентии. М., 1998.

^{III} Алексей I (Симанский; 1877–1970), Патриарх Московский и всея Руси в 1945–1970. Учился в Лазаревской гимназии института восточных языков, в Николаевском лицее, на юридическом факультете Московского университета (окончил за три года). В 1913 архиерейская хиротония. В 1922–1925 в ссылке. С 1926 архиепископ. Затем служил в гренадерском Самогитском полку. Окончил МДА, на II курсе которой, в 1902 году, принял монашество, иеродиаконство и в 1903 — иерейский сан. Кандидат богословия. В 1913

хиротонисан во епископа. С 1926 архиепископ и член Синода. С 1932 митрополит. В 1944–1945 патриарший местоблюститель. Избран Патриархом на Поместном соборе открытым голосованием единогласно. Похоронен под Успенским собором ТСЛ в храме Всех святых, в земле Российской просиявших.

^{IV} Гурий (Егоров; 1891–1965), архимандрит. Окончил Петровское коммерческое училище в Петербурге, Санкт-Петербургскую ДА (кандидат богословия), в 1915 принял монашество и вскоре был посвящен в сан иеромонаха. С 1917 насельник (казначей) Александро-Невской Лавры, с 1922 архимандрит, с 1925 настоятель Лаврской кинонии и заведующий Богословско-пастырским училищем. Первый наместник возрожденной Лавры (1945 — август 1946). С 1946 епископ Ташкентский и Среднеазиатский. С 1952 архиепископ. С 1959 митрополит. Скончался в 1965 в сане митрополита Симферопольского и Крымского.

^V Загорск. Город Сергиев Посад в 1930–1991 годах носил название Загорск (в честь коммуниста В. М. Загорского). Автор книги, рассказывая о своих поездках в Лавру, не всегда следует хронологии, упоминая оба названия города. В этих местах мы сохранили авторскую редакцию текста.

^{VI} Флоренский Павел Александрович (1882–1937), священник, профессор МДА, ученый, религиозный философ, богослов. Постоянно служил в домовом храме во имя равноапостольной Марии Магдалины Сергиево-Посадской общины сестер милосердия Красного Креста. В 1918–1920 хранитель Ризницы и ученый секретарь Комиссии по охране памятников искусства и старины ТСЛ.

В сочинении «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи» разрабатывал учение о Софии (Премудрости Божией) как основе осмысленности и целостности мироздания. В работах 1920-х годов стремился к построению «конкретной метафизики» (исследования в области лингвистики и семиотики, искусствознания, философии культа и иконы, математики, экспериментальной и теоретической физики и др.). Репрессирован, погиб в Соловецком лагере особого назначения; реабилитирован посмертно.

^{VII} Иларион (Удодов; 1863–1951), схиархимандрит. В течение 20 лет подвизался на Афоне, неся послушание кузнеца. Затем оказался в России и из-за революции уже не смог вернуться на Святую Гору. С 1936 до своей кончины был настоятелем подмосковного храма в честь Владимирской иконы Божией Матери в с. Виноградово, где и погребен. В 1946 при открытии Лавры схиархимандрит Иларион приехал по поручению Святейшего Патриарха Алексия I для передачи главы преподобного Сергия, которая в 1920–1946 тайно хранилась отдельно от святых мощей из-за опасения уничтожения мощей большевиками. См. примеч. № 15.

^{VIII} Иннокентий (Коляда; 1905–1982), иеродиакон. С 1923 послушник на Подворье Валаамского монастыря в Москве. В 1925 пострижен в монашество, в 1926 рукоположен во иеродиакона. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации был в братстве ТСЛ. В 1953 рукоположен в иеромонаха и проходил пастырское служение в Тульской епархии. В 1957–1962 регент и солист хора Троицкого собора Александро-Невской Лавры, затем в братстве Псково-Печерского монастыря до 1971. До 1978 служил на приходах Владимирской и Архангельской епархий. С 1978 за штатом.

^{IX} Боскин Сергей Михайлович. Художник; регентовал и читал на первых службах открытой Лавры. Впоследствии протоиеронок. Автор воспоминаний о Лавре. См. примеч. № 20.

^X Кронид (Любимов; 1858–1937; память 27 ноября /10 декабря), архимандрит, преподобномученик. Наместник Лавры в 1915–1919. После ее закрытия был оставлен как староста охраны до 26 января 1920. В 1920–1922 жил в с. Братовщина у старосты храма, в 1922–1926 — в Гефсиманском скиту, в 1926–1929 — в Параклитском скиту, в 1929–1937 — у Кокуевского кладбища. Расстрелян в Бутово. Причислен к лику новомучеников Российских в 2000.

^{XI} По воспоминаниям С.М. Боскина, также бывшего очевидцем и участником всех описываемых событий, антиминс Успенского собора, сохраненный архимандритом Кронидом, передал отцу Гурию Т.Т. Пелих — будущий протоиерей Тихон (1895–1983), который, проживая в Загорске, был духовно близок к преподобномученику Крониду.

^{XII} Константин Иванович Родионов родился в Ростове Великом, с юности учился звонить на колокольнях Ростова и ТСЛ.

^{XIII} Мария (ок. 1880–1961), схиигумения. В возрасте 16 лет поступила в женский монастырь. В мантию пострижена в 1900 году с именем Арсения во Владимирском монастыре г. Вольска Саратовской губ., где затем была настоятельницей. После октябрьского переворота вместе с несколькими сестрами-послушницами проживала в г. Загорске в небольшом домике. Матушка имела много духовных чад, которые часто приезжали в Загорск, обращаясь к ней за помощью и советом. Ее домик становился приютом для разогнанных из обителей монахинь. Многие отмечали прозорливость матушки и вместе с тем — необычайную простоту и детскую наивность. За советом к ней обращались не только миряне (в том числе и верующая интеллигенция), но и священники, среди которых были и катакомбные, в частности архимандрит Серафим (Батюгов), протоиерей Петр Шипков. О ней см.: *Досифея (Вержебловская), мон.* О матушке Марии // Василевская В. Я. Катакомбы XX века. Воспоминания. М., 2001. С. 279–306; *Басин И. В.* Схиигумения Мария и подпольный женский монастырь // *Cristianox*. Рига, 1998. Вып. 7.

^{XIV} Гарное масло — так в просторечии называли лампадное масло.

^{XV} «...Череп был подменен...». Подробно об этом см.: *Андроник (Трубачев), игумен.* Судьба главы преподобного Сергия // ЖМП. 2001. № 4. С. 33–53. «Одновременно с тем, как Святейший Патриарх Тихон и сотни верующих православных общин Сергиева Посада вели неравную борьбу с государством за

сохранение мощей преподобного Сергия, священник Павел Флоренский и граф Юрий Александрович Олсуфьев по благословению Патриарха Тихона тайно от всех сокрыли честную главу Преподобного» (там же, с. 33). В храме с. Виноградова глава Преподобного хранилась в 1941–1945. В 1920–1941 и в 1945–1946 — в других тайниках.

^{XVI} «В составе сплава много серебра, что и придает исключительную нежность звуку». Здесь распространенная ошибка: давно существует заблуждение, что, чем больше серебра в составе колокольной бронзы, тем лучший звук издает колокол. Все научные исследования показывают прямо противоположную зависимость: наличие серебра сильно ухудшает звук колокола. См., например: *Ярешко А. С.* Тайны колокольного голоса // Колокольные звоны России. М., 1992. С. 30–38. См. также: ниже, примеч. №101.

^{XVII} Колчицкий Николай Федорович (1890–1961), протопресвитер. С 1941 управляющий делами МП, ближайший сотрудник Патриархов Сергия и Алексия I. После того как отец Николай собрал чуть ли не целый поезд паломников в Лавру преподобного Сергия, ему «дали понять», что этого больше делать не надо...

^{XVIII} Киприан (Зернов; 1911–1987), архиепископ. С 1922 прислуживал звонарем, пономарем, ризничим, чтецом. В 1944 рукоположен в диакона (целибат), затем в священника. С 1948 настоятель храма Всех скорбящих Радость на Большой Ордынке. В 1961 году принял монашеский постриг в Лавре и архиерейскую хиротонию. С 1963 архиепископ. Исполнял множество различных церковных послушаний, ради чего часто выезжал за границу — как в составе церковных делегаций и духовных миссий, так и для настоятельского и архиерейского служения. Скончался в Москве на покое.

^{XIX} Иоанн (Разумов; 1898–1990), архимандрит, второй наместник Лавры (1946–1953). В 1916–1923 послушник Смоленской Зосимовой пустыни; в 1924 переведен в московский Богоявленский монастырь, пострижен в монашество, посвящен в иеродиакона; в 1942 иеромонах, игумен, архимандрит; с 1954 епископ Костромской и Галичский, скончался в сане митрополита (1972) Псковского и Порховского. С 1987 пребывал на покое.

^{XX} Полностью см.: *Боскин С., протодиакон.* Пасха 1946 года. Открытие Лавры преподобного Сергия // Троицкое слово. ТСЛ, [1990]. № 4. С. 16–30.— *Авт.*

^{XXI} Михей (Владимирский; 1863–4?), игумен. В Лавре нес послушания гробового иеромонаха, ризничего, хранителя митрополичьих покоев, братского духовника. В 1919–1925 остался в «малой Лавре» (так называли братию Пятницкого храма), в 1926–1929 жил в Параклитском скиту, скончался на Родине.

^{XXII} Воронцов Евгений Александрович (1867–1925), протоиерей (целибат), профессор еврейского языка и библейской археологии МДА. После закрытия Лавры и Академии взял на себя пастырский крест: от науки, в которую был погружен, что называется, «с головой», обратился к служению священническому, став настоятелем Пятницкой церкви.

^{XXIII} См.: *Пришвин М. М.* Собрание сочинений. Т. 8. Дневники. М., 1988. С. 209–211; *Он же.* Леса к Осударевой дороге: Из дневников 1909–1930 // Наше наследие. 1990. № 1. С. 82–85; *Он же.* Когда били колокола... (Из дневников М. М. Пришвина 1926–1932 гг.) // Троицкий сборник, ТСЛ, 2000. № 1. С. 131–139. (29 декабря 1929 / 11 января 1930 сбросили Корноухого и Царь-колокол; 15/28 января 1930 сбросили Годунова). Всего было снято 19 лаврских колоколов весом 8165 пудов.

^{XXIV} Параклит — скит, общежительная мужская пустынь, приписанная к ТСЛ, находящаяся в 8 верстах от нее (ныне в пос. Смена). Основана в 1860. Отличалась особо строгим уставом. В настоящее время — одно из 10 подворий ТСЛ; возобновлена монастырская жизнь.

^{XXV} Сережа-слепой, инок. Ослеп в возрасте полутора лет. С семи лет жил в Макарьевском Калязинском монастыре. В 30 лет перешел в ТСЛ по особому приглашению. В 1919–1925 оставался в «малой Лавре». С 1918 прислуживал в церквях Сергиева Посада: в Пятницкой, Петропавловской и Ильинской, где продолжал петь на клиросах. В последние годы зарабатывал себе на пропитание игрой на баяне на разных семейных праздниках и вечеринках. Скончался от голода в Великий пост 1942.

^{XXVI} См. об этом: ЖМП. 1982. № 10. С. 19–20.— *Авт.*

^{XXVII} Филарет (Дроздов; 1782–1867; память 19 ноября / 2 декабря), митрополит Московский и Коломенский, святитель. Родился в подмосковной Коломне, в семье диакона (впоследствии священника). Поступил в Коломенскую ДС и закончил Троицкую ДС и Академию. В 1808 принял монашеский постриг в Лавре и в 1809 рукоположен в иеромонаха, а в 1811 возведен в сан архимандрита. С 1812 ректор СПбДА. В 1817 хиротонисан во епископа, с 1821 возглавлял Московскую кафедру. Святитель Филарет занимает выдающееся место в истории русского богословия. Его «Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Греко-Российской Церкви» до сих пор служит церковным учебником. Основное богословское наследие святителя Филарета содержится в его «Словах и речах», которые проникнуты подлинно святоотеческим духом. Неоценимой заслугой Святителя служит и систематизация церковных наук. Он же стоял во главе перевода Священного Писания на русский язык. Святитель Филарет был великим молитвенником и чудотворцем, горячо любимым не только своей московской, но и всей русской паствой. Несмотря на титул митрополита Московского и Коломенского, в народе Святителя называли природным Патриархом и всероссийским митрополитом. В 1861 Святителю пришлось стать автором манифеста об отмене крепостного права. Последние свои годы святитель Филарет провел в Москве, на Троицком Подворье. Погребение его вылилось во всенародное событие. В годы

безбожной власти мощи Святителя, находившиеся в ТСЛ, были вскрыты и поруганы большевиками. Причислен в лике святых в 1994. В 2004 его святые мощи были торжественно перенесены в Московский Кафедральный храм Христа Спасителя.

^{xxviii} Площев Н. Н. († 1953). Регент-любитель Ильинского храма г. Загорска.

^{xxix} Сергей (Голубцов; 1906–1982), иеромонах, впоследствии архиепископ Новгородский и Старорусский. Родился в Сергиевом Посаде. В 1920-х годах занимался реставрацией икон в мастерских у академика И. Грабаря, одновременно работая в библиотеке Исторического музея. В 1930 году, будучи студентом III курса Московского университета, выслан на 3 года в Архангельскую обл. В 1941–1946 — на фронте. После демобилизации поступил в МДС. Принимал участие в восстановлении настенной живописи храмов Лавры и Москвы. В братию Лавры принят во время учебы на III курсе МДА (кандидат богословия), которую окончил в 1951 году и был оставлен преподавателем Ветхого Завета, древнееврейского языка и церковной археологии. В Лавре нес послушание духовника и экскурсовода. С 1954 архимандрит. В 1955 хиротонисан во епископа Старорусского, викария Ленинградской епархии, с 1956 управлял Новгородской кафедрой. С 1959 епископ Новгородский и Старорусский. С 1963 архиепископ. После тяжелого инсульта в 1967 ушел на покой и поселился в Лавре, где нес иконописное и клиросное послушания, окормляя своих многочисленных духовных чад. Погребен в ТСЛ.

^{xxx} Вениамин (Федченков; 1880–1961), митрополит. Учился в Тамбовской ДС и СПБДА (кандидат богословия). В 1907 принял монашеский постриг и вскоре получил сан иеродиакона, иеромонаха, архимандрита. Член Поместного собора 1917–1918. В 1919 архиерейская хиротония. Примкнул к Белому движению. С 1920 в эмиграции. Один из «основателей» РПЦ за границей. Преподавал (профессор) в Парижском Православном Богословском институте им. преподобного Сергия Радонежского. В 1930, после разрыва митрополита Евлогия (Георгиевского) с МП, организовал первый приход МП в Париже — Трехсвятительское Подворье. С 1932 в сане архиепископа. С 1933 архиепископ Вениамин временный экзарх МП в Северной Америке. С 1939 митрополит. В 1947 вернулся в Россию. С 1958 находился на покое в Псково-Печерском монастыре, в пещерах которого и был погребен.

^{xxxi} *Лермонтов М.* Молитва (1839) // Собрание сочинений: В 4 т. М., 1969. Т. 1. С. 291.

^{xxxii} Отрывки из нее печатал журнал «Москва». 1993. № 6. Выписываю оттуда. — *Авт.*

^{xxxiii} Вениамин (Милов; 1887–1955), епископ. Родился в Оренбурге в семье священника кафедрального собора. Окончил Вятскую ДС, затем год отучился в Казанской ДА (1915). После службы в армии и работы в военкомате в марте 1920 прибыл в московский Данилов монастырь, где принял монашеский постриг. Поступил в МДА, которую успешно окончил за один год (кандидат богословия). В 1920-х годах жил и управлял Покровским монастырем в сане архимандрита. В 1929 арестован: Бутырка, Соловки и др. С 1946 в Лавре; преподавал патрологию в МДАиС. В 1948 магистр. Доцент МДА (кафедра Пастырского богословия). В 1949 вновь репрессирован, освобожден в 1954, служил в Ильинском храме г. Серпухова. В 1955 рукоположен во епископа Саратовского и Балашовского.

^{xxxiv} Никон (Преображенский; 1899–1961), иеромонах. В Лавру прибыл в 1946 из одесского Успенского монастыря, куда его вновь перевели незадолго до кончины по требованию советских властей, недовольных его популярностью в народе. О нем см.: *Тихон (Агриков), архимандрит.* У Троицы окрыленные. Воспоминания. Ч. 3: 1960–1965. [Сергиев Посад], 2002. С. 29–47.

^{xxxv} Вероятно, речь идет об отце Стефане (Светозарском). Впоследствии — архимандрит.

^{xxxvi} Александр (Кумачев; 1885–1963), монах. В Лавру поступил в 1946, нес послушание эконома. Монашеский постриг принял за два года до смерти, тогда же был назначен старшим звонарем Лавры. О нем см.: *Тихон (Агриков), архимандрит.* У Троицы окрыленные. Воспоминания. Ч. 3: 1960–1965. [Сергиев Посад], 2002. С. 166–188.

^{xxxvii} Елизавета Феодоровна, Великая княгиня, преподобномученица. Основательница Марфо-Мариинской обители милосердия (1909).

Ночью 5/18 июля 1918, в день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, ее вместе с другими членами императорского дома бросили в шахту старого рудника.

Останки настоятельницы Марфо-Мариинской обители и ее верной келейницы Варвары в 1921 были перевезены в Иерусалим и положены в усыпальнице храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании. В 1992 Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил их к лику святых новомучеников Российских и установил празднование 5/18 июля.

^{xxxviii} Иосиф (Евсеенок; 1896–4?), архимандрит. До закрытия Лавры подвизался в Гефсиманском скиту, а в 1946 поступил в возрождаемую обитель Преподобного. Штатным иеродиаконом Лавры зарегистрирован в феврале 1948. Скончался по принятии схимы с именем Иосия.

^{xxxix} Серафим (Шинкарев; † 1979), архимандрит. В 17-летнем возрасте он начал свой иноческий путь в Курской-Коренной пустыни. Отслужив в армии, пройдя войну и получив ранение, в 1922 поступил в Белгородский Свято-Троицкий монастырь, где вскоре принял постриг, на следующий год — сан иеродиакона, а через 7 лет — сан иеромонаха. В Лавру поступил в 1947, проходил послушания ризничего, эконома, благочинного, а затем — духовника.

^{xl} Из молитвы священника в конце 1-го часа.

^{xli} Припев 2-го акафиста преподобному Сергию.

^{XLII} Акафист 1-й преподобному Сергию, икос 12 // Акафисты русским святым: [В 3 т.]. СПб., 1996. Т. 3. С. 359.— *Ред.*

Первым акафистом, написанным на славянском языке (т. е. непереводаемым), у нас на Руси был акафист преподобному Сергию. Автором его считают Пахомия Серба. Позже, в 1650, князем Симеоном Шаховским был написан другой акафист. Его читают до сего дня. Святитель Филарет Московский считал его лучшим из всех существующих. Кроме указанных, был еще акафист, хранящийся в рукописи Ундольского, отмеченный 1689. Автором его предположительно считается святитель Димитрий Ростовский. Четвертым акафистом преподобному Сергию был акафист, написанный в XVIII веке митрополитом Платоном (Левшиным). Обращение нескольких авторов к образу преподобного Аввы говорит о негаснущей любви и благоговейном чувстве к Игумену Русской земли — преподобному авве Сергию.— *Авт.*

Об акафистах преподобному Сергию и об их авторах см. также: Акафисты русским святым: [В 3 т.]. СПб., 1996. Т. 3. С. 369; *Голубцов С., протодиакон.* Троице-Сергиева Лавра за последние сто лет. М., 1998. С. 223.

^{XLIII} «Совет Превечный...» — стихира Божией Матери. По традиции она поется в будние дни Великого поста, когда не служит литургия Преждеосвященных Даров: по окончании вечерни при пении этой стихире братия исходит в притвор на литию. Уставом же она полагается петься дважды:

1) на 5-й седмице Великого поста, в пяток вечера, на «Господи, воззвах», стихира 3 (накануне субботы акафиста); и

2) в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, на Великой вечерни, на «Господи, воззвах», стихира 1.

^{XLIV} При подготовке данного издания год описываемого события был вычислен по пасхалии.

^{XLV} Рождество Христово. Утреня. Стихира по 50-м псалме.

^{XLVI} Ср.: Великая вечерня, 2-е прошение на литии.

^{XLVII} «Архангельский глас» — первые слова величания Божией Матери в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы. Обычно в храмах это величание поют на музыку Д. Бортнянского (трио), которая очень удачно выражает не только смысл праздника, но и духовную красоту Самой Пречистой Девы. Умелое исполнение этого величания на музыку Д. Бортнянского действительно напоминает ангельское пение.

^{XLVIII} Заметки об исповеди написаны преимущественно на основе бесед с отцом Тихоном (Агриковым; 1916–2000). Он воевал в Великую Отечественную войну, с которой вернулся с тяжелой болезнью ног. В Лавру прибыл из Астраханской обл., учился в МДС и Академии в 1946–1953 и поступил в лаврскую братию. Преподавал в МДА. С 1964 игумен, впоследствии архимандрит. Батюшка был очень любимым и почитаемым в Лавре пастырем. Многие считали его лучшим духовником Лавры. Достаточно заметить, что отец Тихон был последним духовником схиархимандрита Иоанна (Маслова). Преследуемый разными одержимыми дамами и кликушами, а также «компетентными органами», которые сами не раз устраивали громкие провокации с участием прихожан и прихожанок со слабой психикой, в 1960-е годы отец Тихон был вынужден покинуть Лавру, а в 1980 удалиться в затвор в один из монастырей. О местах, где он подвизался в последние годы, почти никто не знал. В церковной прессе упоминаются горы Кавказа, Краснодар, Украина. Архимандрит Тихон принял схиму с именем Пантелеимон. За несколько недель до смерти он прибыл в подмосковное село Тайнинское, где и скончался во время всеобщего бдения. Последним его возгласом был: «Слава Тебе, показавшему нам свет!». (По одним сведениям, он служил эту последнюю всеобщую, по другим — молился в это время на домашней молитве.) Погребен схиархимандрит Пантелеимон за алтарем храма Благовещения Пресвятой Богородицы в подмосковном селе Тайнинском.

Архимандрит Тихон является автором замечательных воспоминаний о насельниках Лавры 1950–1965 годов, которые быстро распространились благодаря самиздату и сразу стали невероятно популярны и любимы среди верующих. См.: *Тихон (Агриков), архимандрит.* УТроицы окрыленные. Воспоминания. Ч. 1, 2: 1950–1960. [Сергиев Посад]; Пермь, 2000. 495 с.; Ч. 3: 1960–1965. [Сергиев Посад], 2002. 256 с.

^{XLIX} «Вскую мя отринул еси...» — начало ирмоса 5-й песни воскресного канона Октоиха 8-го гласа.

^L Алексей Мечев (1859–1923; память 9/22 июня), протоиерей, святой, праведный. Родился в Москве, в благочестивой семье регента кафедрального Чудовского хора. В 1884 женился и был рукоположен в диакона, в 1893 — в священника. Имел пятерых детей, среди которых священномученик протоиерей Сергей (прославлен в 2000). Отец Алексей был настоятелем московского храма святителя Николая в Кленниках, где воспитал общину ревностных христиан, поставил на должный уровень богослужение и со временем получил благодатный дар старчества: его так и называли — московским старцем, которого любили и уважали даже старцы Оптикинские. Отец Алексей имел дар горячей молитвы — дар ходатайствовать пред Господом за свою паству, дары прозорливости и любви к ближним. В 1922 и 1923 батюшку вызывали в ОГПУ и запрещали принимать народ. Он был уже очень слаб, служил редко и продолжал кормить своих духовных чад на дому. Погребен на Лазаревском кладбище, а после его ликвидации перезахоронен на Введенском кладбище. В 2000 причислен к лику святых. В 2001 состоялось торжественное перенесение его честных мощей в храм на Маросейку, в котором батюшка прослужил 26 лет.

^{LI} *Никодим Святгорец.* Невидимая брань / Пер. с греч. святителя Феофана Затворника. Любое издание. (В предисловии к книге указано, что ее автором является другой мудрый муж [театинец Лаврентий

Скуполи], а старец Никодим ее пересмотрел, исправил, пополнил и обогатил: ему она принадлежит более по духу, чем по букве. Святитель Феофан также сделал свободный перевод книги на русский язык.)

^{LII} Шаргунов Александр, протоиерей. Окончил МГПИ иностранных языков, МДС и Академию (кандидат богословия). В 1974–1976 прислуживал алтарником и чтецом в московском храме святого Иоанна Предтечи. В 1977 рукоположен в сан диакона и вскоре — в сан священника. С 1986 в сане протоиерея. С 1989 преподаватель МДАиС. Настоятель московского храма святителя Николая в Пыжах (богослужения возобновлены 11 июля 1991).

^{LIII} «Дева днесь... Отроча младо, Превечный Бог» — первые и последние слова кондака Рождества Христова.

^{LIV} Светилен Рождества Христова: «Посетил ны есть свыше Спас наш...».

^{LV} Некоторые имена не раскрываются по желанию автора.

^{LVI} Рождество 1995 года: ректором МДА был епископ Дмитровский Филарет (Карагодин; р. в 1946), викарий Московской епархии. После службы в армии окончил Одесскую ДС и МДА (кандидат богословия). Иподиакон Святейшего Патриарха Пимена. С 1974 насельник ТС Л. В 1975 пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона, в иеромонаха. С 1977 насельник одесского Свято-Успенского монастыря, преподаватель ОДС, регент семинарского хора. С 1980 игумен, с 1987 архимандрит. С 1989 наместник одесского Успенского монастыря. Архиерейская хиротония в 1990. С 1992 по 1995 епископ Дмитровский, ректор МДАиС. С 18 июля 1995 епископ Майкопский и Армавирский. С 2000 епископ Пензенский и Кузнецкий; ныне архиепископ.

^{LVII} В 1995 году (с 30.11.1988) наместником Лавры был архимандрит Феогност (Гузилов; р. в 1960). После службы в армии нес послушание в храме Спаса Нерукотворного Образа в с. Спас-Железино Селивановского р-на (1981–1982), в 1982–1983 в храме святителя Николая в г. Киржаче Владимирской обл. В 1983 пострижен в монашество. В 1984 рукоположен в иеродиакона, в иеромонаха. С апреля 1984 насельник ТСЛ. Окончил МДС и Академию (кандидат богословия). С 1986 игумен, архимандрит. В 1988 назначен наместником ТСЛ. С 1990 преподает в МДАиС. В 2002 архиерейская хиротония во епископа Сергиева Посада. Викарий Московской епархии. Первый наместник Лавры в архиерейском сане.

^{LVIII} Иоанн (Сергиев; 1829–1908; память 20 декабря / 2 января) Кронштадтский, святой, праведный. Родился в с. Сура Пинежского уезда Архангельской губернии. Отец его — сельский дьячок Илия Сергиев — с раннего детства воспитал в нем горячую любовь к богослужению. 12 декабря 1855 совершилось его посвящение в сан иерея. Вся остальная жизнь отца Иоанна и его пастырская деятельность протекала в Кронштадте. По молитвам отца Иоанна совершалось множество чудес и исцелений. Вся верующая Россия потекла к великому чудотворцу. Тысячи людей ежедневно приезжали в Кронштадт, желая видеть отца Иоанна и получить от него ту или иную помощь. Причислен к лику святых в 1990.

^{LIX} Предпразднство Богоявления. 3 января. Вечерня. На стиховне, стихира 1, глас 6, подобен «Тридневен».

^{LX} Светилен на праздник Богоявления — «Явися Спас, благодать и истина...», подобен «Посетил ны».

^{LXI} Первые слова ирмоса 1-го канона на Богоявление.

^{LXII} «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою...» — исправится—здесь: сделается прямой, прямо вверх возносящейся к Небу, как кафельный дым (в противоположность дыму, стелющемуся по земле, каковой чаще всего и бывает наша неисправная молитва).

^{LXIII} Шмеман А., протоиерей. Великий пост. М., 1993. 111 с. (и другие издания).

^{LXIV} Владимир (Сабодан; р. в 1935), архиепископ, ректор МДА (1973–1982). Окончил Одесскую ДС и ЛДА (кандидат богословия), аспирантуру при МДА (профессор — 1978). В 1962 принимает сан диакона, священника и монашеский постриг. С 1965 архимандрит. Архиерейская хиротония в 1966. С 1973 архиепископ. С 1982 митрополит. С 1992 Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины, Предстоятель Украинской Православной Церкви, постоянный член Священного Синода.

^{LXV} См. примеч. № 68.

^{LXVI} «Пение "Вечная память" в Чине Православия должно совершаться иначе, чем как поется оно на заупокойных последованиях, не в грустном, минорном, тоне, а в величественном, торжественном, победном*». Примеч.*: «В свое время Московскому митрополиту Филарету предложено было составить текст... Требуемый текст был составлен Митрополитом применительно к соответствующему тексту Чина Православия... В примечании митрополит Филарет писал: "Лучше, чтобы певчие «Вечная память» пели не печальным напевом, как на похоронах, а другим, величественным". Филарет, митрополит Московский. Собрание мнений и отзывов. Т. V. С. 263». Афанасий (Сахаров), епископ. «Вечная память» в Неделю Православия // О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. СПб., 1995. С. 76.

Это объясняется тем, что «Вечная память» в Чине Православия возглашается не только усопшим благочестивым православным царям и князьям, но и уже прославленным святым.

^{LXVII} См.: Хвалебная песнь святителя Амвросия Медиоланского «Тебе, Бога, хвалим...» // Требник. Благодарение о получении прощения и о всяком благоденствии Божии. М., 1991. С. 405–407.

^{LXVIII} Мефодий, Патриарх Константинопольский (4846; память 1/14июня). Родился в Сицилии. В молодости ушел в монастырь и всю свою жизнь неустанно боролся против иконоборческой ереси, за что переносил узы, темницы и раны. При императоре Феофиле (829–842) святой Мефодий был предан тяжким

истязаниям, а потом сослан на остров Антигон и вместе с двумя разбойниками заключен в глубокой пещере, куда не проникал даже солнечный свет. Там он томился 7 лет. С воцарением блаженной царицы Феодоры (память 11/24 февраля), почитательницы святых икон, Мефодий был освобожден и избран Патриархом. В 842 святитель Мефодий вместе с праведной царицей Феодорой созвал в Константинополе Поместный собор, который подтвердил догматические определения VII Вселенского Собора, восстановил иконопочитание и постановил ежегодно праздновать победу православия. Отцы Собора с великим торжеством в 1-ю Неделю святой Четырехдесятницы внесли честные иконы в церковь. Составленный святителем Мефодием Чин Православия совершается в 1-ю Неделю Великого поста.

^{LXIX} Точнее, Чин Православия и сейчас содержит в себе анафематствования, которые никто не исключал, но в большинстве храмов эту часть Чина упраздняют.

^{LXX} См.: *Никифоров-Волгин В. А.* Дорожный посох. М., 1990. 63 с. и др.

Никифоров-Волгин Василий Акимович (1901–1941). Родился в Тверской губ., после революции оказался в Эстонии, служил псаломщиком в нарвском храме. С 1923 он начинает регулярно публиковать свои рассказы, очерки, фельетоны, зарисовки и к середине 1930-х годов становится уже довольно известным писателем. В мае 1941 арестован органами НКВД и расстрелян в декабре того же года по 58-й статье за «принадлежность к различным белогвардейским монархическим организациям», «издание книг, брошюр и пьес клеветнического, антисоветского содержания». Реабилитирован в 1991.

^{LXXI} См.: *Мефодий, епископ Кампанский.* Пастырские наставления. Духовное наследие архипастыря храма Христа Спасителя во Франции. М., 2000. 191 с.

Епископ Мефодий (Кульман; 1902–1974) родился в Санкт-Петербурге в 1917 вместе с родителями эмигрировал в Болгарию. Окончил историко-философский факультет университета, Богословский институт в Париже. В 1931 принял монашеский постриг от руки митрополита Евлогия (Георгиевского). Скончался, как и желал того, на Пасху.

^{LXXII} Иероним (Зиновьев; † 1982), архимандрит, наместник ТСЛ (1972–30.03.1982). Принял монашеский постриг в 1964. Погребен в Лавре.

^{LXXIII} Матфей (Мормыль; р. в 1938), архимандрит. Родился в г. Владикавказе. В 1961 году поступил в ТСЛ послушником, в 1962 году принял монашеский постриг. С 1961 исполняет послушание регента хора. Окончил Ставропольскую ДС и МДА, с 1963 преподает в ней Церковный Устав, Священное Писание Ветхого Завета, литургику; с 1988 является профессором МДА на кафедре Литургического богословия и богослужебного пения. С 1961 и до настоящего времени — уставщик и главный регент Лавры. В 1963 рукоположен в иеродиакона, в 1964 — в иеромонаха. В 1968 возведен в сан игумена. С 1969 по 1974 — преподаватель Регентского класса при МДА. В 1971 возведен в сан архимандрита. 1974–1977 — благочинный ТСЛ.

Объединенный хор МДАиС под управлением архимандрита Матфея снискал, можно сказать, чуть ли не мировую известность: еще в 1968 он впервые записывался для грампластинок «Мелодии»; в настоящее время хором записано множество грампластинок, аудиокассет и компакт-дисков. Помимо богослужений в ТСЛ, Объединенный хор поет за службами Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Успенском соборе Московского Кремля, в храме Христа Спасителя, часто сопровождает Святейшего в его архипастырских поездках по епархиям. Объединенный хор выступает и с концертами, неоднократно совершал поездки в Германию, Францию, Грецию, Израиль и другие страны. Хор имеет приз Московского международного фестиваля духовной музыки 1990, участвовал в торжествах по поводу 1000-летия Крещения Руси в 1988 (концерт в Большом театре в Москве), а также в торжествах по поводу 600-летия преставления преподобного Сергия Радонежского в 1992.

^{LXXIV} Трифон (Туркестанов), митр. Акафист «Слава Богу за все». Икос 1.

^{LXXV} «Крест, хранитель всея вселенная...» — светилен праздника Воздвижения Креста Господня (14/27 сентября).

^{LXXVI} Пожар в стенах МДА случился в ночь под Воздвижение в 1986 году. О поджогах и их последствиях см.: *Валерия (Макеева), ин.* Воспоминания. М., [2002]. С. 65–66.

^{LXXVII} В 1985 году (1984–30.11.1988) наместником Лавры был архимандрит Алексей (Кутепов; р. в 1953). Окончил МГУ, МДС и Академию (кандидат богословия). В 1975 рукоположен в диакона, в пресвитера и назначен настоятелем кафедрального собора г. Иркутска. В 1975 пострижен в монашество, возведен в сан игумена, архимандрита. В 1980 назначен настоятелем кафедрального собора г. Владимира. В 1984 назначен наместником ТСЛ. Архиерейская хиротония состоялась в 1988. С 1989 архиепископ. С 1990 архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский, затем стал именоваться Астанайским и Алма-Атинским. С 2002 архиепископ Тульский и Белёвский.

^{LXXVIII} Фудель Сергей Иосифович (1900–1977). Сын московского священника Иосифа Фуделя, известный духовный писатель. Арестовывался в 1922, 1933 и 1946, прошел сталинские лагеря. Жил с супругой в г. Покрове Владимирской области. В своих воспоминаниях он писал, что дважды призывался к принятию священства: преподобным Нектарием, старцем Оптинским, и отцом Серафимом (Батюговым), но уклонился. «Это был... призыв на подвиг, и я не пошел на него». Старец Нектарий предрек ему большие страдания, если он не возьмет на себя священнический крест, что и сбылось. См., например: *Фудель С. И.* У стен Церкви. Макариев-Решемская обитель, 1997. 95 с. (Свет православия; Вып. 32–34); *Он же.* Путь отцов.

М., 1997.432 с.; *Он же*. Записки о литургии и Церкви. М., 1996. 114 с.; *Он же*. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост. и коммент. прот. Н.В. Балашова, Л.И. Сараскиной. Т. 1: Воспоминания. У стен Церкви. Воспоминания об отце Николае Голубцове. Моим детям и друзьям. Письма. М., 2001. 648 с.: ил.

^{LXXXIX} Фудель Иосиф Иванович (1864–1918), протоиерей, церковный писатель. Окончив юридический факультет Московского университета, проработал по специальности несколько лет. По благословению преподобного Амвросия Оптинского бросил службу и принял священный сан. В 1892–1907 — священник московской Бутырской тюрьмы, где заключенные называли его «пресветлейшим батюшкой». С 1907 настоятель храма святителя Николая в Плотниках (разрушен в 1918). Умер от испанки.

^{LXXX} Протоиерей Владимир Назаркин, заведующий службой протоколов ОВЦС МП. Клирик ТСЛ.

^{LXXXI} По Уставу на литургии Великой Субботы песнопение «Ангел вопияше...» не поется. Здесь имеется в виду «Воскресни, Боже», которое полагается вместо «Аллилуия» после чтения Апостола. По лаврской традиции, это песнопение исполняет трио на музыку протоиерея П. Турчанинова. Для своего песнопения Турчанинов взял иные стихи, отличающиеся от тех, которые указаны в Уставе; в эти стихи композитор включил и «Ангел вопияше...».

^{LXXXII} Афанасий (Сахаров; 1887–1962; память 15/28 октября и в Соборе новомучеников Российских), епископ Ковровский, святитель, исповедник. С 1899 начал прислуживать в алтаре. Окончил Владимирскую ДС, МДА (1912) и тогда же был пострижен в монашество, посвящен в иеродиакона и иеромонаха. Преподавал в Полтавской и Владимирской ДС. Член Поместного собора РПЦ 1917–1918. С 1920 архимандрит. С 1921 архиепископ Ковровский. Аресты, заключения, ссылки: 1922 (3 раза), 1922–1925, 1925, 1925–1926, 1927–1929, 1929–1930, 1930–1932, 1933–1935, 1936–1942, 1943–1944, 1944–1946, 1946–1954. Из автобиографии: «27 июня 1954 года исполнилось 33 года архиерейства. За это время: на епархиальном служении 33 месяца. На свободе не у дела 32 месяца. В изгнании 76 месяцев. В узах и горьких работах 254 месяца». *Афанасий (Сахаров), епископ*. Даты и этапы моей жизни // О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. СПб., 1995. С. 3–6. Святитель Афанасий является автором замечательной Службы Всем святым, в земле Российской просиявшим. Он был в числе так называемых «непоминающих» клириков, но после избрания Патриарха Алексия I просил принять его в общение. Причислен к лику святых в 2000.

^{LXXXIII} В 1985 году (1982–1990) ректором МДА был архиепископ Александр (Тимофеев; 1941–2003). Окончил МДС. После службы в армии окончил МДА (кандидат богословия). В 1971 принял монашеский постриг, рукоположен в иеродиакона, в иеромонаха, назначен преподавателем МДС и помощником инспектора МДАиС. С 1972 игумен и инспектор МДАиС. С 1973 преподаватель МДА. С 1973 архимандрит. В 1982–1990 ректор МДАиС. Архиерейская хиротония в 1982. С 1986 архиепископ. В 1992–1994 за штатом. С 1994 архиепископ Майкопский и Армавирский. В 1995–2003 архиепископ Саратовский и Вольский.

^{LXXXIV} Иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константинопольскаго, Златоустаго «Слово огласительное во Святый и светносный день преславнаго и спасительнаго Христа Бога нашего Воскресения».

^{LXXXV} Преподобный Иоанн Дамаскин, автор пасхальных песнопений.

^{LXXXVI} Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934), священник, педагог, друг отца Павла Флоренского. Окончил Тифлисскую гимназию, Петербургский университет и МДА, возглавлял частную гимназию в Тифлисе. Эмигрировал, жил в Ницце, где в 1926 принял священный сан. См.: *Ельчанинов А., священник*. Записи. М., 1992. 204 с.— Изданы посмертно, сразу же стали очень популярным духовным чтением среди церковного народа и интеллигенции.

^{LXXXVII} Феофан Грек (ок. 1340 — после 1405), русский иконописец, родом из Византии. Работал на Руси во 2-й половине XIV — начале XV века. Вместе с преподобным Андреем Рублевым и Прохором с Городца в 1405 расписал старый Благовещенский собор в Московском Кремле. Среди его работ — фрески церкви Спаса Преображения в Новгороде, иконы.

^{LXXXVIII} Максим Грек (ок. 1475–1555; память 21 января /3 февраля, 21 июня /4 июля), преподобный. Богослов, философ, переводчик, филолог. Около 1507 принял монашеский постриг на Афоне. В 1518 приехал из Ватопедского монастыря на Афоне в Русское государство по приглашению Василия Иоанновича. Преподобный Максим трудился над переводами, сделал опись книг великокняжеской библиотеки, исправлял по поручению князя богослужебные книги — Триодь, Часослов, праздничную Минею, Апостол. Но такая яркая ученая личность, как преподобный Максим, не могла не вызвать недовольства, зависти и вражды в определенных кругах общества. В результате политических интриг преподобный Максим был оклеветан и несправедливо осужден на соборах 1525 и 1531, проведя около тридцати лет в узах. Канонизирован в 1988. См. примеч. № 128.

Обширное литературное наследие: публицистические статьи («Стязание о известном иноческом жителстве»), «Главы поучительны начальствующим правоверно»), философские и богословские рассуждения, переводы, статьи по грамматике и лексикографии.

^{LXXXIX} Василий (Родзянко; 1915–17.09.1999), епископ Сан-Франциско и Запада Американской Автокефальной Православной Церкви. Родился в Малороссии, в родовом поместье Отрада Екатеринославской губ. Внук председателя последней дореволюционной Думы Михаила Родзянко. В 1920 его семья вынуждена была эмигрировать и осела в Югославии. В 1933, окончив гимназию, Владимир Родзянко поступил на богословский факультет Белградского университета, который окончил в 1937, а в

1938 вступил в брак с Марией Кулюбаевой, дочерью священника. В 1939 в семье Родзянко родился сын Владимир, а в следующем состоялось рукоположение отца Владимира. Во время войны отец Владимир был настоятелем сельского прихода и секретарем Красного Креста. Множество людей обязаны ему спасением от ужасов войны. В 1949 отец Владимир был арестован властями Броз Тито и два года провел в лагере. В 1951 выслан во Францию, откуда переехал в Англию. С 1953 отец Владимир служил священником сербского храма в Лондоне, а в 1955 организовал православную передачу на русском языке на Би-би-си и сам бесценно вел ее до 1979. Батюшка принимал предсмертную исповедь А. Ф. Керенского, и тем самым Господь как бы доверил ему зримое завершение определенного этапа русской истории. В 1979 скончались матушка отца Владимира Мария и внук Игорь. В 1980, по принятии иноческого пострига с именем Василий, он был рукоположен во епископа Вашингтонского Православной Церкви в Америке. В том же году Владыка стал епископом Сан-Францисским и Калифорнийским. С 1984, будучи на покое, часто и надолго приезжал в Россию. Почетный настоятель храма Малого Вознесения на Никитской в Москве. Почти полгода жил в Троице-Сергиевой Лавре, читая лекции и работая в библиотеке. В результате им была написана книга «Теория распада Вселенной и вера Отцов» (издана в 1996).

^{XC} В 1994 году (с 30.11.1988) наместником Лавры был архимандрит Феогност (Гузиков). См. примеч.

№ 57.

^{XCI} «Разрешение на вся» — разрешение вкушать скоромную пищу.

^{XCII} Кассия, инокиня (IX век), греческая монахиня, составительница церковных песнопений, вошедших в богослужебный обиход Восточной Церкви.

^{XCIII} Утренняя Великая Суббота. Ирмос 6-й песни канона.

^{XCV} Там же. Песнь 6, тропарь 3.

^{XCVI} См.: *Киприан, иеромонах*. «Не рыдай Мене, Мати» (Пятница) // Взгляните на лилии полевые. Курс лекций по литургическому богословию. Макариев-Решемский монастырь, 1999. (Свет православия; Вып. 46). С. 145–162.

Киприан (Керн; 1899–1960), архимандрит, доктор церковных наук, профессор Православного Богословского института в Париже. Окончил юридический и богословский факультеты Белградского университета. Принял монашество и иерейский сан в 1927. Преподавал в Битольской Семинарии (Сербия). Начальник Русской миссии в Иерусалиме (1928–1930). Затем преподавал в Парижской Свято-Сергиевской ДА патрологию, литургику, пастырское богословие, греческий язык. Инициатор «Литургических съездов» — международных конференций по проблемам литургики при Богословском институте. С 1940 настоятель православного храма в Кламаре близ Парижа. Инспектор Свято-Сергиевского богословского института (1944–1947). Скончался в Париже. Автор многих статей, книг, научных трудов, среди которых: «Крины молитвенные», «Отец Антонин Капустин», «Ангелы, иночество, человечество», «Евхаристия», «Антропология святого Григория Паламы», «Православное пастырское служение», «Les traductions russes des textes patristiques», «Из неизданных писем К. Леонтьева», «Памяти архимандрита Антонина Капустина», «Золотой век святоотеческой письменности», «Патрология: Лекции. Ч. 1», «Литургика: Гимнография и эортология».

^{XCVII} *Шмеман А., протоиерей*. Введение в литургическое богословие. М., 1996. 247 с.

^{XCVIII} Пасхальный канон. Песнь 8, тропарь 2.

^{XCVIII} Глеб (Кожевников; р. в 1961), игумен. Окончил МДС и Академию и одновременно регентский класс при МДА. С 1986 по 1989 исполнял обязанности экскурсовода Церковно-Археологического кабинета. В 1987 принял монашеский постриг. В 1988 рукоположен в сан иеродиакона и вскоре — в сан иеромонаха. В 1990 утвержден в должности преподавателя МДАиС и назначен заведующим Регентской школы при МДА. В 1991 освобожден от работы в Духовных школах в связи с переходом в число братии Троице-Сергиевой Лавры и назначен канонархом и регентом знаменного хора (Троицкий собор). В 1994 зачислен в корпорацию Московских Духовных школ. В 1998–2000 — заместитель ректора по административно-хозяйственной работе, преподаватель церковного пения в МДС.

^{XCIX} *Тютчев Ф.* Проблеск (1825) // Сочинения: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 47.

^C Ректор МДА (1990–1995) епископ Филарет (Карагодин). См. примеч. № 56.

^{CI} «Видимо, в сплаве большой процент меди». Колокольная бронза представляет собой сплав из меди (4/5) и олова (1/5).

^{CI} См.: Канон Пасхальный ко Пресвятей Богородице, поемый в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в пяток вечера от седмицы Фоминой до седмицы 5-й по Пасхе, в память посещения Богоматерию преподобного Сергия // Минея. Апрель. М., 1985. Ч. 2. С. 333–338.

Кроме этого канона, в Минея помещена замечательная Служба в честь явления Божией Матери преподобному Сергию: Минея. Август, 24. М., 1989. Ч. 2. С. 48–58. В календарях издательства Московской Патриархии этот праздник как местночтимый, не упоминается, но в более подробных календарях он присутствует.

^{CII} *Виссарион (Нечаев), епископ*. Толкование на паремии из книг Ветхого Завета. СПб., 1894; *Он же*. Толкование на паремии из новозаветных книг. СПб., 1896.

^{CIV} См.: Беседа старца Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни: Извлечение из книги С. Нилуса «Великое в малом». М., 1991. (Репр. воспр. изд.: Сергиев Посад, 1911). 32 с.: ил.

^{CV} Феодорит Кирский (ок. 393 — ок. 458), блаженный, экзегет. Христианский богослов, аскет, епископ (с 423), представитель антиохийской теологической школы. Апологетический трактат «Эранист» (против монофизитов), «Церковная история» (от 324 до 429), «Компендий еретических басен» (против ариан, несториан и евтихиан), «Десять слов о Промысле», «История боголюбцев» и др.

^{CVI} Алексей II (Ридигер; р. в 1929), Патриарх Московский и всея Руси с 1990 года. Родился в г. Таллине, в семье священника. По окончании школы служил псаломщиком, иподиаконом. Окончил ЛДС и Академию (кандидат богословия). В 1950 посвящен в сан диакона, священника. С 1958 протоиерей. В 1961 принял монашеский постриг. С 1961 архимандрит, в том же году состоялась его архиерейская хиротония. С 1964 архиепископ Таллинский и Эстонский, управляющий делами МП, постоянный член Священного Синода. С 1968 митрополит Таллинский и Эстонский. С 1986 митрополит Ленинградский и Новгородский. 7 июня 1990 на Поместном соборе в Москве тайным голосованием (166 голосов из 317) избран Патриархом Московским и всея Руси. Академик РАН (1993).

^{CVII} Одигитрия — Путеводительница. Икона Божией Матери, на которой Пречистая указывает рукою на Богомладенца. Наиболее известная и почитаемая в России икона этого типа — Смоленская.

^{CVIII} Андрей Рублев (XIV–XV века; память 4/17 июля), преподобный, русский иконописец, создатель фресок, икон, миниатюр. Был известен при жизни, знаменит после смерти (источники 1430–1460-х годов), особо прославляем с конца XV века («Отвещание...» Иосифа Волоцкого); в XVI веке его работы становятся обязательными образцами для подражания (постановление Стоглавого собора 1551). Реальные представления о его искусстве появляются после реставрационной расчистки его иконы «Троица» в 1904, но в полной мере — начиная с 1918, когда были расчищены фрески Успенского собора во Владимире и найдены иконы Звенигородского чина. Канонизирован в 1988.

^{CIX} Богослужебные тексты содержат в себе не только описания празднуемых событий и подвигов святых, но и богословские размышления на темы праздников, даже догматические определения, облеченные в гимнографическую форму.

Апофатическое богословие — система богословия, выражаемая грамматически в отрицательной форме, которая показывает отрицание ограничения Божественных свойств и таким образом содержит утверждение Его неограниченных свойств (например: Бог безначален, бесконечен, несотворен, непреложен, неизменяем, несложен, бестелесен, невидим, беспределен...).

^{CX} Отец Арсений: В 5 ч. / Под ред. прот. В. Воробьева. М., 2000. 742 с.: фот.

^{CXI} Спиридон, архимандрит. Из виденного и пережитого (Записки русского миссионера). СПб., 1998. 223 с. (Перепеч. из журн. «Христианская мысль». 1917. № 2–10).

^{CXII} «"Мемуары" архиепископа Луки». Имеется в виду его автобиография, известная ранее в самиздате под различными названиями. См.: Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. Моя жизнь во Христе. Мемуары. [Автобиография]. СПб., 1996; Он же. Я полюбил страдание... Автобиография. М., 1995. 207 с.; Он же. Воспоминания // ЖМП. 1993. № 12. С. 37–58.

^{CXIII} Софроний (Сахаров), иеромонах. Старец Силуан: В 3 ч. М., 1994. 511 с.

^{CXIV} Вышеславцева Ольга Николаевна (инокия Мария; 1898–30.06.1995), духовная сестра автора книги. Дважды была замужем, на войне потеряла сына; овдовев, приняла тайный иноческий постриг, о котором знали совсем немногие близкие. Окормлялась у протоиерея Николая Голубцова. Всю свою жизнь посвятила жертвенному служению ближним. О ней см.: Три встречи. М., 1997. Глава 3. С. 185–275.

^{CXV} Алфеева В. Паломничество на Синай. М., 1998. 320 с.: ил.

^{CXVI} Канон монаха Феостирикта — Канон молебный ко Пресвятой Богородице, поемый во всякой скорби душевной и обстоянии («Многими содержимь напастьми...»).

^{CXVII} Ильинская А. Соловки: Документальная повесть о новомучениках // Литературная учеба. 1991. № 2. — Авт.

^{CXVIII} Ширяев Б. Неугасимая лампада. М., 1998. 432 с.

^{CXIX} Шаламов В. Колымские рассказы // Воскрешение лиственницы: Рассказы в 2 кн. М., 1990. Кн. 1. С. 4–184.

^{CXX} Волков С. Возле монастырских стен: Мемуары, дневники, письма. [Воспоминания о Троице-Сергиевой Лавре и преподавателях МДА]. М., 2000. 606 с.

^{CXXI} Польский М. А., протоиерей. Новые мученики Российские: В 3 ч. М., [1993]. (Репр. воспр. изд.: Джорданвилль, 1949–1957). Ч. 1: Первое собрание материалов. 288 с.: ил. Ч. 2: Второй том собрания материалов. XXIV, 322 с.: ил. Ч. 3: Третий том собрания материалов. Не издан. (Машинопись).

^{CXXII} Самогласны Иоанна монаха («Кая житейская сладость...», «Плачу ирыдаю...» и проч.).

^{CXXIII} Венедикт (Князев; р. в 1935), архимандрит. Окончил МДС и Академию. В 1977 пострижен в монашество, рукоположен в сан иеродиакона, в сан иеромонаха. В 1976–1982 — экскурсовод Церковно-археологического кабинета. В 1978 утвержден в должности преподавателя литургики. В 1980 награжден саном игумена. В 1982–1983 и. о. инспектора МДАиС. В 1983 возведен в сан архимандрита. С 1983 инспектор МДС. В 1994 утвержден в должности проректора по общим вопросам. Преподаватель Библиейской истории. Кандидат богословия.

^{CXXIV} Алексей (Фролов; р. в 1947), епископ Орехово-Зуевский, викарий Московской епархии, председатель Богослужебной комиссии, Синодальной комиссии по делам монастырей и Комиссии по

экономическим и гуманитарным вопросам. Наместник московского Новоспасского монастыря. Окончил МДС и Академию (кандидат богословия). В 1975 рукоположен в сан диакона (целибат). В 1979 принял монашеский постриг. Преподавал в МДС. В 1989 рукоположен в иеромонаха с возведением в сан архимандрита. Архиерейская хиротония в 1995.

^{СХХV} Антоний (Медведев; 1792–1877; память в Соборе Радонежских святых 6/19 июля) Радонежский, архимандрит, преподобный. Наместник Лавры (1831–1877), духовник и сотаинник святителя Филарета Московского. В детстве под влиянием раскольников почти потерял веру, но позже обрел ее вновь. Через некоторое время после принятия монашеского пострига преподобный Антоний был назначен настоятелем Высокогорского монастыря. В 1824 он посетил ТСЛ, где познакомился со святителем Филаретом, произведя на него глубокое впечатление, и после смерти наместника Лавры был назначен на его должность. Основал Гефсиманский скит на Корбухе, его Пещерное отделение, Боголюбивую Киновию и Параклит.

^{СХХVI} Иннокентий (Попов-Вениаминов; 1797–1879; память 31 марта /13 апреля, 23 сентября /6 октября), митрополит Московский и Коломенский, просветитель Сибири и Америки, миссионер, святитель. Прославлен за свой апостольский подвиг, за ревностный миссионерский труд на ниве Христовой среди народов Приамурья, Якутии, Камчатки и Аляски.

^{СХХVII} См. *Беляев С.* «В память вечную будет праведник...». Обретение мощей святителя Московского Филарета, святителя Московского Иннокентия и архимандрита Антония // ЖМП. 1996. № 12. С. 57–67; *Он же.* Обретение святых мощей преподобного Максима Грека // ЖМП. 1996. № 9. С. 74–77.

^{СХХVIII} Положение, в котором оказался преподобный Максим Грек, очень трогательно описано в стихире по 50-м псалме на день его памяти. В ответ на просьбу Преподобного освободить его от уз и отпустить на родной Афон в уста святителя Макария Московского влагаются слова: «О Максиме! Вижду ты невиновна молитвенника и сокрушаюся, узы твоя яко единого от святых целую, а помощи не могу ти...». Минея. Январь, 21. Утренняя.

^{СХХIX} Епифаний Премудрый (до 1380 — ок. 1420), иеромонах, ученик преподобного Сергия, автор первого его Жития и житий других святых, очень талантливый духовный писатель. Житие преподобного Сергия он начал писать через год по его кончине, основываясь на личных воспоминаниях и свидетельствах старцев, современников преподобного, и закончил через 26 лет.

^{СХХX} Кирилл (Павлов; р. в 1919), архимандрит. Родился в Касимове Рязанской обл. Окончил политехнический техникум. Воевал, был ранен, сражался в Сталинграде. Отслужив в армии 7 лет, окончил ДС (располагавшуюся тогда в московском Новодевичьем монастыре), поступил в Академию, затем в Лавру. Послушником был пономарем в Троицком соборе. Ныне один из старейших насельников Лавры и ее духовник, известный и любимый всей православной Россией.

^{СХХXI} Митрополит Владимир (Сабодан). См. примеч. № 65.

^{СХХXII} В 1966 году ректором МДА был архиепископ Филарет (Вахромеев; р. в 1935). Окончил МДС и Академию (кандидат богословия). В 1959 принял монашеский постриг и диаконскую хиротонию в ТСЛ. В 1961 иерейская хиротония. Преподавал в МДА. С 1963 игумен, архимандрит. В 1966–1973 ректор МДА. Архиерейская хиротония в 1965. Инспектор МДА, ректор (1966–1973), Председатель ОВЦС (до 1989). С 1971 архиепископ. С 1975 митрополит. С 1978 митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший экзарх всея Белоруссии, постоянный член Священного Синода, председатель Синодальной богословской комиссии.

^{СХХXIII} Ректор МДА епископ Александр (Тимофеев). См. примеч. № 83.

^{СХХXIV} Филофей (Коккин), Константинопольский Патриарх (1354–1355 и 1362–1376). В то время Русская Церковь подчинялась Константинопольскому Патриарху. В 1372 Патриарх Филофей прислал преподобному Сергию крест, параман, схиму и свое благословение ввести в обители строгий общежительный устав, что и сделал Преподобный, а по его примеру — и многие другие русские монастыри.

^{СХХXV} Митрополит Московский Алексей († 1378; память 12/ 25 февраля, 20 мая /2 июня и 5/18 октября). Происходил из боярского рода Бякнотов. Подвизался в Московском Богоявленском монастыре, а затем был поставлен епископом города Владимира. Когда преставился митрополит Феогност, Великий князь Московский Иоанн Иоаннович по соборному постановлению избрал митрополитом святого Алексея и послал его на посвящение в Царьград к святейшему Патриарху Филофею. Филофей поставил святого Алексея митрополитом Киевским и всея России. По возвращении из Царьграда святой Алексей принял на себя управление Русской Церковью. Святительский престол великий служитель занимал 24 года.

^{СХХXVI} Стефан Московский († XIV–XV век; память в Соборах Московских, Радонежских и Ростово-Ярославских святых) преподобный, родной брат преподобного Сергия. После введения преподобным Сергием строгого общежительного устава в обители произошло смятение, во главе которого стоял Стефан. Чтобы не быть причиной немирствия братии, Сергий смиренно удалился на реку Киржач, желая подвизаться в одиночестве. Но братия и святитель Алексей просили вернуться Преподобного в монастырь, чему тот и повиновался.

^{СХХXVII} Анатолий (Кузнецов; р. в 1930), архиепископ Керченский, викарий Сурожской епархии (Великобритания). После службы в армии рукоположен в сан диакона, в 1956 — в сан священника. Окончил МДС и Академию (кандидат богословия). Принял монашеский постриг в 1960 в Лавре. Преподавал в МДА (доцент). Архиерейская хиротония в 1972. Кафедры: Виленская и Литовская, Уфимская и Стерлитамакская,

Звенигородская. С 1990 в Великобритании, епископ Керченский, викарий Сурожской епархии. С 1993 в сане архиепископа. В 2002 несколько месяцев был на покое, затем вернулся на кафедру.

^{CXXXVIII} Речь идет о движении имяславия.

^{CXXXIX} Тихон (Белавин; 1865–1925; память 25 марта /7 апреля, 26 сентября /9 октября), Патриарх Московский и всея России (с 1917), святитель. Окончил Псковскую ДС и СПбДА (кандидат богословия). В 1891 принял монашеский постриг и вскоре был рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1892 возведен в сан архимандрита. Преподавал в нескольких Духовных школах. В 1897 архиерейская хиротония. В 1898 епископ Алеутский и Североамериканский. Его миссионерская деятельность закрепила за святителем Тихоном славу подлинного апостола православия в Америке. В 1917 Поместным собором РПЦ избран Патриархом Московским и всея России. В годы гражданской войны призывал к прекращению кровопролития, выступал против декретов об отделении Церкви от государства и об изъятии церковных ценностей. В 1922 по обвинению в антисоветской деятельности арестован. В 1923 был выпущен из тюрьмы и находился под домашним арестом. Его патриаршество пришлось на самые тяжелые и трагические для страны годы — время кровопролитий, церковных смут и расколов, но святитель все-таки сумел с помощью Божией сохранить единство Церкви, ее духовную целостность и преемственность. Причислен к лику святых в 1989.

^{CXL} Феодосий (Лазор; р. в 1933), архиепископ Нью-Йоркский, митрополит всей Америки и Канады, Предстоятель Американской Автокефальной Церкви (1977–2000). С 2000 на покое.

^{CXLI} Члены яковитской церкви — сирийские монофизиты, получившие свое название от Иакова Барадея (VI век).

^{CXLII} Андроник (Трубачев; р. в 1952), игумен. Преподаватель Священного Писания Нового Завета. Окончил МИАИ, МДС и Академию. В 1981 принял монашеский постриг, рукоположен в сан иеродиакона, в 1982 — в сан иеромонаха. С 1984 лектор Московских Духовных школ. С 1984 преподаватель нравственного богословия в Семинарии. В 1986 возведен в сан игумена. Кандидат богословия, доцент. Секретарь Богослужбной комиссии.

^{CXLIII} В 1976 году (1972–1982) наместником Лавры был архимандрит Иероним (Зиновьев). См. примеч. № 72.

^{CXLIV} См.: Глинская мозаика. Воспоминания паломников о Глинской пустыни (1942–61) / Сост. Г.А. Пыльнева. М., 1997. 223 с.

^{CXLV} Пимен (Извеков; 1910–1990), архимандрит (впоследствии Патриарх Московский и всея Руси). Долгое время регентовал в московских храмах. Пострижен в монашество в 1927. В 1931 рукоположен в иеродиакона, в 1932 — в иеромонаха. С 1947 игумен. С 1949 наместник Псково-Печерского монастыря. Архимандрит с 1949. Наместник ТСЛ в 1954–1957. В 1957 архиерейская хиротония, архиепископ с 1960, митрополит с 1961. Управляющий делами МП в 1960–1961, постоянный член Священного Синода с 1961. Местоблюститель Московского патриаршего престола в 1970. Патриарх Московский и всея Руси с 1971. Похоронен в ТСЛ, в храме Всех святых, в земле Российской просиявших, рядом со Святейшем Патриархом Алексием I.

^{CXLVI} Григорий Палама († 1359; память 14/28 ноября, в Неделю 2-ю Великого поста), святитель. Родился в 1296 в Малой Азии. В 1336 в скиту святого Саввы он занялся богословскими трудами, которых не оставлял до конца жизни. 27 мая 1341 Константинопольский Собор принял положение святого Григория Паламы (против ереси монаха Варлаама) о том, что за подвиг поста и молитвы Господь озаряет верующих нетварным благодатным Своим светом, каким сиял Он на Фаворе. В 1344 Патриарх Иоанн XIV Калека, приверженец учения Варлаама, отлучил святого Григория от Церкви и заключил в темницу. В 1347, после смерти Иоанна XIV, святой Григорий был освобожден и возведен в сан архиепископа Солунского. В одну из его поездок в Константинополь византийская галера попала в руки турок, и Святителя в течение года продавали в различных городах. Лишь за три года до кончины святитель Григорий вернулся в Солунь, где и скончался.

^{CXLVII} «...И по смерти жива...» — ирмос 9-й песни канона и задостойник праздника Успения Пресвятой Богородицы.

^{CXLVIII} «В молитвах неусыпающую Богородицу, и в предстательствах непреложное упование...» — начало кондака на праздник Успения.

^{CXLIX} По традиции ставленник, готовящийся наутро принять рукоположение, накануне прислуживает за вечерним богослужением в белом стихаре и на утрени читает шестопсалмие.

^{CL} На подобен «О дивное чудо» напева Киево-Печерской Лавры. Там, где возможности хора не позволяют исполнить этот напев, поют обычным обиходом на 1-й глас.

^{CLI} «Божественная благодать, всегда немощная врачующи, и оскудевающая восполняющи...» — молитва архиерея при рукоположении в Таинстве Священства (из Чина рукоположения во диакона или пресвитера).

^{CLII} Никандр (Коваленко; р. в 1954), епископ Звенигородский, викарий Московской епархии, представитель Патриарха Московского при Патриархе Антиохийском (освобожден от должности в 1995). Окончил физфак МГУ, МДС и Академию. В 1984 зачислен послушником в Лавру.

В 1985 — монашеский постриг, диаконская хиротония. В 1986 — иерейская хиротония. В 1987 — игумен. В 1988 — архимандрит. Архиерейская хиротония 07.08.1988. 17 февраля 1997 уволен на покой «до выяснения обстоятельств»: не явился после предоставленного отпуска для лечения. Местонахождение неизвестно. По непроверенным данным (см.: <http://www.kuraev.ru/gb/view.php3?subj=11217>), в настоящее время Владыка преподает философию в одном из университетов Лос-Анджелеса.

^{CLIII} «... Се Всецарица Богоотроковица прииде. Возмите врата...». Успение Пресвятой Богородицы. Великая вечерня. На «Господи, воззвах», стихира на Слава, и ныне.

^{CLIV} В 1991 году наместник ТС Л архимандрит Феогност (Гузилов). См. примеч. № 57.

^{CLV} Воскресные тропари по непорочныхв Чине погребения Пресвятой Богородицы переложены на молитвенные обращения к Божией Матери.

^{CLVI} Отдание Преображения Господня празднуется 13/ 26 августа, а 14/27 августа наступает предпразднство Успения Пресвятой Богородицы.

^{CLVII} Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), протоиерей, русский религиозный философ, православный богослов, экономист, публицист, церковно-общественный деятель. С 1923 в эмиграции, жил в Париже. От легального марксизма, который Булгаков пытался соединить с неокантианством, перешел к религиозной философии, затем к православному богословию. Основные сочинения: «Философия хозяйства», «О богочеловечестве. Трилогия», «Философия имени», «Агнец Божий». Участник сборников: «Вехи», «Из глубины», «Проблемы идеализма»; член Братства Святой Софии, создатель и декан Парижского Богословского института.

^{CLVIII} См. примеч. № 76.

^{CLIX} Стихиры Кресту. Воздвижение Креста Господня (Миня. Сентябрь, 14). Великая вечерня. На стиховне, стихира 1-я, самоподобен. Эти же стихиры поются в Неделю 3-ю Великого поста, Крестопоклонную. Великая вечерня. На «Господи, воззвах», стихира 2.

^{CLX} Алексей (Коноплев; 1910–1988), архиепископ. В 1929–1933 псаломщик. Участник Великой Отечественной войны. Окончил МДС и Академию (кандидат богословия). Служил священником и настоятелем нескольких московских храмов. В 1956 принял монашеский постриг и архиерейскую хиротонию. С 1964 архиепископ. С 08.10.1966 архиепископ Краснодарский и Кубанский. С 1978 архиепископ Калининский (Тверской) и Кашинский. С 1981 в сане митрополита.

^{CLXI} Митрополит Филарет (Вахромеев). См. примеч. № 132.

^{CLXII} В 1966 году наместником Лавры был архимандрит Платон (Лобанков; 1927–1975). В 1952–1953 псаломщик. С 1953 послушник Псково-Печерского монастыря. В 1954 перешел в ТСЛ и пострижен в монашество. С 1954 иеродиакон, иподиакон Святейшего Патриарха Алексия I. Окончил МДС и Академию (кандидат богословия). В 1960 иерейская хиротония. Наместник ТСЛ в 1965–1970. В 1970 хиротонисан во епископа Аргентинского и Южноамериканского. С 1971 епископ Самаркандский, викарий Ташкентской епархии. С 1972 епископ Воронежский и Липецкий.

^{CLXIII} Платон (Левшин; 1737–1812), митрополит Московский (с 1775), известный своей просветительской деятельностью (катехизисы, проповеди, первый систематический курс русской церковной истории и др.). В 1763 иеромонах Платон был наместником ТСЛ, основал Вифанский скит, где и погребен.

^{CLXIV} Нилус Сергей Александрович (1862–1929), духовный писатель. Окончил юридический факультет Московского университета, служил следователем на Кавказе. Выйдя в отставку, пережил глубокую личную драму, вследствие чего обратился ко Христу. В 1907–1912 по приглашению Оптинских старцев жил у стен монастыря, собирая материалы об истории обители. Дважды был арестован (1924 и 1927). Автор книг: «Великое в малом», «Святыня под спудом», «Близ есть, при дверех», «Сила Божия и немощь человеческая», «На берегу Божьей реки».

^{CLXV} См.: С.А. Нилус. Жизнеописание (1862–1929). М., 1995. 350 с.: фотоил.— Авт.

^{CLXVI} См.: *Иннокентий (Попов-Вениаминов), митрополит*. Указание пути в Царствие Небесное: Беседа Высокопреосвященного Иннокентия, бывшего С [еверо]-Американского и Алеутского, потом митрополита Московского и Коломенского. [Загорск], 1990. (Репр.). 63 с.: ил.

^{CLXVII} Варсонофий (Плиханков; 1845–1913; память 1/14 апреля, 11/24 октября), преподобный старец Оптинский, схиархимандрит. В миру служил полковником. Поступил в Оптину в 1891 по благословению преподобного Амвросия. Ученик преподобного Анатолия (Зерцалова), затем обращался к преподобному Нектарию. Духовный наставник преподобного Никона (Беляева), старца Оптинского. В 1912 был назначен настоятелем Старо-Голутвина подмосковного монастыря с возведением в сан архимандрита, где и скончался. О нем см.: Житие Оптинского старца Варсонофия. Оптина пустынь, 1995. 463 с. (Преподобные Старцы Оптинские).

^{CLXVIII} Варнава (Николай Николаевич Беляев; 1887–1963), епископ Васильсурский. Родился в Москве. В 1911 поступил в МДАи принял монашеский постриг. В 1915 иеромонах Варнава направлен преподавателем в Нижегородскую ДС. В 1920 архимандрит Варнава посвящен в епископа Васильсурского (Печерского), викария Нижегородской епархии. В 1922 правящий Нижегородский архиерей перешел к обновленцам, а епископ Варнава удаляется на покой, в затвор, и принимает подвиг юродства, занимаясь писательскими трудами. В 1933 арестован, в 1936 освобожден. До 1949 прожил в Томске, остальное время в Киеве, где скончался и был погребен.

В 1908 году Николай Беляев посещает Оптину пустынь, где желает остаться у преподобного Варсонофия. В это время у Старца был другой послушник Николай Беляев (1888–1931) — будущий преподобный Никон Оптинский исповедник. Николая Беляева-старшего в Скит не приняли.

^{CLXIX} См.: *Верховцева Н. А.* Сергиев Посад // Благодарю Бога моего. Воспоминания Веры Тимофеевны и Натальи Александровны Верховцевых. М., 2001. С. 54–63.

^{CLXX} См.: Московский журнал. 1992. № 3.— *Авт.*

См. также: *Фудель С. И.* У стен Церкви. Макариев-Решемская обитель, 1997. С. 76–77.

^{CLXXI} См.: *Можяев Б., свящ.* Как я стал священником // Ахтырка: Спецвыпуск газеты «Хотьковский вестник». 1993. №48.— *Авт.*

^{CLXXII} *Шмелев И. С.* Куликово поле (Рассказ следователя) // *Шмелев И. С.* Куликово поле; *Ильин И. А.* Творческая идея нашего будущего. [М.], 1999. С. 3–52.

^{CLXXIII} «Благодатного ли чину?» — то есть: имеет ли священный сан?

^{CLXXIV} Розанов Василий Васильевич (1856–1919), русский писатель, публицист, философ, критик. Был близок к кругам символистов. Скончался в Сергиевом Посаде от голода, похоронен в Гефсиманском скиту рядом с могилой К. Леонтьева.

^{CLXXV} Александров Александр Васильевич (1883–1946), российский композитор и хоровой дирижер, народный артист СССР (1937). Организатор (1928) и художественный руководитель Ансамбля песни и пляски Советской Армии. Автор песни «Священная война» (1941), музыки к государственному гимну СССР. До революции Александров регентовал в храме Христа Спасителя.

^{CLXXVI} Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), российский деятель революционного движения, народник, публицист. Член кружка «чайковцев», «Земли и воли», исполкома «Народной воли», редактор народовольческих изданий, с 1882 представитель исполкома за границей. Позднее отошел от революционной деятельности. По возвращении в Россию (1889) монархист. Автор книги «Монархическая государственность» (1905; репр. воспр.: СПб., 1992). 680 с.

^{CLXXVII} Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), русский живописец. Выдающийся представитель русского символизма и модерна, ведущий мастер религиозной живописи «серебряного века», сумевший органически продолжить характерные линии своего стиля и в советский период. Создал поэтичные религиозные образы, связанные с этическими исканиями 1880–1910-х годов («Видение отроку Варфоломею», «На Руси»). Принимал участие в росписи Владимирского собора в Киеве, храма Воскресения Христова («Спаса на крови») в Петрограде. Им написаны иконы для церквей в Новой Чартории (Волынской губ.), в Гаграх (на Кавказе) и произведена роспись дворцовой церкви в Аббас-Тумане. В последние годы жизни им выполнена обширная роспись нового собора Марфо-Мариинской обители в Москве и написаны образа для собора в Сумах. Внимания заслуживают также картины Нестерова: «Юность преподобного Сергия», «Под благовест», «Труды преподобного Сергия», «На горах», «Великий постриг», «Благовещение», «Преподобный Сергей Радонежский», «Святая Русь», «Святой Димитрий Царевич убиенный», акварель «Прощание преподобного Сергия с князем Димитрием Донским» и проч.

^{CLXXVIII} Гельсингфорс — шведское название г. Хельсинки.

^{CLXXIX} Этот случай исцеления описан в книге: *Монастырские письма / Сост. архимандрит Антоний [Медведев].* Сергиев Посад, 1997. С. 70–72. Речь идет о лаврском стороже Флоре Псаеве, который впоследствии, вероятно, принял иноческий постриг с именем Фома.

^{CLXXX} Леонид (Кавелин; 1822–1891), архимандрит, наместник ТСЛ (1877–1891), русский духовный писатель. Составил ряд каталогов и описаний старопечатных книг и рукописей.

^{CLXXXI} Ионафан (Руднев; † 1906), епископ Ярославский и Ростовский (с 1877). С 1883 архиепископ. С 1903 на покое.